

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1984

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), **Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,**
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — **Н. Г. НАДЖАФОВ.**

Технический редактор **Б. А. Абдуллаев.**

Корректоры **А. А. Гусейнова, Л. Г. Гасанзаде.**

Сдано в набор 19.3.84 г. Подписано к печати 29.6.84 г. ФГ 07892. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 2242. Тираж 2450. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленинский внешнеполитический курс нашей партии и государства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

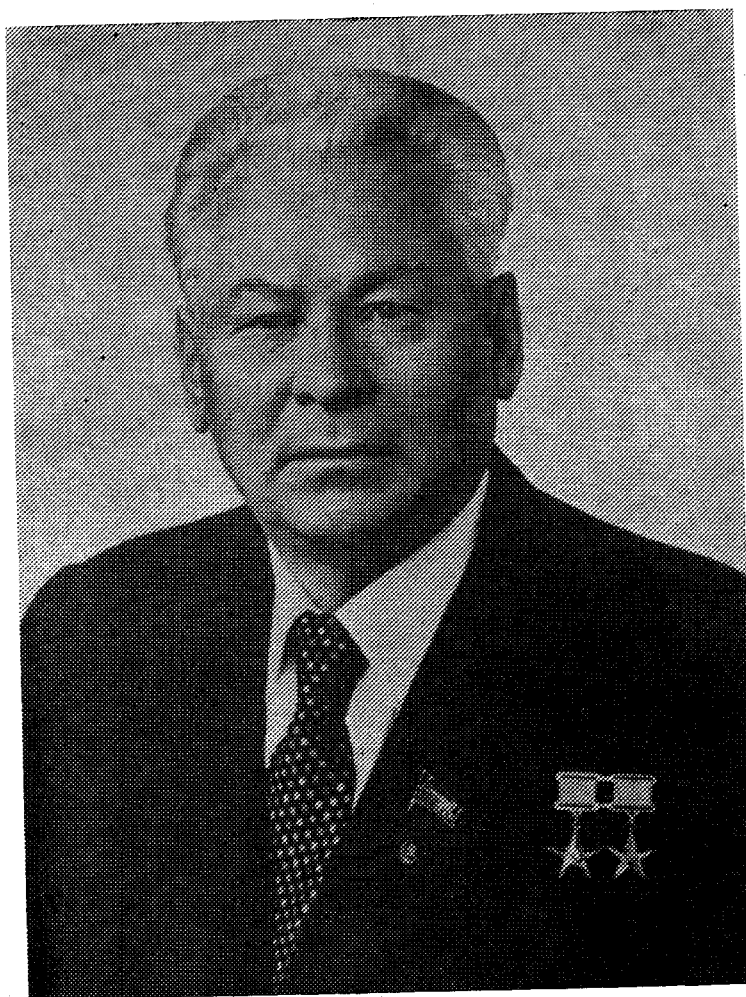
По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал товарища Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Товарищ К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Генеральный секретарь ЦК КПСС
Константин Устинович Черненко.

Константин Устинович

ЧЕРНЕНКО

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, русский.

Член КПСС с 1931 года. Образование высшее — окончил педагогический институт и Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

Трудовую жизнь К. У. Черненко начал с ранних лет, работая по найму у кулаков. Вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с руководящей работой в комсомольских, а затем в партийных органах. В 1929—1930 годах К. У. Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Красноярского края. В 1930 году он пошел добровольцем в Красную Армию. До 1933 года служил в пограничных войсках, был секретарем партийной организации пограничной заставы.

После окончания службы в армии К. У. Черненко работал в Красноярском крае: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского райкомов партии, директором Красноярского краевого дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, секретарем Красноярского крайкома партии.

С 1943 года К. У. Черненко учится в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). По окончании учебы с 1945 года работает секретарем Пензенского обкома партии. В 1948 году был направлен в Молдавскую ССР и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Работая в этой должности, он много сил и знаний отдал экономическому и культурному строительству в республике, коммунистическому воспитанию трудящихся.

В 1956 году К. У. Черненко выдвигается на работу в аппарат ЦК КПСС, где он возглавил сектор в Отделе пропаганды, и одновременно был утвержден членом редакционной коллегии журнала «Агитатор». С 1960 года он работает начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965 году К. У. Черненко утверждается заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1966—1971 годах он — кандидат в члены ЦК КПСС. На XXIV съезде партии (март 1971 г.) избирается членом Центрального Комитета КПСС, а в марте 1976 года на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XXV съезда партии, — секретарем ЦК КПСС.

С 1977 года он — кандидат в члены Политбюро, а с 1978 года — член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7—10-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва. К. У. Черненко был членом советской делегации на международном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 год), участвовал в переговорах в Вене по вопросам разоружения (1979 год).

Константин Устинович Черненко — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые поручала ему партия, он проявил высокие организаторские способности, партийную принципиальность, преданность великому делу Ленина, идеалам коммунизма. К. У. Черненко — автор ряда научных трудов по актуальным вопросам повышения руководящей роли партии в жизни советского общества, совершенствования стиля и методов партийной и государственной работы, развития социалистической демократии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором определены главные направления улучшения идеологической деятельности КПСС в современных условиях.

За большие заслуги перед Родиной Константин Устинович Черненко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями Советского Союза. Он является лауреатом Ленинской премии.

К. У. Черненко награжден высшими наградами социалистических стран.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ ГЛАСНЫХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Под влиянием целого ряда специальных работ в тюркологии сложилось мнение о необычайной сложности истории гласных чувашского языка. Многоплановость фонетических соответствий между чувашским и другими тюркскими языками отмечалась многими лингвистами. По этой проблеме высказывались такие видные лингвисты, как В. В. Радлов, Г. Рамстедт, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе и др. Работа М. Р. Федотова «Чувашский язык в семье алтайских языков» (Чебоксары, 1980) также касается проблемы чувашских гласных.

Древнетюркское а

Рефлексы — $a > ы$: др.-тюрк. *алтун* 'золото', чув. *ылтан*, др.-тюрк. *катыг* 'твердый', чув. *хытă*, др.-тюрк. *бал* 'мед', чув. *пыл* и т. д.; $a > o/u$: др.-тюрк. *ач* 'открывать', чув. *оç*-, *уç*-, др.-тюрк. *адак* 'нога', чув. *ора/ура* и т. д.; $a > ай$: др.-тюрк. *қачан* 'когда', чув. *хăсан*, др.-тюрк. *бақ* 'внимательно смотреть', чув. *пăх*-, др.-тюрк. *аңла* 'понимать', чув. *ăнла*-, др.-тюрк. *бағыр* 'медь', чув. *пăхăр* и т. д.; $a > ё$: др.-тюрк. *бағыр* 'печень', чув. *пёвер*, др.-тюрк. *йаңы* 'новый', чув. *сёнё*; $a > й$: др.-тюрк. *сач* 'волосы', чув. *сйç*, тат. *чапчақ* 'долбленная кадка', чув. *сйңсе*; $a > и$: др.-тюрк. *ал* 'брат', чув. *ил*-, др.-тюрк. *йал* 'грива', чув. *сил-хе*, др.-тюрк. *қарыш* 'встречаться', 'враждовать', чув. *хирёç*-, др.-тюрк. *сач* 'сыпать', чув. *сиç*-, 'веять (зерно лопатой)'; $a > э$, e ($= ай$, e): тат. *атна* 'неделя', чув. *эрне*, тат. *сагэт* 'час', чув. *сехет*.

В заключение упомянутой работы М. Р. Федотов делает вывод, что древнетюркскому *a* первого слога может соответствовать любой из гласных чувашского языка, то есть *ы*, *и*, *о*, *у*, *ё*, *й*, *ă*, *ё*, *а*, *э*¹.

Древнетюркское ä

Разнобой наблюдается и в отражении древнетюркского *ä*. Возможны следующие рефлексы — $ä > а$: др.-тюрк. *ăкин* 'посев', чув. *ак* 'сеять', др.-тюрк. *ăшик* 'дверь', чув. *алăк*, др.-тюрк. *сăкиз* 'восемь', чув. *саккар*; $e > и$: др.-тюрк. *кел* 'приходить', чув. *кил*-, др.-тюрк. *ешид* 'слышать', чув. *илт*-, $e > о$: др.-тюрк. *жерйүк* 'трещина', чув. *сорак*, *сурак*; $e > ё$: др.-тюрк. *жер* 'земля', чув. *сёр*, др.-тюрк. *есйр* 'темный', чув. *йсер*; $e > ы$: др.-тюрк. *бедйүк* 'большой', чув. *пысăк* 'большой' и т. д.

Древнетюркское i

Рефлексы — $i > ай$: др.-тюрк. *кирлик* 'ресница', чув. *хăрпă*, др.-тюрк. *сиңир* 'жила', чув. *шăнăр*; $i > ё$: др.-тюрк. *инăк* 'корова', чув. *ёне*, др.-тюрк. *бил* 'знать', чув. *пёл*-, др.-тюрк. *тил* 'язык', чув. *чёл-хе*; $i > и$: др.-

¹ Данные об отражении пратюркских гласных в чувашском языке приводятся здесь автором из указанной книги М. Р. Федотова в сокращенном виде.

тюрк. *биз* 'мы', чув. *э-пир*, др.-тюрк. *тик-* 'втыкать', 'водружать', 'устанавливать', чув. *чик-*; *и>а*: др.-тюрк. *бир-* 'давать', чув. *пар-*, др.-тюрк. *ким* 'кто', чув. *кам*; *и>ы*: др.-тюрк. *бит* 'вошь', чув. *пыйтă*, др.-тюрк. *ит* 'собака', чув. *йытă*. Древнетюркское *и* отражается в чувашском языке в виде *ы, и, ă, ё, а*.

Древнетюркское *у*

Рефлексы — *ы>ă*: др.-тюрк. *чынлык* 'правдивость', чув. *чăнлăх*, др.-тюрк. *сына-* 'проверять', чув. *сăна-*, др.-тюрк. *сырт* 'возвышенность'; чув. *сăрт*; *ы>ё*: др.-тюрк. *қыз* 'девушка', чув. *хёр*, др.-тюрк. *йылан* 'змея', чув. *сёлен*; *ы>ы*: др.-тюрк. *йығач* 'дерево', чув. *йывăç*, др.-тюрк. *шыш-* 'пухнуть', чув. *шыç-*; *ы>и*: др.-тюрк. *қыр* 'плоскогорье', чув. *хир* 'поле', др.-тюрк. *биш-* 'зреть', 'поспевать', чув. *пиç-* 'зреть'; *ы>о, у*: др.-тюрк. *йырла-* 'петь', чув. *йорла-/юрла-*; *ы>а*: др.-тюрк. *қырғаш-* 'проклинать', чув. *харкаш-*; *ы>е*: др.-тюрк. *йымышак*, 'мягкий', чув. *семсе*. Древнетюркское *ы* может соответствовать чувашским *ы, и, о, у, ă, ё, а, е*.

Древнетюркское *о*

Рефлексы — *о>о, у*: др.-тюрк. *очақ* 'печь', чув. *вочах//вучах*, др.-тюрк. *оқ* 'стрела', чув. *оха//уха*, др.-тюрк. *бол-* 'случиться', 'происходить', чув. *пул-*; *о>ă*: др.-тюрк. *бојун* 'шея', чув. *май*, др.-тюрк. *қонуқ* 'гость', чув. *хăна*, др.-тюрк. *қорқу-* 'бояться', чув. *хăра-*; *о>ы*: др.-тюрк. *оғул* 'сын', чув. *ывăл*; *о>й*: др.-тюрк. *тоғру* 'прямой', чув. *тўре*, др.-тюрк. *јоры-* 'ходить', чув. *сўре-*; *о>а*: др.-тюрк. *коғшақ* 'мягкий', чув. *хавшақ*. Таким образом, древнетюркское *о* отражается в чувашском языке в виде *ы, о, у, ă, а*.

Древнетюркское *ö*

Рефлексы — *ö>о, у*: др.-тюрк. *көр-* 'видеть', чув. *кор-//кур-*, др.-тюрк. *көз* 'глаз', чув. *коç//куç*; *ö>й*: др.-тюрк. *бөл-* 'делить', чув. *пўл-*, др.-тюрк. *өпкă* 'легкие', чув. *йпке*; *ö>ă*: др.-тюрк. *көкүз* 'грудь', чув. *кăкăр*, др.-тюрк. *көк* 'корень', чув. *кăк*; *ö>ё*: др.-тюрк. *көпрүк* 'мост', чув. *кёпер*, др.-тюрк. *көн* 'выделанная кожа', чув. *чён*; *ö>и*: др.-тюрк. *өл-* 'умирать', чув. *вил-*, др.-тюрк. *ört-* 'покрывать', чув. *вит-*, др.-тюрк. *өрү* 'вверх', чув. *вир* 'верх'. Древнетюркское *ö* может соответствовать чувашским *и, о, у, й, ă, ё*.

Древнетюркское *и*

Рефлексы — *и>ă*: др.-тюрк. *буз* 'лед', чув. *пăр*, др.-тюрк. *буза*, *бузағу* 'теленка', чув. *пăру*, др.-тюрк. *јул* 'источник', чув. *сăл*, др.-тюрк. *јулдуз* 'звезда', чув. *сăлтăр*; *и>ы*: др.-тюрк. *суб*, *сув* 'вода'; чув. *шыв*, др.-тюрк. *тут-* 'держать', чув. *тыт-*; *и>й*: др.-тюрк. *јуқа*, 'тонкий', чув. *сўхе*, др.-тюрк. *јупла-* 'обманывать', 'хитрить', чув. *йўпле-* 'насмехаться'. Древнетюркское *и* соответствует чувашским *ы, о, у, ă, ё, е*.

Древнетюркское *ï*

Рефлексы — *ï>ё*: др.-тюрк. *бўт-* 'кончаться', чув. *пёт-*, др.-тюрк. *йўрек* 'сердце', чув. *чёре*, др.-тюрк. *јўз* 'сто', чув. *сёр*; *ï>ă*: др.-тюрк. *јўк* 'груз', чув. *сăк*, др.-тюрк. *кўндўз* 'днем', чув. *кăнтăр*, др.-тюрк. *сўпўрегў* 'метла', чув. *шăпăр*; *ï>й*: др.-тюрк. *тўз* 'прямой', чув. *тўре*, др.-тюрк. *тўемă* 'пуговица', чув. *тўме*; *ï>о, у*: др.-тюрк. *кўл-* 'смеяться', чув. *кул-*. Древнетюркское *ï* может соответствовать гласным *о, у, ă, ё* чувашского языка.

М. Р. Федотов отмечает, что между древнетюркским и чувашским вокализмом имеется огромное различие. Такой крайне своеобразный, противоречивый и труднообъяснимый чувашский вокализм стал причиной дискуссий в алтаистике².

² М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980, стр. 101.

Допустим на минуту, что чувашский вокализм с точки зрения истории языка действительно очень сложен, запутан и противоречив. Пусть одному только древнетюркскому *a* могут соответствовать все гласные современного чувашского языка. Тогда возникает вопрос: где же искать причину этого явления? Может быть, серьезная ломка древнетюркского вокализма в чувашском языке могла произойти под влиянием какого-либо языка-субстрата?

Такое предположение уже высказывалось. «Преобразование чувашского вокализма, — замечает А. М. Щербак, — следствие неоднократно перекрещивающихся влияний нетюркского субстрата, общетюркских тенденций и кыпчакских языков Поволжья»³.

Несомненно, на территории Чувашии существовали некогда какие-то древние языки, но влиять на чувашский язык они не могли по той простой причине, что чуваша и родственные им камские булгары появились в Волгокамье относительно поздно. Изменение древнетюркского вокализма в чувашском языке могли произвести только языки типа китайского или вьетнамского. Можно с уверенностью сказать, что в истории Волгокамья такие языки никогда не бытовали.

Наиболее вероятным субстратом мог быть марийский язык. Однако, судя по фактам истории марийского языка, его фонетика не противостоит звуковому строю чувашского языка.

По данным диалектов, родственных языков и заимствований для прамарийского реконструируется следующая система гласных фонем: *a, ä, o, ö, y, ü, e, u*⁴. Кроме того, было в нем четыре типа редуцированных. Существовали редуцированные переднего и заднего ряда, а также так называемые неогубленные редуцированные.

Если считать, что прачувашский вокализм в известной мере был близок к прататарскому вокализму, то придется признать, что серьезных противоречий между вокализмом прамарийским и прачувашским в действительности не было. Тогда можно будет заключить, что прамарийский вокализм не мог быть причиной ломки древнетюркского вокализма в чувашском языке. Какова же в таком случае действительная причина?

Прежде чем ответить на этот вопрос, хотелось бы указать на некоторые методические недостатки сравнительно-исторического анализа, приведенного в книге М. Р. Федотова.

Отправная точка рассуждений автора — древнетюркский вокализм, то есть вокализм, наблюдаемый в словах, встречающихся в памятниках древнетюркской письменности. Нельзя не признать, однако, что этот вокализм относительно архаичен, но это не давно установленный вокализм тюркского праязыка, с которого и следовало бы начать анализ. Древнетюркский вокализм — это вокализм древнетюркских языков, сложившихся значительно позднее праязыка. Поэтому заключение о древности гласных может быть ошибочным. Например, М. Р. Федотов приводит соответствие — др.-тюрк. *e* = чув. *и*: др.-тюрк. *кел* 'приходить', чув. *кил*-, др.-тюрк. *бил* 'пять', чув. *пил(л)ёк* (стр. 90). Далее дано соответствие — др.-тюрк. *жерёк* 'трещина', чув. *сурак* (стр. 91).

В действительности первичным здесь было *ä*, а не *e*. Чув. *кил* 'приходить' из *кäl*-, чув. *сурак* 'трещина' предполагает наличие в первом слоге *a*, но не *e*, как утверждает М. Р. Федотов, основываясь на показаниях древнетюркской письменности. Автор не выделяет основной фонетический закон и исключения из него. Он утверждает, что древнетюрк-

³ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 147.

⁴ Л. П. Грузов. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969, стр. 85.

ское *a*, якобы соответствует любому гласному чувашского языка. Это положение явно противоречит типологии изменения звуков языка. Один звук не может переходить в любой звук, как некогда утверждал Н. Я. Марр. Здесь явно действует какой-то фонетический закон. Все остальное — это частные исключения. Поэтому, взяв за основу схему реконструированного тюркского праязыкового вокализма, попытаемся определить основные фонетические законы чувашского языка. Пратюркский вокализм был представлен восемью гласными: *a, ə, o, ɐ, y, ʏ, ы, и*. Каждый из этих гласных мог быть долгим. Изменение пратюркского *a* в чувашском языке подчинялось одному фонетическому закону $a > o, y$, ср. пратюрк. *алма* 'яблоко', чув. *улма*, пратюрк. *сал* 'плот', чув. *сулă*, пратюрк. *бас-* 'давить', чув. *пус-* и т. п.

Все остальные формулы являются исключением из этого закона. Изменение пратюркского *ă* в чувашском языке подчинялось только одному главному закону — $ă > a$, ср. пратюрк. *ăр* 'мужчина', чув. *ар*, пратюрк. *кăс-* 'резать', чув. *кас-*. Все остальные формулы соответствий — исключения. Изменение пратюркского *и* также подчинено одному главному фонетическому закону — $и > ʏ$, ср. пратюрк. *тил* 'язык', чув. *чĕлхе*, пратюрк. *инăк* 'корова', чув. *ёне*.

Основным фонетическим законом изменения пратюркского *ы* в чувашском языке является $ы > ă$, ср. пратюрк. *чынылык* 'справедливость', чув. *чăнлăх*. Изменение пратюркского *o* подчинено основному фонетическому закону $o > y$, ср. пратюрк. *қол* 'рука', чув. *хул*, пратюрк. *бол-* 'быть', 'становиться', чув. *пул-*.

Основным фонетическим законом изменения пратюркского *ö* в чувашском языке является $ö > ʏ$, ср. пратюрк. *бöl-* 'делить', чув. *пĕл-*.

Типичным фонетическим законом изменения пратюркского *y* в чувашском языке было $y > ă$, ср. пратюрк. *буз* 'лед', чув. *пăр*.

Наконец, основным фонетическим законом изменения пратюркского *ʏ* было $ʏ > ɐ$, ср. пратюрк. *jüz* 'сто', чув. *сёр*, др.-тюрк. *бүт-* 'кончатся', чув. *пёт-*.

Чтобы объяснить наличие многочисленных исключений из основных фонетических законов, необходимо учесть некоторые специфические изменения звуков, происходившие в чувашском языке.

В тюркском праязыке было два типа *к*: *к* велярное и *к* переднерядное. Употребление того и другого было тесно связано с гармонией гласных. Велярное *к* употреблялось в основах слов, содержащих гласные заднего ряда, а *к* переднерядное — в основах, содержащих гласные переднего ряда. В чувашском языке *к* велярное превратилось в *х*, вследствие чего строгая отнесенность его к ряду утратилась. Оно стало заметным образом тяготеть к основам переднего ряда. Такое превращение имело определенные последствия. Некоторые основы с *к* велярным, принадлежащие к основам с гласными заднего ряда, превратились в основы с гласными переднего ряда, ср. чув. *хĕл* 'зима' из *қыл*, чув. *хёр* 'девушка' из *қыз*, чув. *хĕс-* 'жать' из *қыс-*, чув. *хĕвĕл* 'солнце', ср. тат. *қояш* и т. д.

Вместе с тем в чувашском языке *х* допустим и в основах, содержащих гласные заднего ряда, ср. чув. *хурăс* 'сталь', тат. *корыч*, чув. *хурăн* 'береза', тат. *кайын*, чув. *хурал* 'стража', башк. *карауыл* и т. д. Все это свидетельствует о том, что в чувашском языке согласный *х* утратил принадлежность к определенному ряду.

Пратюркское *ă* в чувашском языке превратилось в *a*. По этой причине некоторые основы переднего ряда превратились в основы заднего ряда, ср. чув. *касăк* 'отрезок' из *кăсăк*, *каç* 'вечер' из *кăч*, *каç-* 'переходить' из *кăч-*, *кап* 'форма' из *кăп*. Это привело к тому, что *к*, которое

раньше употреблялось только с основами переднего ряда, стало вообще утрачивать принадлежность к ряду.

В современном чувашском языке *к* может употребляться с основами и заднего, и переднего ряда, ср. чув. *капан* 'стог сена' и *кёл* 'зола'. Нейтральность *к* привела к созданию таких слов, как *кун* 'день' из *күн*, *кул* 'смеяться' из *кӱл*, *кур* 'видеть', 'смотреть' из *кӱр* и т. д.

Современный чувашский язык характеризуется избытком редуцированных гласных. Пратюркские *у* и *ы* превратились в чувашском языке в *ӓ*, ср. чув. *ӓру* 'род', 'племя', каз. *урың*, чув. *вӓр* 'бросать' из *ур*, чув. *пӓр* 'лед' из *буз*, чув. *утмӓл* 'пятьдесят', в других тюркских языках *алтмыш*, чув. *усӓ* 'польза' из *асың* и т. д.

Редуцированное *ө* (из древнего *ӱ*) утратило лабиализацию и превратилось в *ё*, ср. чув. *кёр* 'осень' и тат. *көз*, чув. *кёт* 'ждать', тат. *көт*.

Кроме того, краткое пратюркское *и*, как и в татарском языке, также превратилось в *ё*, ср. чув. *пёл* 'знать' из *бил*, *сёр* 'гнить' из *чир*.

Большое количество редуцированных вызвало их определенную экспансию. Они стали появляться там, где их никогда не было, ср. чув. *сёр* 'земля'. Архетип этого слова **ја:р*. В чувашском языке должно было бы получиться *сар*, но не *сёр*; чув. *ӓс* 'ум' из *ас*, *ӓнла* 'внимать', тат. *аңла* и т. д.

Редуцированные *ӓ*, *ё* в чувашском языке, по-видимому, плохо подчиняются гармонии гласных, поскольку возможна их заменяемость, ср. чув. *кӓк* 'корень' и тур. *кök*, чув. *пӓкӓ* 'пробка' и тат. *бөке*, чув. *кӓпӓк* 'пена', тат. *күбек*, чув. *шӓмӓрт* 'черемуха', тат. *шоморт*.

Пратюркские *ы* и *и* в чувашском языке превратились в *ӓ* и *ё*. Наблюдается также известная тенденция к рекомпенсации. Гласный *и* появился в тех словах, где его никогда не было, ср. чув. *хир* 'поле', 'степь' из *қыр*, вместо закономерного *хӓр*, чув. *хирӓс* 'против', ср. тат. *карыш*, чув. *сыл* 'нитка', тат. *жеп*, чув. *ил* 'брат' вместо *ал* и т. д. Заметна также тенденция к компенсации исчезнувшего *ы* за счет превращения старого *а* в *ы*, ср. чув. *пыл* 'мед' из *бал*, *пыр* 'идти' из *бар*, *сыр* 'писать' из *яз* и т. д.

Празыковое начальное *ј* в чувашском языке превратилось в *с*. Празыковое *ч* превратилось повсюду в *с*. Кроме того, в чувашском языке перед старыми огубленными гласными появились протезы *ө* и *ј*. Следует отметить, что все эти звуки способствуют опереждению гласных или превращению их в редуцированные, ср. чув. *сӓлен* 'змея' из *јылан*, чув. *си-сӓм* 'молния' при тат. *јашен*, чув. *иӓсӓ* 'горький' из *ачы*, чув. *вӓс* 'конец' из *уч*, чув. *вил* 'умирать', тат. *үл* и т. д.

В чувашском языке наблюдается и некоторая экспансия гласного *ӱ*.

С учетом всех этих изменений можно объяснить все исключения из основных фонетических законов.

Исключения из *а > у*; *а > ы*: пратюрк. *алтун* 'золото', чув. *ылтан*. Действует тенденция к компенсации утраченного *ы*; *а > ӓ*: пратюрк. *бақыр* 'медь', чув. *пӓхӓр*. Экспансия редуцированного *ӓ* и влияние *х*; *а > ё*: пратюрк. *јаңы* 'новый', чув. *сӓнӓ*. Влияние начального *с*; *а > и*: пратюрк. *ал* 'брат', чув. *ил*, пратюрк. *јал* 'грива', чув. *сил*. Компенсация *и*; *а > э*: тат. *сагӓт* 'час', чув. *сехет*. Фактически это не переход одного звука в другой, а его адаптация; *а > а:*: тат. *аккош* 'лебедь', чув. *акаш*. Здесь также имеет место адаптация при заимствовании.

Исключение из *ӓ > а*; *ӓ > и*: пратюрк. *бӓш* 'пять', чув. *пил(л)ӓк*. Исключение трудно объяснимо, так как пратюрк. *ӓ*, как и в татарском, переходит в чувашском в *и*. Можно только предполагать, что это изменение было привнесено в чувашский язык очувашенными татарами.

Исключения из $i > \ddot{e}$; $u > u$: пратюрк. *биз* 'мы', чув. *э-пир*, пратюрк. *тик-* 'втыкать', чув. *чик-*. Компенсация u ; $u > y$: пратюрк. *бит* 'вошь', чув. *пыйтă*. Компенсация y ; $u > a$: пратюрк. *бир-* 'давать', чув. *пар-*. Этот переход у М. Р. Федотова приведен ошибочно. В архетипе было *ă*, *пăр-* 'давать'. А в чувашском переход *ă > a* вполне закономерен; $u > a$: пратюрк. *кирпик* 'ресница', чув. *хăрпă*. Аномалия объясняется сменой редуцированных.

Исключения из $y > \ddot{a}$; $y > \ddot{e}$: пратюрк. *хыз* 'девушка', чув. *хёр*, пратюрк. *йылан* 'змея', чув. *сёлен*. Первая аномалия объясняется утратой ряда у гласного *ă*. Во втором примере *ё* возникло под влиянием начального *ç*; $y > y$: пратюрк. *йыгач* 'дерево', чув. *йывăç*. Компенсация y . Архетип звучал как *аңач*; y : u : пратюрк. *быш-* 'зреть', чув. *пиç-*. Компенсация u ; $y > o$, y . Переход подтверждается ошибочными примерами. Не показательны также примеры в переходе $y > a$, $y > e$: пратюрк. *йымшак* 'мягкий', чув. *семсе*. В чувашском начальное *e* объясняется влиянием предшествующего *ç*.

Исключения из $o > u$; $o > \ddot{a}$: пратюрк. *қонук* 'гость', чув. *хăна*. Результат экспансии *ă*; $o > y$: пратюрк. *огул* 'сын', чув. *ывăл*. Компенсация y ; $o > \ddot{y}$: пратюрк. *јоры-*, 'ходить', чув. *сўре-*. Влияние начального *ç*.

Исключения из $\ddot{o} > \ddot{y}$; $\ddot{o} > \ddot{y}$: пратюрк. *кёр-* 'видеть', чув. *кур-*. Влияние *к*, утратившего признак ряда; $\ddot{o} > \ddot{a}$: пратюрк. *кёмйр* 'уголь', чув. *кăмрăк*. Чув. *кăмрăк* из *кёмрёк*. Влияние *к*, утратившего признак ряда; $\ddot{o} > u$: пратюрк. *ол-*, 'умирать', чув. *вил-*, пратюрк. *өрй* 'вверх', чув. *вир*. Влияние протезы *в*. Кроме того, наблюдается тенденция к компенсации u .

Исключения из $y > \ddot{a}$; $y > \ddot{e}$: пратюрк. *булут* 'облако', чув. *пёлёт*, пратюрк. *қујаш* 'жара', чув. *хёвёл* 'солнце'. Чув. *пёлёт* из *пăлăт*. Смена редуцированных под влиянием начинающейся утраты сингармонизма. В превращении *қујаш* в *хёвёл* сказалось влияние *х*, утратившего рядность; $y > y$: пратюрк. *тут-* 'держать', чув. *тыт-*, пратюрк. *суб* 'вода', чув. *шыв*. Компенсация y ; $y > \ddot{y}$: пратюрк. *јуқа* 'тонкий', чув. *сўхе*. Влияние начального *ç*; $u > e$: пратюрк. *јумшак* 'мягкий', чув. *семсе*. Влияние начального *ç*.

Исключения из $\ddot{y} > \ddot{e}$; $\ddot{y} > \ddot{a}$: пратюрк. *јүк* 'груз', чув. *сăк*. Смена редуцированных. Чув. *сăк* из *сёк*; $\ddot{y} > \ddot{y}$: пратюрк. *түгмă* 'пуговица', чув. *тўме*. Экспансия *й*.

В данной статье мы пытались изменить представление о необычайной сложности истории чувашского вокализма. Основные фонетические законы изменения пратюркских гласных почти полностью совпадают с законами изменения пратюркских гласных в татарском языке. Только пратюркское *ă* в чувашском языке превращалось в *a*, да и то лишь частично. Имеющиеся отклонения от основных фонетических законов легко объясняются на чувашской почве, если учитывать некоторые фонетические изменения, известные в истории чувашского языка.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. А. ЮНАЛЕЕВА

О СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ТЮРКИЗМОВ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В конце прошлого столетия М. М. Покровский, говоря о семасиологических явлениях языка, отнес их к «очень мало разработанной области»¹. Он по существу был первым, кто заявил, что «вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам»².

И в настоящее время, несмотря на значительное число различных публикаций по семасиологическим вопросам, немного можно назвать работ, которые содержат материал и наблюдения, позволяющие выявить в лексической системе славянских языков семантические модели³.

И. И. Ревзин, касаясь вопроса моделирования семантики, справедливо отмечал: «Если теория грамматических моделей может опереться на хорошо разработанный применительно к ряду конкретных языков материал, причем выяснен основной круг категорий и их противопоставлений, то в области семантики соответствующий фактический материал не собран и не расклассифицирован, а в руководствах и монографиях по лексикологии и семасиологии в лучшем случае можно найти лишь разрозненные примеры, уровень систематизации которых далеко отстает от самых начальных руководств по грамматике»⁴.

То, что семантика так же, как и другие уровни языка, системно организована, ни у кого не вызывает сомнений. Однако еще недостаточно сделано в области выявления закономерностей в семантических изменениях и способов проявления системных семантических связей.

Распространено мнение, что заимствования занимают особое место в лексико-семантической системе языка. В момент своего вхождения в тот или иной язык иноязычное слово в известной степени как бы механически переносится в него и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим его нормам, изменяет свою звуковую оболочку и смысловой объем. Это, наряду с некоторыми

¹ М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, стр. 27.

² Там же, стр. 36.

³ Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969; О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966; Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.—Л., 1965; Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970; Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956 и др.

⁴ И. И. Ревзин. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967, стр. 248.

другими показателями, и дает право считать лексему заимствованной. Отсюда «заимствованное слово» (или «заимствование») является определением слова с этимологической, генетической точки зрения (диахронии); с точки зрения же синхронии — это в большинстве случаев по существу «обычное» слово, приравнивающееся к исконному, поскольку оно характеризуется такими же парадигматическими и синтагматическими свойствами. Убедительным подтверждением этого является тот факт, что, помимо подключения заимствований на равных правах с исконными словами в фонетико-морфологическую систему, они вписываются в лексико-семантический «организм» языка, выступая готовой звуковой оболочкой определенного значения для образования новых сем.

На русской почве тюркская по происхождению лексема воспринимается без осмысления семантического содержания модели этимона, как бы в готовом виде, как языковой знак соответствующей реалии (понятия). Показателем освоенности иноязычного слова, его органического вхождения в лексико-семантическую систему языка служит превращение слова — «знака» в функционирующую модель. Как показывает лексический материал, лишь немногие тюркизмы «уединяются в одном особом специфическом значении»⁵, с большинством же это происходит только на первых порах, а в дальнейшем они становятся источником новых переносных и образных значений.

Системность лексики (и прежде всего семантики) со всей очевидностью проявляется при прослеживании эволюции лексем. Это полностью согласуется с мнением Ю. С. Сорокина о том, что «системность лексических явлений, связь между отдельными элементами лексики и их взаимозависимость обнаруживаются преимущественно при их историческом изучении». И далее: «Процесс усвоения иноязычных заимствований... может быть правильно истолкован только при учете внутренних факторов развития русского литературного языка»⁶.

Анализ показывает, что многие тюркизмы исследованной нами тематической группы названий одежды в большей или меньшей степени характеризуются на русской почве развитием переносных значений.

При изменении функции предмета происходит переоценка и его признаков: периферийный может стать центральным, мотивировочным и — наоборот. В этом, по всей видимости, заложена основа «вещественного» изменения, которое является опосредованной причиной изменения значения слова. Переносные значения — это своего рода словесные обозначения уже известных явлений действительности через выделение каждый раз новых отличительных признаков и ассоциативных связей.

Б. А. Серебренников пишет, что для лексического выражения понятия о реальной действительности оно должно быть сопоставлено с уже выраженными в языке понятиями⁷.

В эволюции семного состава значительную роль выполняют ассоциативные связи между понятиями. Ассоциация по сходству, смежности и эмоциональному восприятию служит одним из продуктивных познавательно-номинативных средств.

В основе переносных значений лежит сравнение, уподобление, поэтому уместно было бы выделить в общем развитии семантики слов

⁵ Ю. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 59.

⁶ Там же, стр. 20, 175.

⁷ Б. А. Серебренников. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (О роли принципа избирательности в процессе создания новых слов, грамматических форм и выбора способа грамматического выражения). — В кн.: «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 63—64.

сравнительно-уподобительный или аналого-ассоциативный тип с его моделями переноса, а сами семемы назвать «ассоциатами».

Основанием для ассоциативных связей является общность признаков или признака. Причем, как правильно подметил И. С. Торопцев, тождественный признак лишь обнаруживается в смысловом объеме уподобляемого понятия, а не переходит из уподобляющего объекта⁸. По существу используется звукокомплекс с уже известным значением, удачно, с точки зрения говорящего, воспроизводящий новую номинативную функцию; иначе говоря, готовая, известная лексема в одной из сем (до того потенциально в ней заложенных) распространяется на обозначение ассоциируемого предмета. И поэтому при всей кажущейся случайности развития переносных значений у тюркизмов на проверку модели их образования оказываются внутренне связанными.

Ассоциаты воспроизводят то или иное свойство, тот или иной признак из общего комплекса свойств и признаков, присущих первично обозначенному данной языковой единицей предмету. Они являют собой пример вторичного или последующего использования известного звукового комплекса (лексемы) для выражения значений нового функционального употребления. Например, лексема *серьги* вошла в русский язык и известна прежде всего в значении «украшение», однако в профессионально-диалектной речи функционирует также в значениях «мясистые отростки у петуха и курицы под шеей», «у некоторых деревьев круглые и продолговатые кисточки попарно и более висящие, содержащие цветочки и семена», «злак», «висячая часть в середине двойной арки в наличниках окна или дверей русского стиля», «приспособление для подвешивания каких-нибудь предметов», «приспособление для соединения различных предметов (серьга хобота пулемета, прицепная серия сеялки, серия центроплана самолета)» и т. д. Перечисленные значения (ассоциаты) отражают употребление лексемы в новом семном проявлении.

Сохраняя внешние приметы, форму лексемы, ассоциаты включают словесный смысл другой тематической группы слов, что приводит к различному рода терминологическим, стилевым и т. п. перемещениям исходной лексемы. При этом нарушается обычная соотносительность лексемы с близкозначными словами; складываются смысловые отношения с новыми семантемами, устанавливаются связи со словами других синонимических рядов.

Применяя положение М. М. Маковского о противоречии между семной и лексемной комбинаторикой языка⁹ к тюркизмам типа *колпак* в значении «гриб», «верхний сноп» и т. п., следует отметить асимметричность, несовместимость этих значений с установившейся нормой восприятия исходной лексико-семантической единицы. И то, что, к примеру, *колпак*, используемый для обозначения «гриба», «копны» и т. п., расценивается как случай расширения значения — по существу есть результат употребления лексемы в функции нового семного проявления.

Уподобительные отношения могут затрагивать различные по существенности и значимости общие признаки ассоциируемых понятий, поэтому неодинаковы и их модели образования. Одни из моделей довольно широко используются, другие применяются в ограниченных пределах, но во всех случаях имеет место воспроизведение «уже существующих в языке моделей»¹⁰.

⁸ И. С. Торопцев. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980, стр. 60.

⁹ М. М. Маковский. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 1980, стр. 48.

¹⁰ В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, стр. 296.

Проведенный нами анализ по особенностям систематизации разновидностей переносных значений позволяет выявить основные модели русских ассоциатов тюркского происхождения, а на их основе и семантические модели универсального и межъязыкового характера.

В настоящее время моделирование широко применяется как общий метод научного познания и частный способ научного исследования.

В данной статье делается попытка на материале переносных значений тюркизмов в русских названиях одежды проследить системность происходящих семантических изменений, строго организованных по определенным моделям¹¹.

Семантическая модель — это строительный образец, конструктор семного образования. Она (в отличие от фонетической, морфологической и синтаксической моделей) конструируется на базе неизменной семантемы при актуализации того или иного мотивирующего признака.

Модель первая: название вида одежды → название одежды (обобщенное значение одежды). Примеры: *шабур* 'вид одежды' → 'любая одежда', 'одежда вообще'; *архалук* 'вид одежды' → 'всякая одежда, которая не имеет своего особого названия' (калуж. гов.); *чоботы* 'вид обуви' → 'любая обувь' (том. гов.) и т. д.

Модель вторая: название одежды → название части (детали) одежды. Примеры: *чулок* 'изделие, облегающее ногу' → 'часть вязаного чулка от колена до пятки' (арх. гов.); *шлык* 'вид головного убора' → 'конец повязанного женщиной на голове платка' (тверск. гов.) и т. д.

Взаимопереходность среди названий одежды по модели: часть ↔ целое — относится к числу общерусских языковых явлений. Примерами могут выступать: *дубас* — 'верхняя холщевая юбка' и 'любая одежда из грубого холста'; *рукава* — 'женская рубашка с длинными рукавами...' и 'верхняя часть рубашки' и т. п.

Подобного плана соотношение семем по линии целое ↔ часть целого, например: 'лес' ↔ 'участок леса' ...; 'лес' ↔ 'дерево' ... — отмечает Н. И. Толстой¹².

Указанный перенос, таким образом, относится к числу общесистемных моделей взаимного перехода части в целое и целого в часть (часть ↔ целое).

Модель третья: название вида одежды → название одежды сниженного значения (= плохая одежда). Примеры: *азям* 'вид одежды' → 'широкая, не по росту сшитая одежда' (пермск. гов.), 'рваное, худое платье' (олонец. гов.); *армяк* 'вид одежды' → 'дешевого вида и очень поношенная одежда' (смол. гов.); *бахилы* 'вид обуви' → 'старые сношенные сапоги или валенки' (псковск. гов.); *бешмет* 'вид одежды' → 'плохое, драное пальто' (рус. гов. ТАССР); *епанча* 'вид одежды' → 'вид рваной одежды' (волог. гов.); *зипун* 'вид одежды' → 'пиджак старый' и 'ветхая верхняя одежда мужчин' (псковск. гов.), 'плохая, рваная одежда' (олонец., волог., влад., донск. гов.) и т. д.

В одних случаях происходит обобщение (это не конкретный вид одежды, а одежда вообще) с оценкой, например: *епанча* 'вид одежды' → 'вид рваной одежды' и т. п.; в других — изменение вида конкретной одежды с оценкой, например: *зипун* 'вид одежды' → 'пиджак старый'.

¹¹ В статье рассматриваются не только тюркизмы, но и прочие заимствования в русском языке, а также в других языках, что позволяет проследить одинаковые модели образования переносных значений независимо от происхождения лексемы и заимствующего языка. В качестве источников использованы различного типа словари, художественная литература, лексикологические исследования.

¹² Н. И. Толстой. Указ. раб., стр. 245.

Наблюдается определенная закономерность в формировании данной модели: оценочное осмысление приобретают названия видов одежды, выходящих или вышедших из практического употребления. Причем эта тенденция «ухудшения» наблюдается только в русских говорах, так как к моменту развития этих переходов в литературном языке данные тюркизмы не сохранились или архаизировались (известное исключение представляет *балахон*).

Любопытно заметить: как правило, не имеющее по нашим материалам исключения, указанная семантическая конверсия носит негативный характер¹³. Что же касается позитивно-оценочного осмысления, то оно просматривается лишь на словоизменительном уровне и осуществляется с помощью соответствующих морфем (ср.: *башимачок, зипунок, каемочка, тесемочка, карманчик, сарафанчик, тулупчик* и т. п.).

Значение типа: *армяк* — 'плохая одежда' прошло, по всей видимости, через восприятие армяка как вышедшего из моды и употребления вида одежды, через ассоциацию с устаревшей, а потому и плохой одеждой. В данной модели (*армяк* 'вид одежды' → 'плохая одежда') анализируемые тюркизмы выражают эмоциональное восприятие (предмета), которое семантически приравнивается к смыслу, содержанию словосочетания, но материализуется одной лексической единицей. В итоге происходит обобщение, оценка и снижение стилистических позиций исходной лексики.

Первоначально *азям, армяк, зипун, епанча* и другие тюркизмы обозначали богатую, дорогую, то есть «хорошую одежду». Последующее восприятие их как понятия «плохая одежда» является проявлением развития антонимического значения. Своеобразная поляризация признаков на диахронно-синхронном срезе привела к энантиосемии.

В русском языке данная модель переноса отмечается, например, в следующих примерах диалектной фиксации: *опорки* — 'бахилы' и 'старая изношенная обувь'¹⁴, *лохматка* — 'одежда, носильные вещи' и 'старая, рваная одежда' (рязанск. гов.)¹⁵; *кепка* 'мужской мягкий головной убор' и в говоре терских казаков — 'плохая папаха', 'фуражка'¹⁶.

Модель четвертая: название вида одежды → название лица.

1) Без оценки: *зипун* 'вид одежды' → 'человек, одетый в зипун' (влад. гов.); *тулуп* 'вид одежды' → 'ремесленник' и т. п.

Отмеченные случаи согласуются с наблюдениями Ю. С. Сорокина: «Любопытно, что в 1860-х гг. было популярно метонимическое употребление и слов сермяга, зипун для обозначения „мужика, крестьянства, народа“, слова чуйка в смысле „крестьянин, мастеровой“»¹⁷.

2) С оценкой по возрасту, росту и т. п.: *капшук* 'мешок', 'кошелек' → 'младенец', 'крошка', 'маленький ребенок' (курск., орл., моск., брянск. говоры), 'человек маленького роста' (кубан., терск. гов.).

3) С отрицательной оценкой: *колпак* 'вид головного убора' → 'простак', 'недогадливый' (прост.-шутл.); *тулуп* 'вид одежды' → 'нерастороп-

¹³ Изменение значения указанных названий одежды тюркского происхождения, приобретение ими сниженной оценки объясняются причинами культурно-бытового порядка.

¹⁴ «Словарь говоров Соликамского района Пермской области». Составитель О. П. Беляева. Пермь, 1973, стр. 397.

¹⁵ «Словарь современного русского народного говора. (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)». Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, стр. 282. В данном примере возможен обратный перенос значения.

¹⁶ Неожиданная оценка новой для того времени и тех мест реалии вытекает, видимо, из сравнения с привычным и вполне утвердившимся головным убором — *папахой*.

¹⁷ Ю. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 515.

ный, 'недогадливый' (прост.); *епанча* 'вид одежды' → 'неряшливый, ленивый' (смол. гов.) и т. д.

Явление антропоморфизма с резко выраженными экспрессивными оттенками неодобрения, насмешки, презрительности повторяет существующую в русском языке модель, которая находит отражение в примерах как литературного, так и диалектного употребления. Например: *шляпка* 'вид головного убора' → 'о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке' (прост.); *лапоть* 'вид обуви' → 'о невежественном, некультурном человеке' (прост.); *тюхоль* 'род высокой плетеной из лыка обуви' → 'о нерасторопном человеке' (рязанск. гов.); *треух* 'старое название мужской шапки' → 'об умственно ограниченном, тупом, глупом человеке' (пермск. гов.).

Модель подобного переноса имеет место в ряде языков. Ср.: укр. *капишук* 'мешок' → 'о маленьком ребенке'¹⁸; белор. *капишук* 'мешок' → 'обжора'¹⁹; укр. *очкур* 'пояс' → 'у мещан презрительное название крестьянина'²⁰.

На уровне тюркской межъязыковой омонимии отмечено: башк. *ярҭак* 'брюки из шкуры', тат. *ярҭак* 'пустомеля'²¹.

Своеобразным проявлением рассматриваемой модели является употребление тюркизмов в качестве обобщенного названия людей в соответствующей одежде. Примером может служить тюркизм *тулуп* в поэме В. В. Маяковского «Хорошо»: «...А в двери — бушлаты, шинели, тулупы...»²². В аналогичном употреблении встречаем слова *шуба* и *шляпа* соответственно у Н. Лескова и А. Толстого: «Вы об этом говорите так, как будто сами вы имели такую практику, — проговорила *шуба*»²³; «— Так, так, — кивала *шляпа*»²⁴.

Особым типом указанной модели выступают тюркизмы — названия одежды, в сочетании с прилагательными: «название вида одежды» (плюс прилагательное со значением цвета) → «название лица» (по профессионально-социальной и другой характеристике). Например: *белые халаты* → 'врачи'; *синие халаты* → 'рабочие'; *белые колпаки* → 'турки' и т. д. Некоторые примеры аналогичного переноса значения представляют собой случаи калькирования: *синий чулок* → 'о черствой, лишенной женственности, всецело поглощенной научными интересами женщине'; *черные клобуки* → 'тюркская народность'.

Данная разновидность отражает весьма продуктивную для русского языка модель, в которой сочетаются название одежды (независимо от генетической природы) и прилагательное, преимущественно со значением цвета: *голубые каски* — 'о вооруженных силах ООН', 'об отдельных их подразделениях'; *кожаные куртки* — 'о фашиствующей молодежи в Дании'²⁵; *зеленые береты* — 'специальные подразделения американской армии'²⁶; *красные голенища* — 'насмешливое прозвище... камских поморов'...²⁷ и т. п.

¹⁸ «Словник української мови», т. IV. Київ, 1970, стр. 99.

¹⁹ Ф. Яноўскі. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1959, стр. 90.

²⁰ «Словарь української мови». Под ред. Б. Гринченко, т. III. Київ, 1909, стр. 82.

²¹ Т. М. Гарипов. Башкирско-татарские языковые параллели (материалы к сравнительной грамматике кыпчакских языков Урало-Поволжья). — В кн.: «Языковые контакты в Башкирии. Тематический сборник», Уфа, 1972, стр. 201.

²² В. В. Маяковский. Избранные сочинения в двух томах, т. II. М., 1982, стр. 288.

²³ Н. Лесков. Запечатленный ангел. — «Избранное», Кишинев, 1979, стр. 174.

²⁴ А. Толстой. Эмигранты. — «Подвиг», № 1, 1980, стр. 155.

²⁵ «Новое в русской лексике. Словарные материалы—78». М., 1981, стр. 63, 96.

²⁶ См.: Ю. Семенов. ТАСС уполномочен заявить... — «Подвиг». Приложение к журн. «Сельская молодежь», № 4, М., 1980, стр. 145—146.

²⁷ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 74.

Рассмотренная выше разновидность модели входит в более широкий по характеру сочетаемых прилагательных и предметной соотнесенности субстантива тип обобщенно-образного переосмысления (ср.: *белая ворона, ломовая лошадь, канцелярская крыса, гусь лапчатый, тепличное растение, ненасытная утроба, медный лоб, черные сотни* и т. п.).

Модель пятая: название одежды (деталей, головных уборов и т. д.) → название частей тела, органов человека и проч. Примеры: *шлык* 'вид головного убора' → 'большая голова' (новг., влад. гов.); *зепь* 'карман' → 'пазуха' (пермск., арх. гов.), 'горло', 'хайло', 'глотка' (псковск., тверск. гов.), 'живот' (сверд. гов.); *кишень* 'карман' → 'желудок', 'брюхо' (псковск., тверск. гов.) и т. п.

Примеры указанного переноса вписываются в семантическую модель, характерную для русского и других славянских и неславянских языков. Ср.: русск. *пояс* — 'то, чем подпоясывают одежду по талии', и 'наиболее узкая часть туловища между грудью и животом', 'талия'; *пятка* — 'задняя часть ступни' и 'часть обуви, охватывающая пятку'²⁸; укр. *калита* 'карман' → анат. 'мошонка'²⁹; укр. *капшук* 'мешок' → 'мешки под глазами' и 'складки под подбородком'³⁰; белор. *капшук* 'мешок' → анат. 'мочевой пузырь'³¹; англ. *girdle* 'кушак' → анат. 'пояс', 'талия'; нем. *Tasche* 'карман' → анат. 'пазуха'; англ. *rocket* 'карман' → анат. 'карман'; франц. *rosche* 'карман' → мед. 'полость'; англ. *sar* 'шапка' → коленная чашка; англ. *fringe* 'бахрома' → 'челка'; франц. *frange* 'бахрома' → 'челка'³²; тат. *чадра* → 'густые длинные ресницы'³³.

В тюркских языках, в частности татарском и башкирском, рассматриваемая модель имеет преимущественно обратную направленность, то есть названия одежды — вторичны. Ср.: башк. *эс*, тат. *эч* — 'живот', 'внутренность' → 'подкладка'; башк. *белазек* — 'пять руки' → 'браслет'; башк. *укса*, тат. *укча* — 'пятка' → 'каблук'.

На уровне межъязыковой полисемии: башк. *үңер* 'перед шеи', тат. *үңер* 'ворот рубахи'³⁴.

Модель шестая: название одежды → названия реальных животного мира.

1) → названия животных, птиц, рыб, насекомых и т. д.³⁵: *башмак* 'вид обуви' → 'телка' (донск., астрах., оренб. гов. БАССР и ТАССР); *калита* (*калта*) 'карман' → 'рыба' (уральск. гов.); *колпак* 'вид головного убора' → 'трутень' (иртышск. гов.); *капшук* 'мешок' → 'один из видов комаров' (донск. гов.) и т. д. 2) → органы животных и предметы, связанные с фауной: *епанча* 'вид одежды' → 'оболочка у моллюсков (в раковинах)'; *серьга* 'вид украшения' → 'отростки у петуха и курицы под шеей', а также 'отростки в виде сосулес у овец и коз'; *штаны* 'вид одежды' → 'задняя часть туши медведя' (арх. гов.) и т. п.

Данная модель встречается в русском и других языках в словах не только тюркского происхождения. Ср. рус. *рубашка* 'вид одежды' →

²⁸ В этих примерах просматривается обратная направленность: значение одежды — вторично по отношению к значению части тела.

²⁹ «Украинско-русский словарь». Киев, 1971, стр. 325.

³⁰ «Словник української мови», т. IV. Київ, стр. 99.

³¹ «Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962, стр. 378.

³² Примеры из английского, немецкого и французского языков даются по следующим словарям: «Большой англо-русский словарь», т. I—II. М., 1977; «Англо-русский словарь». М., 1966; «Большой немецко-русский словарь», т. I—II. М., 1980; Л. А. Ганшина. Французско-русский словарь. М., 1982.

³³ «Татар теленен атлатмалы сүзлег», т. III. Казан, 1981, стр. 100.

³⁴ Т. М. Гарипов. Указ. раб., стр. 174, 148, 168, 180.

³⁵ Эта разновидность представлена примерами, в которых при общей материальной оболочке утрачены живые семантические связи с исходным значением, однако их следует отличать от случайно совпавших звуковых комплексов.

‘шерстный покров короткошерстной легавой’ и ‘кожа на рогах лося и некоторых других копытных...’³⁶; рус. *сорочка* ‘вид одежды’→‘слой жира на внутренних органах животного’ (калин. гов.); тат. *тесма* (*тасма*) ‘деталь одежды’→‘животное с узким, длинным туловищем’; тат. *тун* ‘вид одежды’ (шуба)→‘мех’, ‘шкура животных’; тат. *башмак* ‘вид обуви’←‘телка’³⁷; башк. *бурк* ‘вид головного убора’→‘хохол (у птиц)’; башк. *сарык* этн. ‘чарык’ (старинная обувь)←*һарык* ‘овца’³⁸; франц. *роше* ‘карман’→‘зоб (у птиц)’; англ. *coat* ‘пальто’→‘шерсть, шкура (животных)’.

Модель седьмая: название одежды→названия реалий растительного мира.

1) → деревья, кустарники, цветы, грибы, травы, культурные растения и их детали: *серьги* ‘украшение’→‘зеленовато-желтые цветы клена татарского’³⁹, ‘злак’ *Briza media*⁴⁰; *клобук* ‘вид головного убора’→‘рог’ (тверск. гов.); *епанча* ‘вид одежды’→‘копытен’⁴¹; *киса* ‘карман’→‘вереск’ (волог. гов.); *башлык* ‘вид головного убора’→‘колпачок на плодах’; *штаны* ‘вид одежды’→‘наружная лузга простых орехов’⁴² и т. д.

2) → разновидности флоры, подвергшиеся человеческому воздействию: *киса* ‘карман’→‘квашеная зеленая масса, подобие силоса’, ‘береста, снятая с дерева большим куском...’ (волог. гов.), ‘связка репчатого лука...’ (псковск. гов.) и т. п.

Приведенные примеры имеют аналогию с русскими словами нетюркского происхождения: *манжетка* ‘деталь одежды’→‘травянистое растение’⁴³; *шляпа* ‘вид головного убора’→‘род снедных грибов’⁴⁴. Подобного характера переносы отмечаются и в других языках: англ. *ear-ring* ‘серьга’→‘фуксия’.

В тюркских языках, в частности татарском, данная модель представлена преимущественно в форме сочетания, где сопутствующим компонентом выступают слова «цветок», «дерево» или определители: тат. *алка* ‘серьга’, ‘украшение’→‘семена некоторых растений, похожие на серьги (украшение)’⁴⁵; тат. *сырга* ‘серьга’→‘липучка’; тат. *чалма* (*голе*) ‘чалма’→‘герани’; тат. *читек* (*гол*) ‘сапог’→‘бегония’; тат. *кугәрчен* (*башмагы*) ‘башмак’→‘льнянка’⁴⁶ и т. п.

Модель восьмая: название одежды→название обобщенного понятия (предмета, явления).

В данной модели группируется несколько разновидностей: 1) обобщение конкретного представления, вызванного расширительным значением тюркизма: *азям* ‘вид одежды’→‘ценная восточная вещь’; *киса* ‘карман’→‘достаток’ (липецк. гов.) и т. п.; 2) образные метафоры, обозначающие отвлеченные понятия; выделяются две разновидности: а) тюркизмы, не имеющие в языке однословного дублета, и б) тюркизмы, являющиеся устаревшим или диалектным дублетом — синонимом общенародного слова; например: а) *тесма* ‘деталь одежды’→‘то, что вьется узкой длинной полосой, лентой’; *кайма* ‘деталь

³⁶ «Словарь охотника». М., 1972, стр. 65.

³⁷ «Татар теленең анлатмалы сүзлегә», т. III, стр. 51, 165.

³⁸ «Башкирско-русский словарь». М., 1958, стр. 125, 464.

³⁹ П. Ф. Маевский. Флора средней полосы европейской части СССР. Л., 1964, стр. 300–301.

⁴⁰ В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 174.

⁴¹ Там же, т. I, стр. 520.

⁴² Там же, т. IV, стр. 645.

⁴³ «Словарь русского языка», т. II, М., 1982, стр. 226.

⁴⁴ В. И. Даль. Указ. словарь, т. IV, стр. 640.

⁴⁵ «Татар теленең анлатмалы сүзлегә», т. I, Казан, 1977, стр. 47.

⁴⁶ «Татар теленең диалектологик сүзлегә». Казан, 1969, стр. 603, 606, 607, 590.

одежды'→'узкая полоса чего-либо (леса, диска солнца и т. п.)'; *чапан* 'вид одежды'→диал. речев. 'покрыв на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия'⁴⁷ и т. д.; б) *чулок* 'вид одежды'→'окружение' (в *чулке* был — псковск. гов.)⁴⁸; *епанча* 'вид одежды'→'прикрытие', 'завеса'⁴⁹; *калауз* 'карман'→'капитал', 'состояние'⁵⁰.

Модель девятая: название одежды→название материала. Примеры: *шабур* 'вид одежды'→'материал' (новосиб. гов.); *кушак* 'пояс'→по материалам памятников XVI века 'вид ткани'; *фата* 'особый вид восточной ткани' и 'головное покрывало'⁵¹; *армяк* 'вид одежды', а до середины XVIII века (по лексикографическим материалам означал «парча бухарская из верблюжьей шерсти»⁵²; в XIX веке тюркизм обозначал «шерстяную редкую ткань», которая употреблялась «при артиллерии на cartridges пушечные»⁵³, а в значении «специальной ткани» до настоящего времени бытует в профессиональной морской терминологии⁵⁴.

Приведенные переносы отражают характерную для русского языка модель. Ср.: *сермяга* — 'суконный кафтан', 'чапан' и 'домотканина'; *политок* — 'вид ткани' и 'рабочий кафтан'; *вишневка* — 'тонкий холст в полоску или мелкую клетку' и 'мужская рубашка из такого холста' (уральск. гов.) и т. п. Модель аналогичного взаимного переноса: название одежды→название материи — наблюдается и в других языках; ср.: укр. (полтавск. гов.) *опанча* 'название старинной одежды' и 'материя'⁵⁵, румын. *basma басма* — 'ситец' и 'шаль поверх головного убора крестьянок'⁵⁶.

На уровне межъязыковой полисемии среди карачаево-балкарских заимствований в абазинском языке: *шарбал* (=шаровары) — 'домотканое сукно'; в адыгейском языке *кэутын* — 'род материи' из крымскотатарского *кэутунсу* — 'верхнее платье'⁵⁷.

Модель десятая: название одежды→названия других предметов.

В данном переносе нашла отражение одна из моделей образования семантических диалектизмов, а также слов специальной или профессионально-терминологической лексики; например: 1) *колпак* 'вид головного убора'→'абажур' (уральск. гов.), 'горелка лампы' (рост. гов.); *каптур* 'вид головного убора'→'верхний выступ на фасаде печи' (псковск. гов.); *очкур* 'деталь одежды'→'затянутый веревкой конец сети' (донск. гов.); *штаны* 'вид одежды'→'развилка дороги' (новосиб. гов.) и т. п.; 2) *башимак* 'вид обуви'→техн. 'подошва или пятка рейки... при геодезических измерениях'⁵⁸, воен. техн. *башимак* оружейного квадранта, *баш-*

⁴⁷ З. С. Шеломенцева. Тюркизмы в русском языке жителей Киргизии. Фрунзе, 1971, стр. 111.

⁴⁸ «Картотека Псковского областного словаря» (ЛГУ).

⁴⁹ «Словарь русского языка», составленный вторым отделением императорской Академии Наук, т. II. СПб., 1907, стр. 107.

⁵⁰ В. И. Даль. Указ. словарь, т. II, стр. 76.

⁵¹ См.: Т. Л. Беркович. Формирование тематической группы «головные уборы» в русском языке (XI—XX вв.). Канд. дисс., М., 1981, стр. 117—118.

⁵² В. Н. Макеева. Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка. — «Лексикографический сборник», вып. 6, М., 1963, стр. 97.

⁵³ Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803, стр. 210.

⁵⁴ «Орфографический морской словарь». М., 1974, стр. 18.

⁵⁵ В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вып. I. Харків, 1960, стр. 68.

⁵⁶ По материалам Т. Ф. Семеновой (Институт славяноведения и балканистики).

⁵⁷ М. А. Хабичев. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980, стр. 85, 75.

⁵⁸ «Техническая энциклопедия», т. XIX. М., 1933, стр. 465.

мак сошки (пулемета)⁵⁹; *штаны* 'вид одежды'→морск. 'форма обшивки корабля в корме'⁶⁰; *карман* 'деталь одежды'→спец. трансп. 'расширенный участок дороги для стоянки транспорта'⁶¹; *серьга* 'украшение'→техн. 'название различных соединительных деталей, обычно в виде кольца или полукольца'⁶².

Аналогичного характера переносы отмечаются в русском и других языках. Ср.: рус. *ремень* 'деталь одежды'→техн. 'длинная сшитая полоса кожи..., служащая для передачи движения от одного шкива к другому'⁶³; *фартук* 'деталь одежды'→морск. 'чугунная пластинка, имеющая отверстия для прохода воздуха'⁶⁴; *носок* 'деталь одежды'→'острый конец косы, зуба бороны'⁶⁵; укр. *серга* 'украшение'→'кольцо, прикрепляющее косу к рукоятке'⁶⁶; нем. *Tasche* 'карман'→техн. 'камера', 'футляр'; *Kappte* 'кайма', 'деталь одежды'→спорт. 'бровка (беговой дорожки)'; англ. *girdle* 'кушак'→'оконная рама' и т. д.

Проведенные наблюдения над характером переносных значений у тюркизмов (и слов нетюркского происхождения) позволяют выявить семантические модели, отражающие систему общезыковых, междиалектных, регионально-диалектных, внутридиалектных, профессионально-терминологических семных образований.

Тип семных отношений лексем, типы моделей во многих языках на смысловом уровне совпадают. Общезначимые же лексемы могут иметь семы межъязыкового или специфически языкового характера, свойственные лишь конкретному языку. Это объясняется принципом ассоциативных связей, которые в известной степени коррелируются психологически-национальным восприятием семантической сущности слова.

⁵⁹ Л. Л. Нелюбин. Иллюстративный военно-технический словарь. М., 1968, стр. 89.

⁶⁰ «Орфографический морской словарь», М., 1974, стр. 275.

⁶¹ Газета «Советская Татария» от 8 января 1976 г.

⁶² «Словарь русского языка». В 4-х томах, т. IV. М., 1961, стр. 116.

⁶³ Там же, т. III, стр. 934.

⁶⁴ «Словарь морских и речных терминов», т. II. М., 1956, стр. 235.

⁶⁵ «Иркутский областной словарь», вып. 2. Иркутск, 1974, стр. 72. Много примеров подобного переноса приводит в своей работе В. Н. Прохорова (см.: В. Н. Прохорова. Актуальные проблемы современной русской лексикологии. Учебное пособие по спецкурсу. М., 1973, стр. 44—48).

⁶⁶ «Словарь української мови», т. IV, стр. 114.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ГЕРОИКО-АРХАИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ «АЛТАИН САИН СУМЕ»

Сказание барабинских татар «Алтаин Саин Суме»¹ по своему сюжету и композиции типично для эпоса сибирских татар. Зачин этого произведения глубоко традиционен для древней литературы Востока². Повествование начинается с описания несчастья старика и старухи, которым судьба не дала сына-наследника. Этот мотив в разных вариантах бытовал также в западноевропейском эпосе и даже в древнегреческой мифологии³.

Бездетность у всех народов и во все времена считалась большим несчастьем. Отсутствие детей у вождей племен и средневековых правителей нередко сказывалось на исторических судьбах всего государства, всего рода или племени, часто служило причиной междоусобных войн. Возможно, именно поэтому мотив бездетности и получил столь широкое распространение в мировом фольклоре.

Первые дошедшие до нашего времени произведения с указанным сюжетом относятся к глубокой древности. Он встречается, например, в памятниках древнеегипетской прозы, созданных четыре тысячи лет назад. Это «Сказка потерпевшего кораблекрушение» (XX—XVIII вв. до н. э.)⁴, «Обреченный царевич» (XIII в. до н. э.)⁵. Можно предположить, что устные легенды подобного содержания бытовали еще ранее и предшествовали созданию эпоса⁶.

Рассказы о бездетных старике со старухой весьма широко распространены также и в эпосе тюркских народов, как сказочном⁷, так и داستانом, где они представлены во всем многообразии⁸.

Согласно канонам поэтики сказки и эпоса, бездетность в фольклоре никогда не бывает окончательной и неотвратимой. Ребенок — сын, иногда сын и дочь, — обязательно должен появиться. С мольбой о ребенке обращались в древности к родовому предку, тотему, а в более поздние эпохи — богу. Именно об этом повествуется во многих сказках и сказаниях народов Востока, начиная с древнеегипетской прозы и кончая средневековым тюркоязычным эпосом, где эти мотивы обычно усложняются под влиянием идеологии ислама⁹.

Данная сюжетная традиция прослеживается и в сказании «Алтаин Саин Суме». Старик, в надежде что это принесет ему ребенка, режет свою единственную корову и приглашает гостей, а после этой ритуальной трапезы решает угостить остатками еды первого встречного. Им оказывается Белобородый старец. Старик рассказывает ему о своей горе и просит помолиться богу, чтобы тот ниспослал ему сына. Белобородый старец выполняет просьбу старика. Через год у старухи рождается сын¹⁰.

Определенный интерес представляет образ Белобородого старца —

покровителя героев. В аналогичной роли выступает он и в некоторых других сказаниях сибирских татар, например, в героическом эпосе «Ак Кубек»¹¹.

Образ этот генетически связан, видимо, с народными сказками¹², будучи отголоском древнейших представлений о божественном происхождении героя, культе предков-покровителей и позднее — мусульманских святых. Об этом свидетельствует и само слово *сайн*—*сайын* в составе имени героя эпоса, которое в тюркских языках означает «избранный, почитаемый, превосходящий»¹³, на монгольском — «хороший, добрый, благополучный, прекрасный»¹⁴. В «Родословии монгольских и татарских ханов», составленном Н. Ф. Катановым и охватывающем более пяти с половиной столетий, слово *сайн* употребляется только по отношению к родоначальнику ханов Золотой Орды Бату (Батыю) Саину (царствовал в 1224—1255 гг.)¹⁵. Как бы продолжая традиции египетских фараонов, древнегреческих царей и основателя Монгольской империи Чингисхана, которому было дано имя древнемонгольского бога¹⁶, Бату-хан подчеркивал божественное происхождение своего звания и власти. Очевидно, обозначение божественного происхождения героя словом *сайн* было связано с древним тюрко-монгольским сказочно-мифологическим эпосом. Г. Н. Потанин писал в свое время: «Песни и сказки об Ирин-Сайне рассказываются по всему северу Монголии»¹⁷. При этом Ирин-Сайн изображается божественным шаманом и сыном неба¹⁸. Проникла эта традиция и в казахский героический эпос, где воспевается «отмеченный богом Саин», от взгляда которого девятистолетние старухи молодели, а все вокруг расцветало.

А сажился Ер-Саин на коня, —
Тут менялась и природа сама:
Шестимесячная зима
Оборачивалась весной¹⁹.

Существенный интерес представляют эпизоды, связанные с добыванием богатырского коня. В этом герою обычно помогает раб-табунщик. Этот образ непосредственно связан с жизненным укладом кочевых народов, что обусловило и традиционную для тюркоязычного эпоса положительную трактовку персонажа²⁰.

В сказании «Алтаин Саин Суме» раб-табунщик, в отличие от этой традиции, обвиняет героя в воровстве, за что тот, естественно, жестоко расправляется с ним. Такое отступление от установившихся традиций народного эпоса и трансформацию образа табунщика можно объяснить, во-первых, изменением его роли и места в народном быту, в связи с переходом к оседлому образу жизни; во-вторых, стремлением подчеркнуть роль героя, который после троекратного испытания сам выбирает коня. Можно также предположить, что в рассматриваемом сказании имеется отдаленная сюжетная связь с распространенным среди тюркоязычных народов эпосом об Алпамыше²¹.

Труднее объяснить в эпосе следующий эпизод: старик со старухой решают убить долгожданного сына. Этот мотив, вероятно, привнесен в сказание из древнейших верований, ибо фольклорные параллели крайне редки. И все же аналогичный мотив встречается, в частности, в русской народной сказке «Богатырь Иван Яблочкин», также записанной в Сибири²².

Возможно, подобные эпизоды генетически связаны с этнографическим прошлым народов. Убийство детей, особенно наследников престола, некогда было явлением нередким, что получило соответствующее отражение и в народном творчестве²³. У некоторых народов такой обычай сохранялся до недавнего прошлого²⁴.

Героя сказания оберегает от смерти и охраняет от опасностей богатырский конь, также традиционный для тюркского эпоса образ. «В героическом эпосе богатырский конь понимает человеческую речь, предупреждает витязя о грозящей опасности...»²⁵. Подобная роль богатырскому коню отводится и в народной сказке, о чем, в частности, свидетельствует названная выше сказка «Богатырь Иван Яблочкин»²⁶.

Спасенный от гибели своим конем, богатырь решается уйти из родного дома. В этом поступке, возможно, нашло отражение стремление некоторых членов родовой общины порвать с нею. Сходные эпизоды имеются в башкирской и татарской версиях сказания о Туляке²⁷.

В некоторых сказаниях как, например, в эпосе «Джик Мэрген»²⁸, герой до достижения богатырской зрелости не нарекается именем. Этот мотив имеет место и в рассматриваемом эпосе: лишь когда его герой выходит из дома, чтобы навсегда покинуть его, родители вспоминают, что сын их не имеет имени, зовут его обратно в дом и нарекают — Алтайн Саин Суме. Следует подчеркнуть, что герой не меняет имя, данное ему в младенчестве, а получает его впервые уже будучи взрослым. Объясняется это, видимо, забвением древних верований, породивших в свое время обряд перемены имени, и эпических традиций, связанных с ними.

Эти эпизоды завершают первую часть сказания. Во второй части получает развитие сюжет богатырского сватовства. По совету своего коня, герой приезжает к хану, намеревающемуся выдать свою дочь замуж. Несмотря на соперничество восьми богатырей, прибывших ранее, предпочтение все же отдается Алтайну Саину Суме. Объясняется это тем, что те восемь богатырей приехали все вместе, а он приехал один.

По существующему у многих народов Востока обычаю, жених должен был дать выкуп за невесту. Это нашло отражение в сказании, в котором переплетаются древнейшие представления, связанные с обрядами возрастных инициаций, с более поздними обычаями патриархального феодализма, требующими уплаты калыма за невесту.

Герою полагалось до свадьбы совершить традиционные подвиги, добыть для хана семь белосивых коней (*акбузат*) Пурухчи. Тяжелые испытания были обязательны для сюжета богатырского сватовства. Герой встречается со своим своеобразным двойником Эне Сольмом, заранее все о нем узнавшим. По эпической традиции, встреча их начинается с боя, который показывает, что силы их равны. Аналогичный эпизод имеется и в одном из древнейших памятников письменности Востока — «Эпосе о Гильгамеше», который в устной форме сложился, вероятно, еще в XXIII—XXII вв. до н. э.²⁹. Отражается этот мотив и в средневековых сказаниях, например, в русском богатырском эпосе³⁰.

Когда в сказании «Алтайн Саин Суме» выясняется, что герой едет за семью жеребцами, Эне Сольм предлагает ему свою помощь. Семь жеребцов можно добыть лишь в том случае, если победить мать семисот Йилбегенов. Не совсем ясно, кто имеется в виду в данном случае. Как пишет А. А. Петросян, «через многие эпические сказания алтайцев... проходит образ семиглавого чудовища Дельбегена, пожирающего людей»³¹. В свое время Г. Н. Потанин тоже писал об этом персонаже алтайского фольклора: «У алтайцев сказочная старуха-людоедка называется Джэльбэген; ей приписывается проглатывание луны во время затмений»³². Ученый останавливается на этимологии этого слова, сопоставляя его с казахским словом *жалмауыз*, и приходит к выводу, что *Джэльбэген* алтайского фольклора и *жалмауыз кемпір* казахского в основе своей аналогичные образы. Сопоставляя образ *жалмауыз кем-*

пир с образом другого чудовища — *айдагара* казахских народных сказок, С. А. Каскабасов пишет: «*Жалмауыз кемпир* тоже расправлялась с теми, кто по неосмотрительности попадал в царство мертвых»³³. Образ зловещей старухи *ялмавыз карчык*, встречающейся в фольклоре как поволжских и приуральских, так и сибирских татар, обычно наделен теми же чертами³⁴.

Можно полагать, что в сказании «Алтайн Саин Суме» действует тот же персонаж, что и в казахском и татарском фольклоре, однако, сохранивший свое алтайское, быть может, изначальное название. Такое предположение подтверждается и тем, что слова *Джэльбэген* и *жалмауыз* (*ялмавыз*), возможно, являются родственными, по крайней мере — функционально³⁵. В целом же *Йилбеген* — *Джэльбэген* — *Чельбеген* широко распространенный образ в тюрко-монгольском фольклоре³⁶, в творчестве алтайских тюрков, шорцев, хакасов³⁷ и др.³⁸.

Герой нашего эпоса выступает против матери семисот Йилбегенов и в первой же схватке побеждает ее. Затем добывает семь жеребцов и приходит на помощь Эне Солыму, попавшему в тяжелое положение. Постепенно образ богатыря становится центральным в повествовании. Выдержав все испытания, герой и его друг на обратном пути встречаются с многочисленным вражеским войском, получают в сражении тяжелые раны и умирают.

Эпизод смерти главного героя от ран встречается и в некоторых других героических сказаниях сибирских татар, например, в обоих вариантах эпоса «Ак Кубек»³⁹. Но там богатырь действительно погибает, а в «Алтайн Саин Суме», так же, как в казахском героическом эпосе «Ер-Саин»⁴⁰ и во многих народных сказках, герой вновь оживает. Эпизод «временной смерти» восходит к первобытным представлениям людей и обрядам инициации⁴¹.

Казалось бы, на этом сказание должно было завершиться. Но это противоречит художественной логике развития произведения — ведь тогда богатырь не до конца выполнил бы то, что ему было предназначено. И поэтому в сказание включаются новые эпизоды, также тесно связанные с традициями тюркского эпоса. Снова в активные действия вовлекается богатырский конь, который, в согласии с эпическими традициями тюрко-монгольских народов, «воскрешает убитого героя волшебными средствами»⁴².

Заканчивается сказание типичными для сказочного и богатырского эпоса эпизодами двух свадеб — Алтайна Саина Суме и Эне Солыма, каждая из которых длится по семьдесят дней.

Основу содержания сказания составляет богатырское сватовство. Чтобы добыть невесту, богатырь и его друг или побратим сражаются с чудовищем и побеждают его. Подобные коллизии свидетельствуют о глубокой древности истоков сказания. Подтверждается это и другими фактами. Одним из главных персонажей является старуха *пашлык* — *башлык*. Так именуются женщины во многих сказаниях и сказках сибирских татар⁴³. В переводе с современного татарского языка это означает «предводитель, глава, главарь»⁴⁴. Диалекты татарского языка сохранили и более определенное значение данного слова — «хозяйка, глава семьи, рода»⁴⁵. В татарском языке имеется словосочетание *башлык-күзле булу*, букв. «обрести голову и глаза», означающее «жениться»⁴⁶. Это идиоматическое выражение и *башлык* — *пашлык* является, очевидно, отдаленным отголоском древних матриархальных отношений. В этом аспекте сказание обнаруживает близость к бурятскому эпосу⁴⁷ и архаическому эпосу эвенов⁴⁸, где женщина тоже играет ведущую роль.

С точки зрения сравнительно-исторического анализа сказания инте-

ресно высказывание Л. П. Потапова, считающего эпос алтайцев «Дьянгар» предшественником калмыцкого «Джангара»⁴⁹. Этот эпос А. А. Петросян характеризует следующими словами: «Каждая из двенадцати песен-поэм „Джангариады“ представляет историю отдельных богатырских деяний, повествуя об удивительных приключениях героев, путешествовавших по неведомым странам на земле и в преисподней, вышедших на поиски попавшего в беду друга или ушедшего от возмездия врага. Героические походы богатырей переплетаются с романтическими приключениями в ожидании долгожданной встречи с девушкой, достойной невестой богатыря...»⁵⁰. Характеризуя героические сказания алтайцев, И. В. Пухов писал: «Самым большим из них было сказание про великого богатыря Дьянгар-Боодо — отца всех богатырей. Говорят, что сказание исполнялось в течение семи дней»⁵¹.

В сказании «Алтаин Саин Суме» нет широких эпических картин приключений героев, как в калмыцком «Джангаре» или алтайском «Дьянгаре». Объясняется это, видимо, небольшим объемом сказания.

Эпос «Дьянгар» состоял из девяти песен-былин, в том числе былины «Алтай-Сюме». Легенду о судьбе «Дьянгара» у алтайцев поведал Л. П. Потапову Н. У. Улагашев⁵², который «лично эту былинку знал только понаслышке, но не пел ее»⁵³. Татарская версия былины-песни «Алтай-Сюме» была записана у барабинских татар под названием «Алтаин Саин Суме»⁵⁴. Это мнение Л. П. Потапова подтверждается и идейно-художественным содержанием сказания. По словам И. В. Пухова, «сватовство героя и сопутствующие ему богатырские подвиги являются темой всех без исключения алтайских героических сказаний: без „героического сватовства“ невозможно представить себе алтайский эпос (как хакасский, бурятский, якутский). Брак строго экзогамный...»⁵⁵. Это относится и к сказанию «Алтаин Саин Суме».

Все вышеизложенное способствует выявлению генетических корней «Алтаин Саин Суме» и с известной долей вероятности связывает его с героическим эпосом алтайцев. Об этом говорит не только сюжет сказания, включающий богатырское сватовство, но и некоторые другие элементы, в частности, сложное имя богатыря — Алтаин Саин Суме.

Проникновение одного из сказаний алтайского героического эпоса к сибирским татарам, о чем писал Л. П. Потапов, исторически было вполне возможным. Известно, что в формировании тюркоязычных народов Центральной Азии и Южной Сибири огромную роль сыграли тюркские каганаты (VI—VIII вв.)⁵⁶. Надо полагать, что предки сибирских татар тоже были вовлечены в процесс консолидации тюркоязычных племен. Этногенез их в известной степени был связан, по всей видимости, также и с тем, что в VI—IX веках в Сибирь стали проникать многочисленные тюркоязычные племена с Алтая и из Центральных районов Казахстана⁵⁷. О происхождении сибирских татар высказывалось и такое, на наш взгляд, достаточно обоснованное мнение: «...татары отнюдь не являются аборигенами края. В 880 г. в китайских известиях встречаются упоминания о „таттан“ (татарах). Судя по китайским источникам, „таттан“ жили у горы Иншан, т. е., очевидно, у Алтая»⁵⁸. Это сказано о тюменских и тобольских татарах, но с не меньшим основанием эти слова могут быть отнесены и к татарам барабинским⁵⁹, которые как по территории и языку, так и по этнографии и фольклору значительно ближе к алтайским телеутам.

Исходя из этих и некоторых других историко-этнографических и фольклорных данных, можно полагать, что в формировании сибирских татар известную роль сыграли тюркоязычные племена, связанные с Алтаем. Имея в виду барабинских, тарских, тобольских и тюменских

татар, академик В. В. Радлов писал: «По своему происхождению все эти тюркские племена — близкие родственники алтайских телеутов; только язык их изменился от влияния тюркских пришельцев из Средней Азии и из восточной России»⁶⁰.

Сказание «Алтаин Саин Суме» записано ученым у барабинских татар, «язык которых есть самый близкий к алтайскому наречию»⁶¹. Это подтверждается и языком, и стилем рассматриваемого произведения, сохранившими известную архаичность. Можно было бы полагать, что «Алтаин Саин Суме» представляет собой деформированный вариант⁶² героико-арханческого сказания, пережившего определенную эволюцию в сторону народной сказки. Известное влияние поэтики сказки в произведении нашло выражение в его прозаической форме. Следует, однако, заметить, что стихотворная или прозаическая форма не может быть безусловным признаком принадлежности произведения к эпосу сказочному или героическому, ибо хорошо известно «бытование эпоса в форме прозаических сказаний. Прозаическими в основном (несмотря на короткие стихотворные вставки) являются ирландский эпос, сказания об Амирани и о нартах на Кавказе»⁶³. Это значит, что сказание «Алтаин Саин Суме», так же как и некоторые другие татарские сказания, например, «Йир Тюшлюк»⁶⁴, тесно связано с народным эпосом вообще. Кроме того, следует иметь в виду, что в языке сказания огромную роль играют традиционные эпические формулы, которые в большинстве случаев могут быть оформлены и как стихи. Только что родившийся герой описывается в сказании поэтически: *ай тиза аузы бар, кен тиза кuze бар*⁶⁵ 'у него рот как луна, а глаза как солнце'. Здесь стихотворная форма выражена достаточно явно. Кроме того, определение это основывается на глубоких традициях народного эпоса, повествующего о божественном происхождении героя. Генетически же это определение может быть связано с поклонением солнцу и луне.

Так же выразительна формула *кырау төшсә, кыш полып барады; ямгыр яуса, йэй полып барады*⁶⁶ 'если будут заморозки, значит наступает зима; если пойдет дождь, значит наступает лето'. Или выражение *түргә карап кәлдә, ишеккә карап сыктады*⁶⁷ 'глядя в юрту, смеялся; глядя на дверь, плакал'. Подобные эпические формулы, широко распространенные в произведении, довольно легко могут быть представлены в виде стихотворных строк. При этом стихи иногда могут получиться неравносложными, что не противоречит особенностям древнетюркского стиха, для которого равнотактность была отнюдь необязательной, ибо «основой ритмизации устного народного эпического стиха служил первоначально не принцип изосиллабизма, а ритмико-синтаксический параллелизм при относительно свободном счете слогов»⁶⁸. Этим требованиям отвечают и многие строки рассматриваемого сказания, например, следующие слова «матери семисот Йилбегенов»:

*Канатлы очмас йер иде,
Аяклы йермас йер иде,
Пу йергә нимәнәң олы-кызы килде?*⁶⁹

'Край, куда не долететь на крыльях,
Край, куда не дойти ногами,
Чей же сын или дочь прибыли сюда?'

Обилие ритмически организованных, часто и рифмованных выражений в сказании «Алтаин Саин Суме» позволяет сделать следующее предположение: не является ли анализируемый текст своеобразным «прозаизированным» вариантом произведения, в архаическом прототипе которого стихотворные части играли достаточно большую роль. Во всяком случае, среди прозаических сказаний сибирских татар нет дру-

гих образцов, в которых эпические формулы, стихотворно организованные предложения и целые абзацы занимали бы столь значительное место.

Сказание барабинских татар «Алтаин Саин Суме», таким образом, является одним из интересных произведений, сохранивших ярко выраженные особенности героико-архаического эпоса.

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IV, СПб., 1872, стр. 70—77.

² См.: «Махабхарата. Рамаяна». М., 1974, стр. 7, 66; «Три великих сказания Древней Индии». М., 1978, стр. 388—389; «Героический эпос народов СССР». Л., 1979, стр. 327; «Кобланды-батыр. Казахский героический эпос». М., 1975, стр. 65, 223.

³ Н. А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954, стр. 182, 429.

⁴ «Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза». М., 1978, стр. 42, 262.

⁵ Там же, стр. 62, 263; «Поэзия и проза Древнего Востока». М., 1973, стр. 36, 63.

⁶ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 145.

⁷ С. А. Каскабасов. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972, стр. 116, 249; «Гувинские народные сказки». М., 1971, стр. 143.

⁸ См.: Х. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976, стр. 106; В. Жирмунский. Народный героический эпос. Л., 1962, стр. 12; *его же*. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 517—631.

⁹ В. Жирмунский. Народный героический эпос, стр. 13.

¹⁰ В. В. Радлов. Образцы..., ч. IV, стр. 70—71.

¹¹ Там же, стр. 53—54, 148.

¹² См.: С. А. Каскабасов. Казахская волшебная сказка, стр. 160.

¹³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4, СПб., 1911, столб. 291.

¹⁴ «Монгольско-русский словарь». М., 1957, стр. 343.

¹⁵ «Сказание о зачатии царства Казанского». Казань, 1902 (см. таблицу).

¹⁶ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 374.

¹⁷ Там же, стр. 720.

¹⁸ Там же, стр. 377—379.

¹⁹ «Песни степей». Антология казахской литературы. М., 1940, стр. 35.

²⁰ См.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 257.

²¹ «Алпамыш». Узбекский народный эпос по варианту Фазила Юлдаша. М., 1949; «Алпамыс». Сказитель Есемурат-жырау Нурабуллаев. Нукус, 1960; и др.

²² «Русские народные сказки Сибири о богатых». Новосибирск, 1979, стр. 159—169; 286—287, 157.

²³ См.: Н. А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции, стр. 44, 58, 74, 101, 115 и др.

²⁴ М. И. Кулишер. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб., 1887, стр. 46—56; Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Вып. I. М.—Л., 1931, стр. 327 и сл.; Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958, стр. 73.

²⁵ В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 249.

²⁶ «Русские народные сказки Сибири...», стр. 160—161.

²⁷ Лев Суходольский. Легенда о Туляке. — «Вестник Императорского Русского Географического Общества», ч. 24, СПб., 1858, стр. 65—72; «Башкирский народный эпос». М., 1977, стр. 8—51, 206—214, 418—427.

²⁸ «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 352.

²⁹ «Эпос о Гильгамеше» («О все видавшем»). М.—Л., 1961, стр. 19.

³⁰ Г. Н. Парилова и А. Д. Соимонов. Былины Пудожского края. № 4, Петрозаводск, 1941; «Былины». М., 1969, стр. 43.

³¹ А. Петросян. О героическом эпосе народов Советского Союза. — «Героический эпос народов СССР», т. I. М., 1975, стр. 10.

³² «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина». Алма-Ата, 1972, стр. 292.

³³ С. А. Каскабасов. Казахская волшебная сказка, стр. 177.

³⁴ См.: «Татар халык ыжаты. Әкиятләр» (беренче китап). Казан, 1977; (икенче китап), Казан, 1978.

³⁵ Ср.: «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина», стр. 292.

³⁶ Н. Ф. Катанов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе «Образцов народной литературы тюркских племен», собранных В. В. Радловым. СПб., 1888, стр. 7.

³⁷ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. II. СПб., 1868, стр. 266, 267, 557, 559; Н. Ф. Катанов. Хакасский фольклор. — В кн.: «Образцы народной литературы тюркских племен», т. IX, СПб., 1907; Абакан, 1963, стр. 106, 135—136; *его же*. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе «Образцов народной литературы тюркских племен», собранных В. В. Радловым. СПб., 1888, стр. 23.

- ³⁸ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, стр. 651, 667, 750—753.
- ³⁹ В. В. Радлов. Образцы..., ч. IV, стр. 59, 153.
- ⁴⁰ «Песни степей», стр. 30—46; А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945, стр. 50—71.
- ⁴¹ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 260.
- ⁴² В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 249.
- ⁴³ Ср. со сказкой «Курбала» в кн.: «Татар халык ижаты. Әкиятләр» (беренче китап), стр. 86.
- ⁴⁴ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 63.
- ⁴⁵ «Татар теленең диалектологик сүзлегә». Казан, 1969, стр. 74.
- ⁴⁶ «Татарско-русский словарь», стр. 63.
- ⁴⁷ Е. Н. Кузьмина. К характеристике женских образов в улигерах «Адурай Мэргэн» и «Еренсей». — «Эпическое творчество народов Сибири» (Тезисы докладов научной конференции, 17—20 июля 1973 г.). Улан-Удэ, 1973, стр. 52.
- ⁴⁸ Ж. К. Лебедева. Арханчский эпос эвенов. Новосибирск, 1981, стр. 38—49.
- ⁴⁹ Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев. — «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 127.
- ⁵⁰ А. Петросян. О героическом эпосе народов Советского Союза, стр. 16.
- ⁵¹ И. В. Пухов. Алтайский народный героический эпос. — «Маадай-Қара. Алтайский героический эпос», М., 1973, стр. 25.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев, стр. 127.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ И. В. Пухов. Указ. раб., стр. 32.
- ⁵⁶ «История Сибири». Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968, стр. 284.
- ⁵⁷ Там же, стр. 304.
- ⁵⁸ И. И. Авдеев и И. П. Струкова. Тобольские и тюменские гатары (историко-этнографический очерк). — В журн. «Омская область», 1937, № 3, стр. 66.
- ⁵⁹ Ср.: С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 444.
- ⁶⁰ В. В. Радлов. Образцы..., ч. IV, стр. XI.
- ⁶¹ Там же, стр. XII.
- ⁶² См.: А. С. Мирбадалева. Некоторые вопросы критической оценки текстов эпоса тюркоязычных народов. — «Советская тюркология», 1981, № 2, стр. 23.
- ⁶³ Е. М. Мелетинский. Народный эпос. — «Теория литературы», т. 2, М., 1964, стр. 88.
- ⁶⁴ В. В. Радлов. Образцы..., ч. IV, стр. 352—375.
- ⁶⁵ Там же, стр. 71. Из-за трудности печатания язык приводимых здесь выражений несколько приближен к татарскому литературному языку.
- ⁶⁶ Там же, стр. 72.
- ⁶⁷ Там же, стр. 73—74.
- ⁶⁸ В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, стр. 652.
- ⁶⁹ В. В. Радлов. Образцы..., ч. IV, стр. 74.

ОНОМАСТИКА

У. Ф. НАДЕРГУЛОВ

О ГИДРОНИМЕ «СОРАН», ПРАВОМ ПРИТОКЕ САМАРЫ

При изучении древней истории наряду с историческими, археологическими и этнографическими источниками немалое значение имеют и данные гидронимии.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать происхождение названия правого притока реки Самары — *Соран*. Этот приток берет начало на западных склонах Общего Сырта и впадает в Самару в районе Сорочинска. Его протяженность около 200 км.

В ономастической литературе уже были попытки этимологизации гидронима *Соран*. А. А. Камалов связывает происхождение этого названия с болгарским *воран* 'овраг'¹. По мнению Р. Г. Азнагулова, этот гидроним имеет финно-угорское происхождение². А. А. Камалов свою гипотезу строит на основе русской формы этого гидронима (*Уран*), без учета его именования башкирским населением (*Соран*). Р. Г. Азнагулов этимологизирует только первый компонент гидронима *Сур*, оставляя без внимания его вторую часть *ан*, и приводит сравнительные материалы только из финно-угорских языков, игнорируя факты тюркских языков.

В работах упомянутых авторов не принимается во внимание микропонимия бассейна реки *Соран*, хотя известно, что при этимологизации какого-либо гидронима должна учитываться микропонимия окружающей местности, особенно когда исследуется гидроним со сложной структурой.

Гидроним *Соран*, на наш взгляд, состоит из двух топонимообразующих элементов *сор* и *ан*, весьма характерных для гидронимии Урало-Поволжского региона.

Слово *сор* широко распространено в тюркских языках; ср.: др.-тюрк. *şor*, уйг. *сур*, узб. *шур*, калм. *шор* 'солёный'; азерб. и туркм. *шор*, ккалп. *сор* 'солончак'; ног. *шур* 'солёная вода'; каз. и кирг. *сор* 'солёное озеро' и т. д. Во многих тюркских языках этот элемент имеет общую семантику и означает «солёный», «солончак».

В лексике современного башкирского языка слово *сор* не представлено, однако оно сохранилось в выражении *сурлыға сор икмәк*, бытующем в разговорной речи соранских башкир. Здесь элемент *сур* означает «чирей», а словосочетание *сор икмәк* — «солёный хлеб». Пожилые представители местного населения по настоящее время при лечении чирея и опухолей применяют посоленный сырой хлеб. В современном литературном языке выражение *шыр тоз* означает «пересолённый». Первый компонент этого сочетания *шыр* встречается лишь в данном выражении.

¹ А. А. Камалов. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир. — В сб.: «Археология и этнография Башкирии», IV, Уфа, 1971, стр. 288.

² Р. Г. Азнагулов. Топонимы финно-угорского происхождения в бассейне рек Самара, Сакмара, Сим. — В сб.: «Ономастика Поволжья», 2, Горький, 1971, стр. 239.

По всей вероятности, *шыр* имеет непосредственную связь с общетюркским *сор, шор* 'солёный'.

Многие гидронимы Урало-Поволжья, как и других ареалов, отражают рельеф местности, ее почвенный покров, растительный и животный мир. Таковы, например, гидронимы Башкирии: *Сурганды* 'щучье озеро', *Аккош күле* 'лебединое озеро', *Ассы йылғаһы* 'горько-солоноватая река', *Кәркәле* 'болотистая река', *Курғашлы* 'свинцовая река', *Караболак* 'черный родник' и многие другие. В отличие от других притоков Самары *Соран* протекает по солончаковой степи. Эта особенность почвы получила отражение и в микротопонимии. В верховьях *Сорана* имеется небольшой мыс с названием *Сейморон* (*сей* 'сырой' и *морон* 'мыс'). Из-за солончаковой почвы этот мыс, в отличие от других, после весенних и летних дождей высыхает очень медленно, долгое время оставаясь сырым.

В бассейне притока *Соран* имеется достаточно много колодцев и даже родников с горьковатой или солоноватой водой. Все эти факторы подтверждают, что элемент *сор* рассматриваемого гидронима по происхождению восходит к общетюркской основе и имеет семантику «солёный», «солончак».

В настоящее время гидронимы с элементом *сур* встречаются и на территории расселения финно-угорских народов. Нам кажется более вероятным заимствование данного слова финно-уграми у тюркских народов. Это подтверждается и внутренним семантическим развитием слова *сур*. В отдельных тюркских языках оно означает «солёная река», а в финно-угорских просто «река». Такое семантическое переосмысление при заимствовании гидронимов вполне возможно. С другой стороны, основной ареал гидронимов с элементом *сур* находится на территории расселения тюркоязычных народов. Все эти факты исключают предположение о финно-угорском происхождении данного топоформанта.

Происхождение второй части гидронима *-ан* в определенной степени освещено в работах В. П. Топорова, О. Н. Трубачева и Г. Ф. Саттарова. В. П. Топоров и О. Н. Трубачев отмечают, что «гидронимы с элементом *ань* полностью отсутствуют к западу от Днепра, а в левобережье тянутся полосой с севера на юго-восток. Эта полоса продолжается и в направлении к Дону, для гидронимии которого данный тип весьма характерен»³. Далее они указывают на неславянское происхождение этого элемента.

Привлечение данных древнетюркских языков позволяет сделать некоторые выводы относительно происхождения элемента *ан*. В орхон-енисейских тюркских письменных памятниках топоформант *ан* и его фонетические варианты *аны*, *ану* употреблялись в значении «река»⁴. Названия рек Сибири *Черный Ануй*, *Белый Ануй* — левые притоки Оби; *Большой Ануй*, *Малый Ануй* — правые притоки Колымы, восходят, на наш взгляд, непосредственно к древнетюркским *аны*, *ану*.

Г. Ф. Саттаров на основе анализа значительного количества гидронимов Урало-Поволжья и Средней Азии приходит к заключению, что топооснова *ан* в данных названиях по происхождению восходит к древнетюркскому *ан* 'река'⁵.

Генетическая связь элемента *ан* с древнетюркским языком подтвер-

³ В. П. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 118—119.

⁴ «Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках». Фрунзе, 1971, стр. 61; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 395.

⁵ Г. Ф. Саттаров. Происхождение названия Казань. — В сб.: «Ономастика Поволжья», 2, Горький, 1971, стр. 164.

ждается и фактами современного башкирского языка. В настоящее время на территории расселения башкир имеются реки *Шаран* (*шар* 'болотистая' + *ан*) и *Шар йылға*, *Кушан* (*куш* 'парная, параллельная' + *ан*) и *Куш йылға*, *Бузан* (*буз* 'серая' + *ан*) и *Буз йылға*, *Йалтыран* (*йалтыр* 'светлая, прозрачная' + *ан*) и *Йалтыр йылға* и т. д. В данных гидронимах компоненты *ан* и *йылға* имеют общую семантику «река». В зависимости от состава компонентов в топонимии Башкирии можно выделить несколько пластов. Гидронимы с элементом *ан* относятся к наиболее древним.

Все сказанное позволяет утверждать, что гидроним *Соран* тюркского происхождения и означает «соленая, солоноватая река».

Данное предположение вполне согласуется с фактами микротопонимии местности. В бассейне притока *Соран* имеются небольшие речки и ручейки: *Камытелгән*, *Һабанғул*, *Каратал*, *Ғыуыккул*, *Куна*, *Каран*, *Кыуайыр*. Названия *Камытелгән*, *Һабанғул*, *Каратал*, *Ғыуыккул* достаточно прозрачны и легко объясняются на основе современного башкирского языка. По структуре эти гидронимы состоят из двух топонимобразующих элементов: *камыт* 'хомут' + *элгән* 'повесил', *һабан* 'плуг' + *кул* 'рукав', *кара* 'черный' + *тал* 'тальник', *һыуык* 'холодный' + *кул* 'озеро'.

С точки зрения происхождения определенный интерес представляют названия *Куна*, *Каран*, *Кыуайыр*. Слово *Куна* широко распространено в современных кыпчакских языках и обозначает «местность, заросшую камышом, осокой». Гидроним с данной основой на территории современной Башкирии пока не обнаружен, однако кроме рассматриваемого ареала он встречается в бассейне реки Большой Иргиз, где проживают иргизо-камеликские башкиры.

Следует выделить гидронимы *Каран* и *Кыуайыр*. По наблюдениям А. А. Камалова⁶, гидронимы с топоосновой *каран* также характерны для топонимии Башкирии: слово *каран* из современных тюркских языков представлено лишь в башкирском и означает «незамерзающее место реки», иногда и «незамерзающую речку». Полагаем, что гидроним *Каран* состоит из компонентов *кар* 'снег' и *ан* 'река', что означает «снежная река».

Значительное место в топонимии Башкирии занимают гидронимы с элементом *айыр* 'рукав реки'. Названия с этим элементом имеются и на территориях расселения других кыпчакских народов Поволжья.

Ареалы названий с основами *каран* и *айыр* совпадают с территорией обитания древних башкирских племен.

Сведения, сообщаемые арабским миссионером Ахмедом Ибн-Фадланом, совершившим в 921—922 годах путешествие в Волжскую Булгарию, позволяют установить примерную хронологию освоения верховьев Самары⁷. В записях этого миссионера, наряду с другими гидронимами, указаны реки *Чаган* и *Чермасан*. Формы образования гидронимов *Чаг + ан*, *Чермас + ан* идентичны со структурой гидронима *Сор + ан*, *Кар + ан*.

Кроме того, Ахмед Ибн-Фадлан указывает, что между страной огузов, расположенной на левобережье Урала, и Волжской Булгарией находилась область башкир.

Все эти факты позволяют заключить, что бассейн реки Самары был освоен тюркоязычными народами, в том числе и башкирами, задолго до упомянутого путешествия Ахмеда Ибн-Фадлана.

⁶ А. А. Камалов. Некоторые вопросы изучения топонимии Башкирии. — В сб.: «Ономастика Поволжья», 3, Уфа, 1973, стр. 205—206.

⁷ П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествия на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 29.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. З. АБДУЛЛАЕВ

К ВОПРОСУ $r \sim z$ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о первичности звуков $r \sim z$ в тюркских языках издавна привлекает внимание алтаистов и тюркологов. Одним из последних по этому вопросу выступил Б. А. Серебренников¹. Многоаспектное соотношение $r \sim z$ в многочисленных тюркских языках и диалектах не теряет своей актуальности и продолжает оставаться спорной проблемой.

Известно, что по вопросу $r \sim z$ в алтаистике существуют три точки зрения: 1) $r // z$ (Клапрот, Шотт, Ашмарин и др.); 2) $r > z$ (Рамstedт, Дмитриев, Поппе и др.); 3) $z > r$ (Богородицкий, Радлов, Гомбоц, Бенцинг, Серебренников и др.)².

Множество гипотез, подтверждаемых различными фонетическими выкладками и аргументациями ученых, до сих пор не дали ответа на следующие кардинальные вопросы:

1) Почему закономерное фонетическое соответствие $r \sim z$ проявляется только в чувашском языке, противостоящем по этому признаку всем остальным тюркским языкам и их диалектам?

2) Почему по мере углубления в историю тюркских языков доля r возрастает, а доля z соответственно уменьшается?

3) Что является причиной того, что в анализируемых алтаистами лексемах монгольских языков оказывается представленным именно r ?

4) Как, наконец, объяснить то, что в древнейших тюркских заимствованиях ряда соседних индоевропейских языков сохраняется не z , а r ?

В настоящей статье предпринимается попытка осветить на материале азербайджанского языка на общетюркском фоне некоторые из этих вопросов.

1. Для углубленного изучения характера диахронической динамики $r \sim z$ представляется целесообразным прежде всего выявить наиболее древние и архаичные формы, зафиксированные в исторических памятниках тюркских языков или обнаруженные в их диалектах и говорах. Сравнительный анализ этих форм в сопоставлении с соответствующими фактами современных тюркских литературных языков позволит выявить относительную хронологию соответствия $r \sim z$ в изучаемых формах, морфемах и т. д.

Аффикс именного отрицания $-siz$ ($-suz$, $-süz$) в древнетюркском языке выступал в форме $-sir$. Г. И. Рамstedт, отмечая монгольскую параллель этому аффиксу $-sar \sim -ser$ 'без', приводил, в частности, такие примеры: монг. өлүмсер 'не умерший с голоду' ($< \text{өлүсүм}$ 'голод'), кеји

¹ См.: Б. А. Серебренников. Что было первичным, r^2 или z ? — «Советская тюркология», 1971, № 1.

² Подробнее об этом см.: там же, стр. 13—19.

сүмүсер 'не унесенный ветром' (<кејүсү 'унести прочь', 'развезть'), сәнамсар 'нечаянный, неперенный' (<сана 'думать')³. Г. И. Рамstedт считал монгольскую форму более древней и сопоставлял форму -сар, -сер с аналогичной чувашской (чув. анзәр 'узкий' и др.).

Данный вопрос привлек также внимание Н. К. Дмитриева, который писал: «Старинные тюркские глаголы типа қауап-суга 'лишиться хана' и el-sir-e 'лишиться племенного союза' происходят, по вероятным предположениям П. М. Мелиоранского (позднее были развиты Бангом и Рясененом), от основ с привативным аффиксом -сыз// -сиз, т. е. ближайшим образом от қауап-суз 'не имеющий хана', 'без хана' и el-siz 'не имеющий племенного союза', 'без племенного союза'»⁴.

В числе приведенных автором примеров было и слово *гысыр*: общетюрк. *гысыр* < *уксыр* < *йуксыр* 'яловая', чув. *јахсар*, тат. диал. *јөксез* 'беспородный', 'бесплодный'. Последняя форма соответствует азерб. *јуксуз* (ср. второе значение татарского слова *йөкле* 'беременная'⁵). Во всяком случае, формант -сыр в слове *гысыр* представляет собой не что иное как древнюю форму аффикса -сыз.

А. ф. Габән отмечала древнетюркское *küntüri* (ср. азерб. *күндүз* 'день')⁶. В диалектах и говорах азербайджанского языка употребляется слово *күндүррүк*, например: *Күнүм-күндүрриким јохди. Сәнә кәлдим-кәлмәдим, бир күндүрриким олмады* 'Нет мне житья. С тех пор как я вышла за тебя замуж, ни дня я не провела хорошо' (Шемахинский р-н, с. Меликчобаны). Древнемонгольское *үдүг* означало «день»⁷.

Г. И. Рамstedт приводил древнетюркское *toңurı* 'море'⁸. Это слово в венгерском языке выступает в форме *tenger*, в чувашском — *кәнтәр*, тунгусском — *tuңger* ('озеро').

В азербайджанском языке существуют и другие факты, подтверждающие переход r в z . Как и в других тюркских языках, в азербайджанском имя числительное *ијурми* 'двадцать' относится к наиболее древним. Это слово распадается на части: *ијур* + *ми* [< *икәр* + *ми* (ш)]. Такое разделение мотивируется существованием в азербайджанском языке форм *бирәр*, *үчәр*, *бешәр* и т. п., с одной стороны, и *алтыш*, *јетмиш* — с другой (-*миш* 'десять'; ср. *алтыон*, *једдион* в алт., тув. и других тюркских языках). Таким образом, *ијурми* означает *икәр он* («дважды десять»). *Икәр* впоследствии преобразовалось в *екиз*. В азербайджанских диалектах и говорах это слово употребляется также в форме *икиз* (Шемахинский р-н, с. Геогляр).

В енисейских памятниках встречаются формы *икиз* 'двое', *ийис*, *эгиз*, *икис* 'близнецы' и т. п.⁹

По всей вероятности, конечная позиция облегчала переход r в z (*икир* > *икиз*), тогда как в середине слова *ијурми* // *икирми* сонорный r сохранялся. Однако и поныне в монг. *икире* // *ихер*, в тув. *экир* и *ийис*, в як. *игирэ*¹⁰.

Р. Г. Ахметьянов, исследовавший соотношение $r \sim z$, приводит следующие интересные факты: др.-тюрк. *икер* в современных тюркских язы-

³ См.: Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 214—215.

⁴ Н. К. Дмитриев. Соотношение r/z . — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I, Фонетика», М., 1955, стр. 324.

⁵ См.: «Татарско-русский словарь», М., 1966, стр. 194.

⁶ А. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974, стр. 345.

⁷ См.: Дж. Клоусон. Лексико-статистическая оценка алтайской теории. — «Вопросы языкознания», 1969, № 5, стр. 35.

⁸ См.: Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 198.

⁹ Н. А. Багманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 217.

¹⁰ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. Фонетика, морфология. М., 1961, стр. 204.

ках *екиз*, монг. *икир*, чув. *јекер еш*, эвен. *игире*¹¹. Кстати, он указывал и на чередования $r \rightarrow z$ в глагольных формах типа *алар-алмар//алмаз*. И хотя Р. Г. Ахметьянов разделяет точку зрения Б. А. Серебренникова относительно перехода $z \rightarrow r$, приведенные выше факты свидетельствуют как раз об обратном, то есть о переходе $r \rightarrow z$.

В азербайджанском языке формы *јор-* и *јоз-* употребляются параллельно; например: *јуху јор-//јоз-* 'толковать сны'. В ДТС отмечено *јор-* в значении «толковать», «объяснять»¹². Точно так же формы *габарыг* (лит.) и *габазаг* (диал.) выступают в одном и том же значении «выпуклый». Употребление (хотя и редкое) в современной разговорной речи формы *габазаг* свидетельствует о том, что звукопереход $r > z$ это все еще живой фонетический процесс.

Определенный интерес представляют также парные слова *тез-кеч* (азерб.) и *ер геç* (тур.). В карачаево-балкарском языке слова *терк* и *тез* употребляются как синонимы (*тәрк//тэрк* приводится и в «Диване» Махмуда Кашгари). Слова *terk* 'быстро, скоро' и *tezik* 'быстрый' зафиксированы и в ДТС¹³, где на слово *terkin* приведен и такой пример: Ви *Ajıtdı terkin evürdi jüzin* 'Этот Ай-Толды быстро отвернул лицо'¹⁴. Как видно из источников, *терк* — более древняя форма, претерпевшая следующие изменения: *терк > тер//тез*. Можно предположить, что последовательность переходов *терк > тер > тез* лежала в основе первого компонента парного слова *тез-кеч*, а последовательность *терк > тер > ер* — в основе *ер-кеч*. И название реки *Терек//Терк* связано с ее быстрым течением¹⁵ («быстрая, стремительная»). Ср. также чувашское *ир* 'рано'¹⁶, соответствующее общетюркскому *ер* как синониму *тез*.

В диалектах и говорах азербайджанского языка встречаются слова *гар-* и *хыр*, к которым восходит глагол *газ-* 'копать'. По словам Г. Хазаи, современное венгерское *каро* восходит к прототипу современного турецкого *kazı* 'рытье, копание'¹⁷, который в период заимствования в венгерский язык, по-видимому, произносился через *r* (а не *z*). В азербайджанском же языке имеется слово *гарым* (обводная канавка вокруг шатра для стока дождевой воды): *гар+ым < газ+ым* (ср. *јыг+ым, бич+им* и т. п.). Таким образом, в *гар-//газ-* наличествует переход $r \rightarrow z$. Слово *хыр* тоже связано со значением «копания». В народно-разговорном языке *хыра* означает «поле», «пашня»¹⁸. В диалектах и говорах азербайджанского языка употребляются также словосочетания *хыр әкмәк, хыр бағламаг* 'возделать поле', *хыр јери* 'пашня'. Таким образом, *гар-* как глагол и *хыр* как имя существительное сохранились до наших дней. Можно предположить, что оба эти слова в древности обладали одним и тем же звуковым составом и принадлежали к числу синкретичных глагольно-именных корнеслов, подобно *сал, сач, таш//тыш, дад, дон, шиш* и т. п.¹⁹

По наблюдениям Н. К. Дмитриева, звукопереход $r \rightarrow z$ облегчается в конечной позиции в слове и затрудняется в его середине. Это подтверждается подавляющим большинством примеров.

¹¹ См.: Р. Г. Ахметьянов. К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках (о переходе $r \rightarrow z$). — «Вопросы языкознания», 1961, № 6, стр. 129.

¹² См.: «Древнетюркский словарь» (далее — ДТС). Л., 1969, стр. 276.

¹³ Там же, стр. 554 и 558.

¹⁴ Там же, стр. 287.

¹⁵ См.: М. А. Хабишева. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982, стр. 130.

¹⁶ См.: «Русско-чувашский словарь». М., 1951, стр. 631.

¹⁷ G. Hazai. Tarih boyunca macar-türk bağları. Budapest, 1963, стр. 5.

¹⁸ Ср.: И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Указ. раб., стр. 234.

¹⁹ Ср. также: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981, стр. 8, 9 и др.

В современном азербайджанском языке употребляется слово *кэлэз* (вид пресмыкающегося). В одном из сонников XVI века оно фигурирует в форме *кэлэр*²⁰, которая подкрепляется также древнетюркским словом *käläg*²¹. Значит, и здесь отмечается переход *кэлэр* < *кэлэз*.

Т. Текин возводит *boz* к *bor* и приводит в подтверждение казахское и киргизское сложное слово *borbaş* 'седая голова'. Можно обратиться и к письменным историческим памятникам: в одном тюркском источнике XV века («Мифтаһул-Лүға») употреблено слово *boz* 'серый' в значении масти лошади. В турецких и алтайских диалектах встречается имя прилагательное *bor* 'серый', а в тувинском языке — глагол *бора-* 'загрязниться'. Сюда же относятся: скиф. *бор(а) сары* 'рыжий', 'буланый', монг. *боро*, тув. и койбальский *бора*, алт. (диал.) *боро*, хак. *порон* 'мутный', 'тусклый', як. *борон* 'серый (о лошади)', эвен. *боро* 'серый', 'теленки (одного года)'²².

В диалектах и говорах азербайджанского языка бытует и слово *поран* в значении «серый, тусклый, мутный, блеклый и т. п.»; например: *көзүм бир аз поран дәкисән* 'ты выглядишь несколько серым'; *ушаг пораныбыз* 'ребенок поблек' (Шемахинский р-н, с. Меликчобаны).

Имя прилагательное *boz* (реже *bos*) встречается в азербайджанском, турецком, гагаузском, уйгурском, узбекском, татарском и других тюркских языках. Если принять во внимание замедленность развития тех алтайских языков, в которых представлена форма *bor*, то можно прийти к заключению о большей древности *r*.

Несомненна также связь *бөрү* (ср. русск. обл. «бирюк», т. е. «волк-одиночка») с *boz* 'серый' (ср. «серый волк»).

В ДТС даны два значения слова *qutur*: 1) «благородный олень, марал...»; 2) «бешеный» (с отсылкой ко второму значению слова *qutuz*)²³. В азербайджанском языке первое значение данного слова отсутствует. Во втором же значении внутри слова выступает *r* (*гудурмуш*, *гудурма*, *гудурасан* и т. д.), а в конечной позиции — *z*, как в слове *гудуз* 'бешеный'. Иначе говоря, *r* характерен для системы глагола, *z* — имени.

Слово *дирсәк* 'локоть' (в диалектах и в других тюркских языках также *тирсәк*) состоит из двух элементов: *дир* + *сәк*. Здесь семантика первого корневого элемента не совсем ясна. Относительно аффиксального элемента *-саг/-сәк* Э. В. Севортян пишет: «...В сохранившихся именах на *-саг* довольно трудно провести деление их на дезидеративные или уподобительные по их происхождению...»²⁴.

Семантика уподобления выражается и в слове *дирсәк*: *диз* 'колено' — *дирсәк* 'локоть' (локоть напоминает колено). Следовательно, некогда слово *диз* звучало, по-видимому, как *дир*. Отсюда и *дир-сәк*. И здесь в середине слова *r* сохранился, а в конце слова он перешел в *z*. В тувинском языке, в отличие от других тюркских языков, это слово представлено как *дискәк* 'колено'²⁵.

²⁰ Республиканский рукописный фонд АН Азербайджанской ССР, Д-13. «Камил-ут-тә' бир», лист 267 б.

²¹ ДТС, стр. 296.

²² Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978, стр. 172—173. Ср. также следующее утверждение автора: «М. Ряснен рассматривает тюрк. *bōz*, *boz* и т. д. как гомогенные с монг. *boḡa*, *boḡu*... для чего ...имеются существенные основания» (стр. 173).

²³ ДТС, стр. 474—475. Первое значение слова *qutur* взято нами из гератского списка «Кутадгу билиг». Источниками слова *qutuz* послужили словарь Махмуда Кашгари, а также каирский и намаганский списки «Кутадгу билиг». Что же касается второго значения слова *qutur*, то оно восходит к уйгурским письменным памятникам.

²⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 222.

²⁵ «Русско-тувинский словарь». М., 1953, стр. 221.

В ряде русско-тюркских словарей при толковании слова «колено» используется и слово *дирсэк*. Например: «Колено 1. *diz*; 2. (реки, трубы и т. п.) *dirsek(gi)*»²⁶; колено 1. *дыз...* 3. (изгиб) *тирсэк*, ...колена реки *деряның тирсеклери...*²⁷. Значит *diz* и *дирсэк* восходят к одному и тому же форманту *dir*.

Исторические языковые данные свидетельствуют о том, что корень глагола *көстәрмәк* 'показывать' в азербайджанском, турецком и других тюркских языках изменялся в следующей последовательности: *көр->көз->көс-*; ср. в ДТС: *kərgit* 'показывать', *körgitmäk* 'показ', 'показывание' («Altun jaruk»), *körgür* 'показывать', *körgüt* 'показывать'²⁸; *mep seňä başlap jolnı kör gürgümep* 'я поведу тебя и буду показывать тебе дорогу' («Легенда об Огуз хагане», 255)²⁹; *ol aňar nep körtürdi* 'он показал ему нечто' (МК, II, 194)³⁰.

Эта же закономерность наблюдается и в других глаголах, например: *ol atyp turğurdu* 'он заставил встать своего коня' (МК, II, 231). В современном азербайджанском языке эта фраза звучит: *О, атын дурғузду*.

Закономерность *г→з* часто наблюдается в аффиксе *-дыр* и его вариантах: *галдыр-//галхыз-*, *јатыр-//јатыздыр-*, *кәтирт-//кәтиздир-*, *дојур-//дојуздыр-* и т. д. В «Книге моего деда Коркута» имеется такая фраза: *Бејрәк гарнын дојурдугдан сонра газанлары тәнди, төкдү, чевирди* («Китаби-Дәдә Горгуд», Баку, 1962, стр. 62) 'Бейрак после того как наелся, сбил, сбросил, опрокинул котлы'.

В современном азербайджанском языке вместо *дојурдугдан сонра* употребляется *дојуздырдугдан сонра*. Здесь налицо звукопереход *г→з*.

В связи с *көр-~көз-* рассмотрим и другие примеры. Анализ слова *күзкү* 'зеркало' показывает, что здесь корень не именной, а глагольный. Во-первых, аффиксы *-кү*, *-гү*, *-кү* в словах *күзкү* (азерб., тур.), *күзгү* (кирг.), *күскү* (алт.) образуют имена существительные от глаголов, ср.: азерб. *бөлкү* 'распределение', *дүјгү* 'чаяния', *сечки* 'выбор', *севки* 'любавь', *битки* 'растительность' и т. д. Все эти корни являются глагольными, следовательно, корень производного слова *күзкү* тоже глагольный. Во-вторых, в ряде тюркских языков слова со значением «зеркало» до сих пор сохраняют глагольный корень *көр-*: *көрүнчүк* (тув.), *көрүндес* (хак.) и др.³¹ Шорские формы *күзген* и *күзеген*³², будучи субстантивированными причастиями, лишней раз показывают глагольный характер корня *күз-*.

2. Прослеживание фонетических процессов, происходящих в современных тюркских языках, позволяет убедиться в актуальности звукоперехода *г→з*. Достаточно в данной связи сослаться на соображения, высказанные Н. К. Дмитриевым, М. Ш. Ширалиевым, Р. Рустамовым, Дж. Амансарьевым о соотношении *г→з* в азербайджанском, туркменском и других тюркских языках. Так, Н. К. Дмитриев отмечал, что явление *г→з* наблюдается не только в отдельных словах, но и в целой их категории. Касаясь форм так называемого «будущего первого» времени в туркменском языке, он писал: «Как видно из примеров, замена этимологического *г* звуком *з* здесь проявляется только в третьем лице: толчок, по-видимому, дало 3-е л. ед. ч., где *г*, находясь в абсолютном исходе, перешло в *з*, т. е. *алмар>алмаз* и *гелмер>гелмез*; отсюда через при-

²⁶ Е. М. Мустафаев, В. Г. Щербинин. Русско-турецкий словарь. М., 1972, стр. 330.

²⁷ «Русско-туркменский словарь». М., 1956, стр. 256.

²⁸ ДТС, стр. 317.

²⁹ Там же. Ср. также: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 46.

³⁰ ДТС, стр. 318.

³¹ См.: И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Указ. раб., стр. 226.

³² Там же, стр. 77 и 226.

бавление обычного аффикса множественности возникло 3-е л. мн. ч. алмаз-лар, гелмез-лер»³³.

М. Ш. Ширалиев указывает, что в восточной, северной и частично в южной группах диалектов и говоров азербайджанского языка отрицательные формы будущего времени 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа образуются при помощи аффиксов *-mar*, *-mār* (лит. *-maz*, *-māz*): *jazmarsan* 'не напишешь', *jazmarsuz* 'не напишете', *jazmar* 'не напишет' и т. д.³⁴ В другой своей книге М. Ш. Ширалиев пишет: «Употребление аффиксов *-mar*, *-mār* во 2-м и 3-м лице составляет одну из основных особенностей туркменского языка...: газмарсан, газмарсыныз (лит. яз.), алмар, гелмер (Амансарыев, 12)»³⁵.

Р. Рустамов, перу которого принадлежит специальное исследование, посвященное глаголу в диалектах и говорах азербайджанского языка, подробнее останавливается на рассматриваемых формах, употребительных в азербайджанском и туркменском языках и их диалектах. Суммируя свои наблюдения, он пришел к заключению, что употребление элемента *r* в большинстве азербайджанских диалектов и говоров (в отличие от современного азербайджанского литературного языка) во 2-м, а иногда и в 3-м лице глаголов единственного и множественного числа отрицательного аспекта будущего неопределенного времени лишний раз подтверждает тот факт, что проблема соотношения $r \sim z$ продолжает оставаться спорной³⁶.

Таким образом, в парадигме спряжения глагола в азербайджанском и туркменском языках происходят историческое и ареальное чередования, связанные с переходом *r* в *z*.

3. Слова, заимствованные из тюркских языков инносистемными языками в древности, тоже могут пролить дополнительный свет на решение проблемы соотношения $r \sim z$. Как известно, такие заимствования обычно сохраняются в чужом языке как бы законсервированными в своем первоначальном звуковом облике. Приведем тюркские заимствования с *r* в венгерском языке из исследования Г. Хазаи: *tenger* (*deniz*), *gyüğü* (*yüzük*), *borju* (*buzagi*), *ig* (*yazmak*), *kago* (*kaziš*)³⁷. Варианты, приведенные в скобках, представляют собой современные формы этих заимствованных турецких слов. Венгерский язык сохранил их первоначальный звуковой облик, то есть с *r*. Точно так же тюркские племенные названия *oçug*, *op oçug* в венгерском языке продолжают сохраняться с *r*. Если в древних источниках племенным названием являлось *op oçug*, то в последующих памятниках оно переоформилось в *op oçuz*.

4. Учитывая неравномерность развития языков, интересно было бы проследить соотношение употребления в них *r* или *z*.

Совершенно понятно, что медленно развивающийся язык сохраняет больше древних особенностей. Если в таком языке превалирует *r*, то можно считать, что он древнее. Неупотребительность же *r* в языке с более ускоренным развитием, при реликтовой сохранности его лишь в диалектах и говорах этого языка, указывает на то, что *r* относится к его историческому прошлому. В таком языке в настоящее время, естественно, будет преобладать *z*.

³³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 324.

³⁴ См.: М. Ш. Ширалиев. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983, стр. 124.

³⁵ М. Ширалиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1967, стр. 246—250.

³⁶ Р. Рустамов. Азербайжан дили диалект вэ шивэлэриндэ фе'л. Баку, 1965, стр. 248.

³⁷ См.: Г. Хазаи. Указ. раб., стр. 5.

В этой связи интересно вспомнить меткое замечание К. Маркса: «Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»³⁸. И в самом деле, ведь интра- и экстралингвистические факторы, способствующие развитию языка, далеко не адекватны для всех языков и всех народов. Язык, как известно, изменяется и развивается в тесной, неразрывной связи с изменением и развитием общества. Различные факторы обуславливают и различные темпы и характер развития языков. Тюркские языки в этом отношении не составляют исключения. Как отмечает Н. А. Баскаков: «В зависимости от исторических событий и длительности исторического процесса некоторые родственные языки сохраняют больше сходства с языком-предшественником, чем другие»³⁹.

С точки зрения теории алтайской общности чувашский и монгольский языки относятся к языкам, в которых больше сохранилось древнейших черт. К числу последних относится и наличие ротацизма. А это, помимо приведенного выше, еще раз подтверждает мнение о том, что в тюркских языках *r* древнее *z*.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 12, М., 1958, стр. 711.

³⁹ Н. А. Баскаков. Предисловие к кн.: М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 8.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Б. В. ЛУНИН

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ БОРОВКОВ

(К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Видный советский тюрколог Александр Константин Боровков родился 3 (16) марта 1904 года в Ташкенте в семье рабочего. С четырнадцати лет он начал свою трудовую жизнь в качестве рабочего-ученика каменноугольных шахт, на которых работал и его отец.

Установление в Средней Азии Советской власти открыло перед молодым рабочим путь к получению начального, среднего, а затем и высшего образования. В 1928 году он окончил восточный факультет Среднеазиатского государственного университета, где в то время преподавали известные ученые-востоковеды М. С. Андреев, Н. Г. Маллицкий, А. А. Семенов, А. Э. Шмидт и др.¹

В том же году вышли в свет его первые научные публикации «Игры узбекских детей» и «Дорвонз — бродячий цирк в Средней Азии», носившие историко-этнографический характер. Еще будучи студентом, А. К. Боровков сотрудничал в Среднеазиатском государственном музее и преподавал узбекский язык на сельскохозяйственном и медицинском факультетах университета.

После окончания Ташкентского университета А. К. Боровков был направлен в Ленинград, где по рекомендации академика Н. Я. Марра был зачислен в аспирантуру Института языка и мышления Академии наук СССР. Здесь он продолжил углубленное изучение тюркских языков и проблем общего языкознания под руководством В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, Н. Я. Марра, С. Е. Малова, Л. В. Щербы и др. Одновременно он преподавал в Восточном институте узбекский и уйгурский языки. В этом же институте А. К. Боровков вел также Узбекское отделение трехгодичных курсов редакторов-переводчиков трудов классиков марксизма-ленинизма на языки народов СССР². Некоторое время был

¹ См.: Б. В. Лунин. Восточный факультет (Краткий очерк истории востфака ТашГУ). Ташкент, 1981, стр. 9, 17.

² См.: А. Н. Кононов и И. И. Иорш. Ленинградский восточный институт. М., 1977, стр. 97—99.

также Председателем Синьцзянской кафедры общественно-политического факультета этого института³.

Свидетельством научной зрелости молодого ученого явилось зачисление его в 1932 году на должность старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Одновременно А. К. Боровков преподавал в вузах Ленинграда узбекский, уйгурский, казахский, киргизский, туркменский, карачаево-балкарский языки.

Диапазон научных интересов А. К. Боровкова уже в то время был необычайно широк и включал изыскания по различным проблемам и вопросам языковедения (процессы формирования литературных языков, образования и взаимовлияния двуязычия, принципы выделения частей речи в языках тюркской системы, соотношение агглютинации и флексии в тюркских языках, выявление истоков их лексикографических традиций и более широкие проблемы лексикологии, диалектологии, грамматики и фонетики языков тюркской группы).

Труды А. К. Боровкова в области прикладного языкознания (разработка алфавитов и орфографий, составление учебников и учебных пособий по нормативной грамматике, лексикологии, диалектологии узбекского, уйгурского, карачаево-балкарского и некоторых других языков) быстро и прочно вошли в практику педагогической и культурно-просветительной работы в ряде союзных и автономных республик Советского Востока. Известность приобрели, в частности, его очерки «Карачаево-балкарский язык» (1932), «Учебник уйгурского языка» (1935) и др.⁴

В 1935 году по совокупности научных трудов А. К. Боровкову была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации и присвоено звание доцента⁵.

В конце 1938 года А. К. Боровков был направлен в длительную командировку в Узбекистан для оказания помощи республиканским организациям в разработке и унификации нового узбекского алфавита и орфографии⁶ и подготовке кадров языковедов. В Ташкенте он работал (1939—1945) заместителем директора Института языка и литературы Узбекского филиала Академии наук СССР (с 1943 года — Академии наук УзССР), а также руководил (до 1945 года) кафедрой узбекского языка Ташкентского государственного педагогического института им. Низами и преподавал на филологическом факультете Среднеазиатского государственного университета.

В этот период А. К. Боровков развернул активную деятельность по усовершенствованию письменности тюркских народов СССР.

³ См.: А. Н. Кононов и И. И. Иорш. Указ. раб., стр. 81.

⁴ К проблемам карачаево-балкарского и уйгурского языков ученый возвращался и впоследствии (см. А. К. Боровков: «Об единой карачаево-балкарской орфографии», «Очерки карачаево-балкарской грамматики», а также литографированный выпуск уйгурско-русского словаря. — 1935).

⁵ В 1934—1938 годах по планам Среднеазиатского кабинета А. К. Боровков работал над такими темами, как «Восстание в 1862 г. в Хатане», «Описание рукописей Сльденбурга-Петровского», «Грамматика узбекского языка» (см.: А. Н. Кононов. Тюркология. — В кн.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972, стр. 417). В 1938 году А. К. Боровков осуществил перевод пространных извлечений из «Рияз-уд-довле» Мухаммада Риза Агехи, относящихся к истории царствования Алла-Кули-хана.

⁶ См. работы А. К. Боровкова: «О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского литературного языка» (1937), «Проект новой орфографии узбекского языка» (1938; совместно с А. Усмановым, Ф. Камаловым, Б. Азизовым), «Новый узбекский алфавит» (1940), «Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит на основе русской графики» (1940), «К проблемам узбекской орфографии и терминологии» (1953), «К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР» (1956) и др.

Знаторк многих современных тюркских языков, А. К. Боровков в то же время глубоко изучал старописьменные памятники. Он одним из первых стал исследовать, в частности, лексико-грамматические и языковые особенности некоторых староузбекских памятников. Объясняя свой постоянный интерес к последней проблеме, он указывал, что «период с XI по XV в. является наиболее сложным в истории тюркских языков Средней Азии из-за исторически обусловленного процесса распространения книжных языков и малой изученности памятников этой эпохи» и поэтому «ближайшие задачи исследования многочисленных еще недостаточно изученных вопросов истории древнетюркских языков заключаются, по-видимому, в освоении непосредственного языкового материала»⁷.

Особо следует отметить активное участие А. К. Боровкова в составлении (совместно с А. Г. Гуламовым, Э. Магруфовым, Т. Шермухамедовым и др.) школьных учебников по грамматике узбекского языка (Фонетика. Морфология. Синтаксис), вышедших в свет массовыми тиражами и многократно переиздававшихся на протяжении более двадцати лет.

Весом вклад А. К. Боровкова и в развитие учения об узбекском языке, его основах, путях формирования и периодизации⁸. Он доказывал и убедительно аргументировал положение о том, что основа узбекского литературного языка была заложена Алишером Навои. Закономерно претерпевая некоторые изменения на протяжении пяти веков, язык этот развивался, однако, в едином направлении как староузбекский язык, в дальнейшем же, в силу исторической преемственности, стал постепенно уступать место современному узбекскому литературному языку.

А. К. Боровков посвятил одну из своих работ процессу обогащения и изменения лексики узбекского литературного языка в годы первой русской революции 1905—1907 годов и в последующий период⁹. Этот труд оказал определенное влияние на дальнейшее изучение процесса обогащения узбекского и других языков Средней Азии за счет русских и интернациональных слов.

Составленный А. К. Боровковым в 1944 году «Вопросник для собирания материалов по узбекским говорам» послужил основой для лингво-географических изысканий по выявлению и классификации отдельных узбекских народных говоров, а также составления диалектологического атласа.

Как и ряд других сотрудников организованного в годы Отечественной войны в Ташкенте Тюркологического кабинета (А. М. Муинов, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая, несколько позднее — А. Н. Кононов, Д. И. Тихонов и др.), А. К. Боровков принимал деятельное участие в работе Института восточных рукописей, Института истории, языка и литературы Академии наук УзССР, что еще более укрепило его тесные постоянные связи с учеными Средней Азии. Под руководством Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова и других ленинградских ученых повышали свою квалификацию, готовились к защите кандидатских и докторских диссертаций многие языковеды республик Советского Востока.

В 1943 году А. К. Боровков был избран членом-корреспондентом вновь учрежденной Академии наук Узбекской ССР, а в 1945 году «за плодотворную работу по изучению истории и культуры Узбекистана»

⁷ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тюркского XII—XIII вв. М., 1963, стр. 3.

⁸ Подробнее об этом см.: Э. И. Фазылов, Л. Г. Чичулина. Русские тюркологи и узбекское языкознание. Ташкент, 1979, стр. 20—64.

⁹ А. К. Боровков. Узбекский литературный язык в период 1905—1907 гг. Учебное пособие для педагогических вузов. Ташкент, 1940.

ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР¹⁰.

По возвращении в 1945 году в Ленинград А. К. Боровков работал старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР, заведовал его Среднеазиатским кабинетом, а затем Тюркским сектором¹¹.

С 1957 года А. К. Боровков являлся старшим научным сотрудником Сектора алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, а в 1959—1962 годах заместителем директора этого отделения. В 1958 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Широкий отклик среди востоковедной общественности получил доклад А. К. Боровкова «За марксистско-ленинскую историю литературы народов Средней Азии и Кавказа», сделанный им в 1948 году в Московской группе Института востоковедения Академии наук СССР и в Ленинграде на ученом совете его Ленинградского отделения. Он призывал углубить и расширить изучение замечательного наследия мыслителей и поэтов Средней Азии и Кавказа в тесной связи с исследованием проблемы развития современных национальных культур. В то же время он подчеркивал необходимость осваивать это наследие критически, связывая его с конкретной исторической эпохой. Ставился им также вопрос о том, насколько правомерно относить к арабской, персидской и другим литературам произведения среднеазиатских и кавказских авторов лишь на том основании, что они свои сочинения писали на арабском, персидском и других языках, что служило помехой, в частности, изучению собственного литературного наследия тюрко- и ираноязычного населения Средней Азии, Кавказа и Закавказья. Дискуссия по докладу А. К. Боровкова вышла за рамки Института востоковедения. Велась она в МГУ и в других учебных заведениях и научных центрах страны. Участвовали в ней виднейшие востоковеды и представители литературной общественности. Результаты этой дискуссии были весьма плодотворны¹².

В 1946 году увидел свет подготовленный к печати под редакцией А. К. Боровкова еще в 1941 году и матрицированный в труднейших условиях блокады Ленинграда сборник статей «Алишер Навои». Активно участвовал ученый в составлении и редактировании узбекско-русских и русско-узбекских словарей. В 1942 году в Ташкенте вышел в свет под его редакцией краткий узбекско-русский словарь, включающий 30000 слов. В послевоенные годы (1950—1956) под редакцией А. К. Боровкова и М. Т. Айбека в Москве был издан пятитомный русско-узбекский словарь, включающий 72000 слов, а в 1959 году — узбекско-русский словарь из 40000 слов, включивший написанный ученым «Краткий очерк грамматики узбекского языка»¹³.

Много сил отдавал А. К. Боровков изучению творчества Навои. В работе «Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка» (1946) он, взяв за основу «Спор двух языков» и другие произведения поэта, проследил его борьбу за утверждение узбекского языка и литературы, придя к выводу, что основу языка Навои составил один из подвергшихся некоторому смешению говоров, родственный ферган-

¹⁰ Б. В. Лукин. Востоковедение в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. — «Общественные науки в Узбекистане», 1978, № 7, стр. 58—67.

¹¹ Д. Е. Бертельс. Введение. А. Н. Кононов. Тюркология. — В кн.: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972, стр. 60, 62, 65, 417, 423—425.

¹² Ср.: Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. 1917—1967. М., 1970, стр. 121—123.

¹³ Ср.: А. К. Боровков. Из опыта составления русско-национальных словарей. — В кн.: «Лексикографический сборник», вып. 1, М., 1957, стр. 135—159.

ским говорам узбекских племен, населявших при тимуридах Ферганскую долину, область Самарканда и территорию современного северного Андижана¹⁴.

К циклу работ А. К. Боровкова по лингвистическому изучению литературного наследия Алишера Навои примыкают и такие, как «К вопросам фонетического анализа стихов Навои» (1959), «Произношение в стихах Навои» (1960) и др.

Заслуженное признание получили работы А. К. Боровкова в области поэтики и фольклора. Таковы его статьи «Навои и Джами в народном предании» (1947), «Материалы для истории узбекской литературы XVI—XIX вв.» (1947), «О народности киргизского эпоса „Манас“» (1952), «Вопросы изучения тюркоязычного эпоса народов Средней Азии и Казахстана» (1958), «Героическая поэма об Алпамыше» (1959) и др.

По редчайшей рукописи из собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ученый составил аналитически аргументированный и снабженный фототипическим воспроизведением текста словарь к сочинениям Алишера Навои Тали Имани Гератского «Бадān' ал-лугат» (1961)¹⁵. В этой работе он, в частности, рассмотрел сходство и различия указанного словаря и изданного в 1868 году В. В. Вельяминовым-Зерновым критического текста анонимного словаря «Абушка» («Словарь Навои и свидетельство чагатайского языка») и установил, что словарь Тали Имани (считавшийся некоторыми исследователями навсегда утраченным) был известен таким составителям словарей, как Мехдихан («Мабани ал-лугат») и Фатхалихан Каджарский («Китаби лугати атракийя»).

Эта и другие работы А. К. Боровкова в области истории узбекского языка послужили источником для составления капитального словаря староузбекского языка¹⁶.

Имя А. К. Боровкова неотделимо и от истории изучения узбекской диалектологии. Вслед за И. И. Зарубиным, Е. Д. Поливановым, А. Н. Самойловичем, К. К. Юдахиным и другими исследователями, его особенно интересовала проблема классификации узбекских говоров с учетом данных исторической диалектологии и сложившегося взаимоотношения между узбекскими диалектами и говорами. В 1953 году увидела свет работа «Вопросы классификации узбекских говоров». Его классификация включала четыре разновидности диалектов и говоров: среднеузбекский диалект с двумя группами говоров, шейбанидо-узбекский или «джекающий» диалект, южнохорезмский и, наконец, изолированные говоры различного происхождения, не входящие в систему трех предшествующих. Деятельное участие принимал он и в подготовке атласа узбекских народных говоров.

¹⁴ См.: Б. В. Лунин. Вклад русских ученых в изучение жизни и творчества Алишера Навои. — «Общественные науки в Узбекистане». 1968, № 4, стр. 33—35.

¹⁵ В последующем рецензентами этой работы были предложены уточненные варианты перевода и транскрибирования некоторых слов из словаря Тали Имани (см. рецензию А. Рустамова и Э. Фазылова на книгу А. К. Боровкова в Научных трудах Ташкентского госуниверситета им. В. И. Ленина, вып. 229, Востоковедение, Ташкент, 1964, стр. 215—219).

¹⁶ Уже после кончины ученого вышла в свет его монография «Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв.» (М., 1963, 367 с.); А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка: I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви. — «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 229—250; II. Опыт грамматической характеристики среднеазиатского тefsира XIV—XV вв. — Там же, VI, 1949, стр. 24—51; III. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. — «Ученые записки ИВ АН СССР», XVI, М.—Л., 1958, стр. 138—219; его же. Из материалов для истории узбекского языка. — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 73—79; его же. Материалы для истории узбекской литературы XVI—XIX вв. — В кн.: «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 59—63, 93—96, 178—180, 330—334.

Большой интерес вызвала работа А. К. Боровкова о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков¹⁷.

К заслугам А. К. Боровкова следует отнести его инициативу продолжить начатую В. В. Радловым и С. Е. Маловым работу по составлению капитального «Древнетюркского словаря» — наиболее полного свода словарного материала тюркоязычных памятников VII—XIII вв. После смерти А. К. Боровкова работа над словарем была продолжена коллективом ученых. Труд этот, изданный в 1969 году, занял почетное место в отечественной тюркологии.

В историографическом плане примечательны такие работы А. К. Боровкова, как «Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI—XIX вв.» (1938), «Изучение жизни и творчества Алишера Навои» (1940), «Узбекское языковедение» (1942), «Востоковедение в СССР за 30 лет» (1947), «Несколько предварительных замечаний об „Очерках по истории Средней Азии“ П. П. Иванова» (1958), «Изучение тюркских языков в СССР» (1961) и др.

В последние годы жизни А. К. Боровков уделял внимание прочтению и интерпретации енисейско-орхонских памятников. Он предложил свои варианты прочтения текстов рунических надписей на группе серебряных и золотых сосудов¹⁸.

Велики заслуги А. К. Боровкова в деле подготовки кадров языковедов и литературоведов. Ученый-коммунист, он был награжден орденами Ленина, «Знак Почета» и медалями СССР.

Скончался Александр Константинович Боровков 15 ноября 1962 года в Ленинграде, не успев, в частности, завершить свое капитальное исследование по истории узбекского литературного языка¹⁹.

Научно-литературное наследие А. К. Боровкова продолжает служить дальнейшему развитию советской тюркологии, которой он посвятил всю свою жизнь.

¹⁷ А. К. Боровков. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. IV, 1952, стр. 155—200.

¹⁸ А. К. Боровков. Енисейские надписи на сосудах. — В кн.: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 190—196.

¹⁹ См.: «Труды Александра Константиновича Боровкова». — В кн.: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 194—198; «Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана». I. Ташкент. 1976, стр. 126—127.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. М. МАХМУДОВ

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ В АВТОКАУЗАТИВНОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Структуре любого каузативного простого предложения всегда свойственна семантико-синтаксическая асимметрия. Разумеется, эта асимметрия появляется в результате неэлементарности, то есть сложности каузативной ситуации, выраженной в каузативном простом предложении.

Известно, что каузативная ситуация может выражаться не только в каузативном простом предложении, но и в простых предложениях, сказуемое которых представлено некаузативным глаголом¹. Если так, то существующая семантико-синтаксическая асимметрия в структуре всех каузативных простых предложений должна наблюдаться и в структуре других простых предложений, денотатом которых является данная каузативная ситуация.

Если одна каузативная ситуация может выражаться как в каузативном, так и некаузативном простых предложениях, то несомненно существование определенных системных семантических связей между этими двумя типами предложений, формально различающихся друг от друга. Выявление специфики этой системной семантической связи дает возможность определить характер семантико-синтаксической асимметрии, появляющейся в структуре некаузативных простых предложений, соответствующих каузативным простым предложениям.

Целесообразно при этом обратить внимание на явление конвертируемости, то есть перестановки членов предложения².

Как показывает Т. П. Ломтев, любое предложение является системой с отношениями, обладающими определенным направлением. А изменение направления отношения между предикатными предметами приводит к появлению коррелятивных пар предложений, имеющих один и тот же денотат, но различающихся по структуре. Эти пары предложений рассматриваются в качестве предложений, находящихся между собой в

¹ См.: А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., 1973, стр. 113; Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974, стр. 277.

² Многие исследователи останавливались на этом вопросе. См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 310; Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, стр. 112—136; *его же*. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка. — В кн.: «Энгельс и языкознание». М., 1972, стр. 73—80; *его же*. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979, стр. 147—151; О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, стр. 125—128; М. А. Абдуразаков. Грамматическая структура простого предложения. Ташкент, 1978, стр. 106; Н. М. Лариохина. О конвертировании предложений с устойчивыми глагольно-именными словосочетаниями. — В сб.: «Вопросы русского языкознания», вып. 2, М., 1979, стр. 83.

конверсном отношении. Сущность явления конвертируемости заключается именно в этом³.

Конвертируемость в разных предложениях проявляется по-разному. Конверсия каузативных простых предложений также проявляется своеобразно. Т. П. Ломтев приводит такой пример: «Ветер колышет листья дерева» — каузативное предложение, конверсией которого формируется предложение: «Листья дерева колышутся от ветра»⁴. При этом, как видно, изменено направление отношения между двумя предикатными предметами, выраженными словами «ветер» и «листья»; в первом предложении прямое направление, а во втором — обратное. Объясняется это перестановкой двух членов предложения, выраженных названными словами.

Подобное явление можно наблюдать и в узбекском языке; например, каузативное простое предложение *Кучли қаҳ-қаҳа ётоқхонани зириллатиб юборди* (А. Мухтор) 'Сильный хохот сотрясал общежитие' можно конвертировать в виде *Ётоқхона кучли қаҳ-қаҳадан зириллаб кетди* 'Общежитие сотрясилось от сильного хохота'. Как видно, направление отношения предикатных предметов в первом предложении противоположно направлению отношения предикатных предметов во втором предложении. Это явилось результатом замены каузативного глагола некаузативным и перестановки членов предложения, выражающих предикатные предметы, то есть *зириллатиб юборди* ↔ *зириллаб кетди* и соответственно *қаҳ-қаҳа* ↔ *ётоқхона*. Основным моментом при конверсии каузативного простого предложения является замена субъекта объектом, то есть *S* ↔ *O*: *Кучли қаҳ-қаҳа ётоқхонани зириллатиб юборди* ↔ *Ётоқхона кучли қаҳ-қаҳадан зириллаб кетди*.

Т. П. Ломтев предложения аналогичные *Ётоқхона кучли қаҳ-қаҳадан зириллаб кетди* называет «конвертированными формами каузативных предложений»⁵. А Г. А. Золотова такие типы предложений именует «автокаузативными предложениями»⁶. Нам последний термин представляется более удобным и подходящим, как более лаконичный, полнее отражающий сущность данных типов предложений, их формальную оппозицию, составляющую с соответствующими каузативными предложениями: каузативные простые предложения ↔ автокаузативные простые предложения.

В автокаузативных простых предложениях выражение каузируемого предмета (пациенса) занимает место выражения субъекта-каузатора (агенса), то есть выражение пациенса переходит из синтаксической позиции дополнения в позицию подлежащего. А субъект-каузатор находит выражение в синтаксической позиции обстоятельства причины. В подобных случаях эту синтаксическую позицию в узбекском языке обычно занимают словоформы в исходном падеже, а иногда слова с послелогами *туфайли* 'из-за', *сабабли* 'по причине'. Такие словоформы, находящиеся в синтаксической позиции обстоятельства причины, Т. П. Ломтев называет «каузативными формами»⁷. В вышеприведенном автокауза-

³ Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории, стр. 112.

⁴ См.: Т. П. Ломтев. Структура предложения в современном русском языке, стр. 148. О конверсном отношении каузативных и некаузативных глаголов см. еще: Л. М. Васильев. Семантика русского глагола. М., 1981, стр. 48, 51.

⁵ Т. П. Ломтев. Структура предложения в современном русском языке, стр. 151.

⁶ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 287. Об этом термине еще см.: «Залоговые конструкции в разнотипных языках». Л., 1981, стр. 173; И. В. Долинина. Структура предложения с рефлексивными конструкциями. — В кн.: «Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках». Л., 1981, стр. 38.

⁷ См.: Т. П. Ломтев. Структура предложения в современном русском языке, стр. 148.

тивном предложении *Ётоқхона кучли қах-қаҳадан зириллаб кетди* словоформа *ках-қаҳадан* является каузативной формой. В формальном отношении именно эта каузативная форма указывает на каузативность ситуации, выраженной в данном предложении. И в семантическом отношении важность выраженного этой каузативной формой каузального предмета для каузативной ситуации является очевидной аксиомой, потому, что этот предмет в данной ситуации всегда выступает как каузатор, без которого невозможно даже представить каузативную ситуацию.

Оба предложения коррелятивной пары «каузативное простое предложение—автокаузативное простое предложение» выражают одну и ту же каузативную ситуацию. Однако эти предложения отличаются друг от друга в формальном отношении, то есть в плане выражения. Иными словами, в этих предложениях реализованы отличающиеся друг от друга синтаксические модели. Каузативные простые предложения — переходные конструкции, то есть активная модель (модель актива), а автокаузативные простые предложения — непереходные конструкции, то есть пассивная модель (модель пассива). Следовательно, конверсия предложений связана с выбором модели предложения, наиболее соответствующей цели коммуникативного акта⁸. Наличие в языке возможности конверсии предложений, то есть передачи одной и той же информации при помощи разных моделей предложения «делает семантическую систему более богатой, а различительные средства предложения более выразительными»⁹.

Таким образом, каузативные и автокаузативные простые предложения, отличаясь друг от друга по синтаксической структуре, в семантическом отношении равнозначны. Однако эта семантическая равнозначность должна быть несколько конкретизирована. Говоря о семантической равнозначности каузативных и автокаузативных простых предложений, мы имеем в виду денотаты этих предложений, то есть каузативную ситуацию. Денотаты обоих типов предложений всегда тождественны. Ср.: *Кучли қах-қаҳа ётоқхонани зириллатиб юборди* и *Ётоқхона кучли қах-қаҳадан зириллаб кетди*. В обоих предложениях выражена одна и та же каузативная ситуация¹⁰. Но эти каузативное и автокаузативное предложения различны по структуре смыслов, то есть в них различны направления отношений предикатных предметов. Во втором предложении изменена «эмпатия» говорящего¹¹. По образному выражению Ю. С. Степанова, в этом случае «говорящие, один или несколько — в диалоге, как бы описывают один и тот же предмет с разных точек зрения»¹². С точки зрения актуального членения предложения при этом прослеживается изменение темы (выдвижение на роль подлежащего в предложении то одного, то другого аргумента предиката), то есть проявление топикализации (тематизации)¹³. Значит, в каузативном и авто-

⁸ См.: В. Н. Ярцева. Количественные и качественные изменения в языке. — В сб.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 78; М. А. Абдуразаков. Указ. раб., стр. 108.

⁹ См.: Т. П. Ломтев. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка, стр. 75.

¹⁰ Несколько иную трактовку подобного положения см.: Н. З. Котелова. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975, стр. 106.

¹¹ См.: Ю. С. Степанов. В поисках прагматики. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1981, т. 40, № 4, стр. 330.

¹² Ю. С. Степанов. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981, стр. 201.

¹³ О. И. Москальская. Указ. раб., стр. 126.

каузативном простых предложениях постоянно наблюдается тождественность их денотатов и наличие определенного инвариантного смысла, но этот смысл в разных типах предложений проявляется в различных вариантах¹⁴.

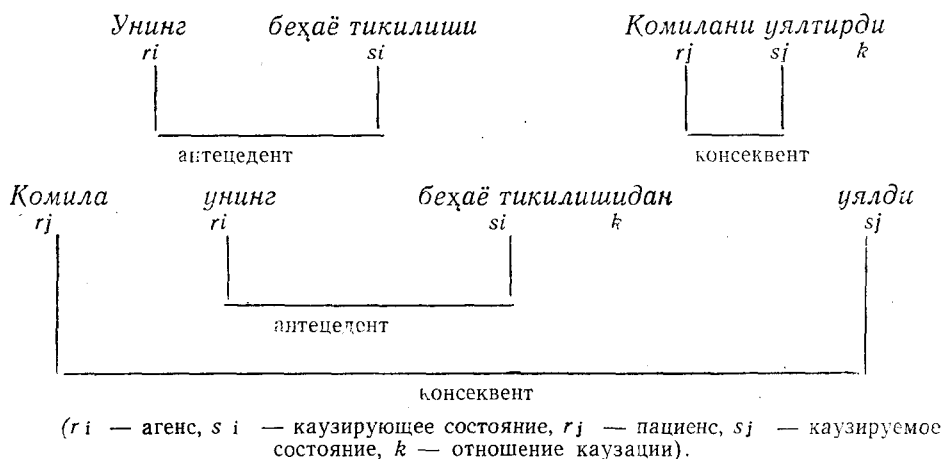
Следует отметить, что когда каузативное простое предложение конвертируется и формируются автокаузативные предложения, в последних тождественность денотатов вполне сохраняется, а структура смысла — сигнификат¹⁵ подвергается изменению, то есть изменяется не сама информация, передаваемая предложением, а только характер этой информации. Естественно, изменение структуры смысла не означает расширение или сужение его объема, иными словами, подобное изменение не приводит к увеличению или уменьшению общего объема смысла. Как было уже сказано, при конверсии изменяется точка зрения в описании, выражении информации, то есть лишь подчеркивается, выделяется тот или иной момент информации. Следовательно, в автокаузативном предложении информация сохраняется точно в таком объеме, в каком она была в каузативном предложении. А как выражается, описывается эта информация — относится, разумеется, к стилистическому плану. Здесь важно то, что в обоих типах предложений информация сохраняется в объемном отношении без изменения. В соответствии со структурой казуативной макроситуации, семантический субстрат каузативных простых предложений состоит по меньшей мере из двух пропозиций — каузирующей и каузируемой. Вышеописанные положения позволяют подчеркнуть, что эти семантические пропозиции сохраняются и в автокаузативных простых предложениях. Отсюда логически следует, что семантико-синтаксическая асимметрия, появляющаяся в структуре каузативных простых предложений, свойственна и структуре автокаузативных предложений.

Прежде чем перейти к рассмотрению семантико-синтаксической асимметрии в структуре автокаузативных простых предложений, необходимо различить типы данных предложений. Автокаузативные простые предложения бывают в основном двух типов: 1) сформированные в результате конверсии простых предложений с морфологическим каузативом и 2) сформированные в результате конверсии простых предложений с аналитико-синтетическим каузативом. Из предложений с собственно аналитическим каузативом (*буюрмоқ, ундамоқ, мажбурламоқ* и т. п.) автокаузативные простые предложения образовываться не могут, так как в этих каузативах элемент каузации проявляется не в отдельном формальном показателе и эти каузативы лексически выражают или элемент (константу) каузации, или же вместе с ним и каузирующее состояние. Вследствие этого в формальной (и, разумеется, семантической) структуре таких каузативов невозможно опустить выражение элемента каузации или заменить его некаузативным показателем. В морфологических же и аналитико-синтетических каузативах существует возможность удаления выражения элемента каузации или замены его некаузативным показателем, ибо в них этот элемент представлен отдельной морфемой или словом. Ср.: *юр+гизмоқ — юрмоқ, маст қилмоқ — маст бйлмақ, ҳаяжонга солмоқ — ҳаяжонга тушмоқ*. Именно этот момент важен для формирования автокаузативного простого предложения при конверсии каузативного предложения.

¹⁴ См.: И. П. Распопов. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения. — «Вопросы языкознания», 1981, № 4, стр. 28.

¹⁵ О такой трактовке сигнификата см.: Ю. С. Степанов. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика), стр. 219.

В автокаузативных предложениях, сформированных в результате конвертирования простых предложений с морфологическим каузативом, подобно каузативным простым предложениям, все элементы (константы) каузативной ситуации полностью могут выражаться эксплицитно. Так, автокаузативное простое предложение *Комила унинг беҳаё тикилишидан уялди* (А. Ибодинов) 'Камиля стеснялась его бесстыдного взгляда' является конверсией каузативного предложения *Унинг беҳаё тикилиши Комилани уялтирди* букв. 'Его бесстыдный взгляд заставил Камилю застесняться'. В данном каузативном предложении словоформа *унинг* выражает агенс, словосочетание *беҳаё тикилиши* — каузирующее состояние, словоформа *Комилани* — пациент, морфологический каузатив *уялтирди* — каузируемое состояние и элемент каузации. Все эти элементы каузативной ситуации наличествуют в данном автокаузативном предложении и выражены эксплицитно. Если в каузативном предложении пациент выступает, как правило, в синтаксической позиции дополнения, то в автокаузативных предложениях он всегда выражается в синтаксической позиции подлежащего. Примечательно и то, что если в каузативных простых предложениях, в полном соответствии со структурой каузативной ситуации, сперва идет обозначение антецедента — каузирующей пропозиции, а после него — обозначение консеквента — каузируемой пропозиции (то есть обозначение антецедента занимает препозицию, а обозначение консеквента — постпозицию), то в автокаузативных простых предложениях обозначение антецедента включено в обозначение консеквента, иными словами, обозначение консеквента — каузируемой пропозиции, составляет конструктивное ядро — грамматическую основу предложения. Ср. (в нейтральном порядке слов):

Таким образом и в автокаузативном предложении выражаются две пропозиции, а синтаксическая структура остается простой. Благодаря этому в его структуре появляется семантико-синтаксическая асимметрия, которая в общем не отличается от аналогичной асимметрии, появляющейся в соответствующем каузативном простом предложении.

Во многих случаях в автокаузативных предложениях, как и в каузативных, антецедент может быть выражен сокращенно. Иными словами, антецедент в таком случае будет состоять лишь из агенса, то есть субъекта-каузатора. Например, в автокаузативном предложении *Мен ўшанақанги муҳаббатдан бир куйганман* (А. Мухтор) 'Я однажды страдал от подобной любви' антецедент выражен сокращенно, то есть только каузативной формой *муҳаббатдан*, которая представляет собой каузатор каузативной ситуации. Каузирующее же состояние в данном

предложении выражено имплицитно. Такое сокращенное обозначение антецедента — каузирующей пропозиции, естественно, еще более усилило семантико-синтаксическую асимметрию в структуре данного автокаузативного предложения.

Соответствующие каузативные предложения, являющиеся коррелятивной парой автокаузативных предложений, не всегда существуют в языке. Следует отметить, что взаимообратимость членов предложения, или конверсия предложений, с теоретической точки зрения вполне возможная, в качестве нормы языка принимается не всегда, но это не подтверждает ее принципиальной невозможности¹⁶. Так, в автокаузативном предложении *Мен ҳаяжондан ўрнимдан туrolмай қолдим* (У. Умарбеков) 'Я из-за волнения не смог встать с места' выражено обратное отношение предикатных предметов. Соответствующее каузативное простое предложение с выражением прямого отношения в узбекском языке не употребляется. Но теоретически такое предложение построить можно: *Ҳаяжон мени ўрнимдан турғизмай қўйди* 'Волнение заставило меня не встать с места', вместе тем это уже нарушение норм узбекского языка. Объяснение этому следует видеть в том, что механизм взаимоотношений компонентов семантической структуры подобных предложений чужд носителю узбекского языка. Однако неупотребляемость в языке соответствующих коррелятивных пар (каузативных предложений) автокаузативных предложений вовсе не исключает выражения в данных автокаузативных предложениях каузативной ситуации. Следовательно, в подобных, как и в других, автокаузативных простых предложениях появляется семантико-синтаксическая асимметрия.

В автокаузативных простых предложениях каузальным предметом, выраженным каузативной формой, как видно и из приведенных примеров, почти всегда является не-лицо.

Обратимся к следующему примеру: *Мен ундан қўрқардим* (М. Махмудов) 'Я боялся его'. Это предложение формально похоже на автокаузативное, но в действительности оно таковым не является и выраженная в нем ситуация — некаузативная. Это предложение не было образовано в результате конвертирования каузативного предложения *У мени қўрқитарди* 'Он пугал меня', ибо смысл данного некаузативного предложения состоит в том, что «я» боится «его», вне зависимости от воздействия последнего. Предмет, выраженный формой *ундан*, не является каузальным предметом. Еще ср.: *Мен доктордан қўрқаман* (из детской речи) 'Я боюсь доктора' — *Доктор мени қўрқитади* 'Доктор пугает меня'. Словом, можно сказать, что если предмет, выраженный каузативной словоформой, является лицом, то он почти во всех случаях не может стать каузальным и, следовательно, простое предложение, в составе которого присутствует такая словоформа, хотя формально и похоже на автокаузативное, однако выраженная в нем ситуация обычно не бывает каузативной. Поэтому такие предложения рассматриваются не как автокаузативные, а как обычные простые предложения. Естественно, в них изоморфизм семантической и синтаксической структур сохраняется полностью, то есть в них семантико-синтаксическая асимметрия не прослеживается.

В автокаузативных предложениях, сформированных в результате конвертирования простых предложений с аналитико-синтетическим каузативом типа *ҳаяжонга солмоқ* ($\leftrightarrow$ *ҳаяжонга тушмоқ*), каузальным предметом, выраженным каузативной формой, также всегда является не-лицо, вернее, в качестве каузативной формы обычно выступают слова

¹⁶ См.: Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории, стр. 112; *его же*. Структура предложения в современном русском языке, стр. 149.

с пропозитивным значением или же вообще пропозитивные обозначения. А пациенс, выражающийся в синтаксической позиции подлежащего, всегда выступает только как лицо. Это объясняется семантикой глаголов типа *хаяжонга тушмоқ*, которые в данных автокаузативных предложениях находятся в синтаксической позиции сказуемого; например, предложение *Бу саволдан Камола хаяжонга тушди* (Н. Фозилов) 'От этого вопроса заволновалась Камола' является конверсией каузативного предложения *Бу савол Камолани хаяжонга солди* 'Этот вопрос взволновал Камолу'. В данном автокаузативном предложении каузальный предмет, выраженный каузативной формой *бу саволдан*, как видно, не является лицом, а пациенс, выраженный словом *Камола* в синтаксической позиции подлежащего, им является. В этом типе автокаузативных предложений данное положение отмечается постоянно. Разумеется, ситуация, выраженная этим автокаузативным предложением, является каузативной и, следовательно, в его структуре существует семантико-синтаксическая асимметрия.

В автокаузативных же предложениях, образованных в результате конвертирования простых предложений с аналитико-синтетическим каузативом типа *хурсанд қилмоқ* ($\leftrightarrow$ *хурсанд бўлмоқ*), возможно представление каузального предмета как лицом, так и не-лицом. Иногда так же представляется и пациенс, обозначающийся в синтаксической позиции подлежащего.

В тех типах автокаузативных предложений, в которых каузальным предметом выступает лицо, — обязательно представление лицом и пациенса. Например, автокаузативное предложение *Алиев ўша куни пионерлардан жуда хурсанд бўлди* («Ленин учқуни») 'В тот день Алиев очень радовался пионерам' (букв. 'от пионеров') является конверсией каузативного предложения *Пионерлар ўша куни Алиевни жуда хурсанд қилди* 'В тот день пионеры очень радовали Алиева'. В данном автокаузативном предложении как каузальный предмет (*пионерлардан*), так и пациенс (*Алиев*) представлены лицом. Важную роль при этом играет семантика глаголов типа *хурсанд бўлмоқ*, находящихся в синтаксической позиции сказуемого данных автокаузативных предложений. Не все глаголы подобного типа могут сформировать автокаузативные предложения, обладающие отмеченной семантикой. Так, например, предложение *Йигит ёридан жудо бўлди* 'Парень разлучился с возлюбленной' формально похоже на автокаузативное. Но словоформа *ёридан* в нем не является каузативной формой, то есть предмет, выраженный этой словоформой, не может быть каузальным. Конверсия данного предложения не приводит к каузативному предложению в виде *Ери йигитни (кимдан? нимадан?) жудо қилди* 'Возлюбленная разлучила (с кем?) парня', то есть *Йигит еридан жудо бўлди* — *Ери йигитни жудо қилди*. В данном предложении нет каузального предмета. А словоформа *ёридан* является реализатором сильной синтаксической валентности глагола *жудо бўлмоқ* (*жудо қилмоқ*). Следовательно, данное предложение не выражает каузативную ситуацию, то есть не является автокаузативным. Значит, в структуре подобных предложений не появляется семантико-синтаксическая асимметрия.

В данном типе автокаузативных предложений, если каузальным предметом выступает не-лицо, то пациенс может представляться как лицом, так и не-лицом: а) пациенс представлен лицом: *Бу учрашувдан Қодиров жуда хурсанд бўлди* (А. Қаҳҳор) 'Этой встрече Кадыров очень обрадовался'; *Сувсизликдан маҳв бўлмоқда сипоҳ бирма-бир* (А. Қосимов) 'Из-за отсутствия воды один за другим умирают воины'; б) пациенс представлен не-лицом: *Йиғидан бўлармиш кўзлар тим қаро* (А. Орипов) 'От слез, оказывается, глаза становятся черными'; *Ўсмадин*

қошлар қаро, қўллар хинодин лоларанг (Фурқат) 'От усмы (растение, употребляемое для окрашивания бровей) брови черны, руки от хны ярко-красны'. И в обоих случаях благодаря каузативности ситуации, выраженной в автокаузативных предложениях, в структуре предложений появляется семантико-синтаксическая асимметрия.

Важно отметить и то, что в автокаузативных предложениях, в отличие от каузативных предложений, представление субъекта-каузатора (каузального предмета) лицом или не-лицом абсолютно не влияет на характер каузативного действия, то есть отражаемой в предложении каузации. Иными словами, в автокаузативных предложениях соответственно сущности самой автокаузации всегда каузатор—каузальный предмет занимает пассивную позицию (непроизвольный тип каузации).

Итак, одна и та же каузативная ситуация может выражаться как в каузативном простом предложении, так и в предложении, представляющем собой конверсию этого каузативного предложения. Когда конвертируется каузативное предложение, изменяется направление отношения между компонентами каузативной ситуации что, естественно, отражается и в синтаксической структуре. Если это отношение в каузативном предложении выражается прямым направлением, то в конвертированном предложении — обратным. При этом пациент — предмет каузируемого состояния — переходит в «активную позицию» и выражается в синтаксической позиции подлежащего; агент — предмет каузирующего состояния, — то есть каузатор, превращаясь в каузальный предмет, переходит в «пассивную позицию» и выражается в синтаксической позиции обстоятельства причины (редко — косвенного дополнения), иными словами, агент и пациент между собой меняются местами. В таких случаях каузация происходит как бы сама собой, поэтому конвертированные формы каузативных предложений целесообразно именовать автокаузативными предложениями. Следует подчеркнуть, что простые предложения с собственно аналитическими каузативами не могут конвертироваться в виде автокаузативных предложений. В каузативных и автокаузативных простых предложениях (хотя каузативное отношение выражается в одном случае прямым, а в другом обратным направлениями) информация одинакова по объему и значению. Поэтому семантико-синтаксическая асимметрия, свойственная структуре каузативных простых предложений, самым естественным образом присутствует и в структуре автокаузативных предложений. В синтаксической структуре автокаузативных предложений особо важна каузативная форма, которая в узбекском языке в основном выступает в исходном падеже (иногда и с отдельными послелогом как *сабабли*, *туфайли*). В синтаксическом отношении обязательная структура автокаузативного предложения представляется в следующем виде: «Подлежащее+каузативная форма (в основном, обстоятельство причины)+сказуемое». Но не всякая словоформа, оформленная в исходном падеже, может стать каузативной. Она может стать таковой и, следовательно, тогда можно будет говорить об автокаузативном предложении, лишь в том случае, если эта форма выражает каузальный предмет. Семантически обязательная структура автокаузативного предложения предстанет в следующем виде: «Пациент+каузальный предмет (агент+каузирующее состояние)+каузируемое состояние». Только при наличии этой семантической структуры можно говорить об автокаузативном предложении и семантико-синтаксической асимметрии в нем.

Н. Э. ГАДЖИХМЕДОВ

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ГЛАГОЛА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматические формы кумыкского кондиционалиса не употребляются в независимой позиции, они функционируют только в составе сложного синтаксического целого, главным образом в составе гипотетического периода сложноподчиненного предложения, вступая в различные закономерные связи и отношения с глагольными формами индикатива, конъюнктива и императива. Узуальным в семантической сущности условного наклонения является выражение эвентуального действия, то есть действия, которое могло бы стимулировать какое-либо иное действие или событие. Однако в своем сопряженном употреблении с другими грамматическими формами глагола (а в некоторых тюркских языках и вне сопряжения) кондициональные формы выражают различные коннотативные значения¹.

В современном кумыкском языке предпосылка, обозначенная в условном периоде, может быть точечной (однократной) или континуативно-итеративной. Точечность передается морфосемами, образованными при помощи аффикса *-са*, вспомогательных глаголов *эди* и *буса*, а семантика континуативно-итеративного условия выражается сложными и сверхсложными формами, образованными при помощи вспомогательного глагола *тур*. В кумыкском языке место придаточной части сложноподчиненного предложения, в которой находят свое выражение формы кондиционалиса, не закреплено. Придаточная часть обычно занимает препозитивное положение: *Магъа бир зат болса, арт-артындан уьч керен атышарман* (И. Керимов) 'Если со мной что-нибудь случится, я выстрелю три раза подряд'; нередко случаи и ее постпозиции: *Бир де тамаша болмажакъ эдинг, сен ёлукъгъан бусанг шу балагъгъа* (И. Ибрагимов) 'Ты бы несколько не удивился, если б сам столкнулся с таким горем'; возможна и интерпозиция: *Бираз дагъы да къарайыкъ, эгер хабар болмаса, башгъа ёл ойлашма тюшежек* (А. Салаватов) 'Подождем еще немного, если других вестей не будет, придется искать иной выход'.

Порядок расположения частей гипотетического предложения связан с задачами актуального членения: постпозитивно располагается часть с функцией ремы. Поскольку сообщение о следствии обычно коммуникативно более значимо, нежели сообщение об условии, для условных пред-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 412—415; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 163—166; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 232 и сл.

ложений характерна, в первую очередь, постпозиция главной части². Интерпозитивная часть предложения носит вставочный характер: *Революционерлер, сен билме сие бусанг, овзгелерден де артыкъ сююп бажара* (М. Ягьяев). 'Революционеры, если ты хочешь знать, умеют любить больше других'. В одном и том же предложении могут быть два условных периода. Один период занимает препозицию, а другой — постпозицию: *Сен алгъа болмай бусанг, мен артгъа багъып гетемен, шу Динара болмаса* (И. Ибрагимов) 'Если ты не отодвинешься подальше, и если Динара не поддержит меня, то я опрокинусь'. Постпозитивный период носит вставочный характер.

Наиболее употребительной в системе кумыкского кондиционалиса является известная во многих тюркских языках морфосема *-са*. О семантической природе данной грамматической формы в тюркологии высказывались различные точки зрения. Одни ученые считают, что рассматриваемая форма передает временные и модальные оттенки значения³. Другая группа ученых считает, что форма *-са* в тюркских языках не выражает определенного грамматического времени⁴. Исследование конкретных фактов современного кумыкского языка говорит в пользу первой точки зрения.

Оформляя протазис, морфосема *-са* по своему временному значению оказывается во многом зависимой от глагольной формы аподозиса. В зависимости от того, в сопряжении с какой формой глагола употреблена морфосема *-са*, гипотетическое действие может быть ориентировано как к футуральной, так и к нонкальной и тонкальной плоскостям. Так, семантема «условие — следствие» может относиться к нонкальной плоскости, если аподозис предложения оформлен дезидеративом или дубитативом: *Уялсам да, айтайым сагъа* (И. Ибрагимов) 'Хотя я и стесняюсь, скажу тебе'. В данном предложении к сообщаемому относится *айтайым сагъа*, а к пресуппозиции *уялсам да*, поскольку условие представлено как существующий в данный момент факт (фактивный характер предложения). Значение условия в данном случае подавляется и на первый план выступает семантема каузальности, то есть возникает новая системобразующая семантическая связь — «причина — следствие».

В придаточных предложениях условного периода рассматриваемая глагольная форма выражает реальное условие — при постановке сказуемого аподозиса в форме прошедшего длительного времени. При этом синтаксема «условие — следствие» обращена в ретроспективную плоскость и осложнена оттенком континуативно-итеративного условия, при котором закономерно и регулярно совершалось другое действие как следствие⁵: *Ата-анасы не айтса, тынглавлу кюйде шону этип къоя эди* (И. Ибрагимов) 'Он послушно выполнял то, что говорили ему отец и мать'.

Морфосема *-са*, употребляясь в сопряжении с формой настоящего-будущего времени индикатива, выражает экстратемпоральное действие как свойство данного субъекта, а в сочетании с императивом — реальное условие, ориентированное в проспективную плоскость. Ср.: *Руслан сагъа не айтса, сен этип къоясан* 'Если что-нибудь Руслан скажет, ты то

² «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 719.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 167—168; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 243—244; С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 164.

⁴ Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 173; А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981, стр. 62; К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 293 и др.

⁵ «Грамматика современного башкирского литературного языка». М., 1981, стр. 289.

и делаешь'; *Руслан сагъа не айтса, сен этип къой* 'Что тебе Руслан скажет, то и сделай'.

Потенциальное условие, отнесенное в футуральную плоскость, выражается граммемой *-са*, его следствие — формами конъюнктива, а также будущего категорического и некатегорического времени индикатива: *Олар булай деп язса, сиз магъа инанар эдигиз* (И. Ибрагимов) 'Если бы они написали так, вы бы поверили мне'; *Ялгъан айтса, иши ачылажакъ* (И. Керимов) 'Если он скажет неправду, его дело раскроется'.

Рассматриваемая глагольная форма обозначает не только условие, имеющее проспективную ориентацию. В определенных контекстуально-ситуативных условиях форма *-са* может обозначать эвентуальное действие, имеющее ретроспективную ориентацию. Грамматическое значение данной формы в подобных случаях синонимично с семантикой морфосемы *-гъан буса*, выражающей главным образом ретроспективное условие: *Ону уьч-дёрт гишиге сама да айтса, бу гече ол рагъат-юхлал болмажакъ эди* (Ш. Альбериев) 'Если бы он сказал об этом трем-четырем мужчинам, этой ночью он не смог бы спать спокойно'; *Охун битсе, къатын алма сюе эди* (Ш. Альбериев) 'Окончив учебу, он хотел жениться'.

Во многих сложноподчиненных предложениях с гипотетическим периодом аподозис оформляется формами нонкальной плоскости. Подобные синтаксические структуры выражают проблематичные условно-следственные отношения: *Къабурланы оьр ягъындан яда тёбен ягъындан кёпюр салсакъ, о эки керен багъа олтура* (Ш. Альбериев) 'Если дорогу проложить выше или ниже кладбища, она будет стоять в два раза дороже'; *Тюзюн айт, айтмасанг, облесен* (М. Ягъияев) 'Говори правду, не скажешь — умрешь'.

Морфосема *-са* употребляется также в придаточных сопоставительных предложениях, связанных с аподозисом значением взаимной обусловленности, что формально выражается вопросительным местоимением в протазисе (а) и в уступительных предложениях в сопровождении постпозитивной частицы *да*⁶ (б): а) *Ким ишлесе, шо ашар* (поговорка) 'Кто поработает, тот и поест'; б) *Айтма къарасакъ да, болмадыкъ* 'Хотя и попытались сказать, но не смогли'.

Таким образом, морфосема *-са* в составе сложного синтаксического целого выражает условно-следственные и причинно-следственные отношения. Условно-следственная связь предполагает наличие альтернативы, выбора двух возможностей (*гелсе, айтарман* 'если придет, скажу'; *гелмесе, айтмасман* 'если не придет, не скажу'). Причинно-следственные конструкции такой альтернативы не предполагают (*Уялсам да, айтмайым сагъа* 'Хотя и стесняюсь, но скажу тебе', поэтому невозможна трансформация данного предложения в предложение *Уялсам да, айтмайым сагъа*). На наш взгляд, именно здесь проявляется противоречивая двойственность семантической сущности морфосемы *-са* в кумыкском языке.

Из аналитических форм кумыкского кондиционалиса наиболее употребительной является форма *-гъан буса*. В «самостоятельном» употреблении (вне гипотетического периода) данная форма выражает сослагательное значение: *Гъай аман, къысмаг олагъа шо ялынлы ёллардан бираз дагъы да юрюме буюргъан буса* (И. Ибрагимов) 'Эх, если бы судьба позволила им еще немного пройти по тем горячим тропам!'. Однако подобное употребление грамматической формы *-са* лишь условно может быть названо «самостоятельным» ее использованием, так как и в подобных случаях предложение содержит квантификатор, относящий семантическое содержание глагола к предыдущему контек-

⁶ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 165.

сту. В рассмотренном выше предложении функцию семантического квантификатора выполняет указательное местоимение *шо* 'то'.

Рассматриваемая форма в сочетании с настоящим-будущим временем индикатива обозначает потенциальное условие, как обычное, генерализованное во временном плане: *Эгер уланыны йыры бузукъ тилде язылгъан буса, анасы ону охумай* (Р. Гьамзатов) 'Если стихи сына написаны плохим языком, мать их не читает'.

Интересно проследить семантическую сущность морфосемы *-гъан буса*, когда она употреблена с отрицательным аффиксом *-ма*. При этом условие мыслится как ситуация, противоположная существующим фактам: *Сизин таягъыгъыз болмагъан буса, хыйлы доланма тыушежек эди* (И. Ибрагимов) 'Если бы не было вашей палки, долго пришлось бы мучаться'. Поскольку обе части предложения относятся к ретроспективной плоскости и условие противоречит существующим фактам, то и следствие мыслится как ирреальное, что выражается аналитическими формами глагола *-ажакъ эди* или *-ар эди*. Говорящий заведомо знает, что условие не соответствует действительным фактам, а пресуппозиция заключена в протазисе и имеет смысл обратный тому, о чем в нем говорится.

Нередки среди предложений с гипотетическим периодом на *-гъан буса* и такие, в которых развиваются уступительно-условные отношения: *Камил къойгъан буса, уйде къалажакъ эдим* (М. Хангишиев) 'Оставил бы Камиль, я бы остался дома'. В сложноподчиненных предложениях, аподозис которых выражен аналитической формой *-гъан буса*, альтернативы в том значении, которая свойственна форме *-са*, не содержится; альтернатива здесь имеет несколько иное содержание: возникает представление о некоей ирреальной ситуации (*Камил къойгъан буса...*), являющейся антиситуацией по отношению к реальному положению вещей (*Камил къоймагъан*).

Современному кумыкскому языку свойственна и сверхсложная грамматическая форма *-гъан эди буса*. Данная форма кумыкского глагола была впервые зафиксирована А. А. Юлдашевым. Она встречается и в других тюркских языках. По мнению А. А. Юлдашева, морфосема *-гъан эди буса* употребляется в значении формы на *-гъан болса*⁷. В самом деле, на первый взгляд создается впечатление, что морфосема *-гъан эди буса* также предполагает наличие ирреальной антиситуации в том значении, которая свойственна сложной форме *-гъан буса// -гъан болса*. Однако рассматриваемые формы следует отличать друг от друга. Если сравнить семантические содержания этих граммем, то нетрудно убедиться в том, что сверхсложная грамматическая форма выражает действие более давнее, чем сложная морфосема *-гъан буса*. Ср.: *Эгер язбашдан тутуп низам салынгъан эди буса, шо иш болма да болмажакъ эди* (М. Хангишиев) 'Если бы еще весной навели порядок, этого не случилось бы'; *Эгер уллу янгул болмагъан эди буса, шонда токътамаса да ярай эди* (И. Керимов) 'Если бы не было сильного дождя, там можно было бы и не останавливаться'. В приведенных примерах ирреальное гипотетическое действие, обозначенное глагольными формами, находится в ретроспективной плоскости. Форма *-гъан буса* в кумыкском языке выражает перфективное гипотетическое действие, она нередко употребляется в сопряжении с настоящим-будущим кумыкского индикатива и с глаголами конъюнктива. Что касается сверхсложной грамматической формы, то она не может употребляться в сопряжении с названными морфосемами глагола.

⁷ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 241.

Другой наиболее употребительной сложной формой кумыкского кондиционалиса является морфосема *-а буса*. Одним из основных значений данной грамматической формы является обозначение потенциального условия, имеющего футуральную ориентацию: *Бийиме сую бусанг, юрю!* (А. Къурбанов) 'Если хочешь танцевать, пойдем!'. Предложения с подобной структурой имеют единый временной план и предполагают наличие альтернативы (*сую бусанг, юрю — суймей бусанг, юрюме*). Данная форма может выражать и ирреальное условие: *Рашия йырлай буса, шолай сарынга юрекни ютаган гъаваслык булан тынглажакъ эдинг* (И. Ибрагимов) 'Если бы пела Рашия, ты бы с жадностью в душе слушал эту песню'. В данном случае аподозис и протазис имеют разные временные плоскости (будущее и настоящее) и альтернатива не выражена. Кроме того, исследуемая грамматическая форма может выражать и реальное условие во временных границах настоящего-будущего времени. Широта временных границ устанавливается контекстом и может доходить до полной вневременности: *Улан къызны сую буса, башлап уяла, сёйлеме сёз табыл болмай* (А. Къурбанов) 'Когда парень любит девушку, сначала стесняется, не находит слова сказать'. Таким образом, морфосеме *-а буса* в плане реальности — ирреальности следует рассматривать как универсальную граммему кумыкского кондиционалиса.

Сверхсложная глагольная форма условного наклонения *-а эди буса* выражает ирреальное действие, содержащее антиситуацию: *Эгер ол башга къызны сую эди буса, тезокъ Къыстаман бажювуне сырларын чечежек эди* (З. Атаева) 'Если бы он любил другую девушку, Кыстаман давно поделилась бы об этом с тётей'. Рассматриваемая глагольная форма условного наклонения отличается от сложной морфосемы *-а буса* тем, что сверхсложная форма *-а эди буса* выражает более давнее действие, чем сложная форма *-а буса*. Интересно проследить семантические связи, существующие между грамматическими формами *-а эди буса* и *-гъан эди буса*. Дистинктивным признаком названных форм является тот факт, что морфосема *-а эди буса* выражает гипотетическое континуативно-итеративное действие, ориентированное в перспективную плоскость (то есть действие выходит за рамки момента речи, оно представляется как бы генерализованным во временном плане), тогда как *-гъан эди буса* выражает точечное гипотетическое действие, не имеющее перспективной ориентации.

Гипотетическое действие, ориентированное в недавнее прошлое, выражается в кумыкском языке формой *-ды буса*: *Битдинг буса, юрю* (М. Ягъяев) 'Если ты закончил, пойдем'; *Тутдунг буса, къайда?* (И. Ибрагимов) 'Если ты поймал, то где же?'. Данная морфосема употребляется в сопряжении с синтетической формой дезидератива: *...Башгагъа сёз берейим, буздунг бусанг антынгны* (П. Мантаев) '...Другой дам слово, если ты нарушила свою клятву'.

Аналитические формы условного наклонения *-ажакъ буса* и *-ар буса* относятся к формам перспективной плоскости⁸. Они выражают латентное условие с оттенком решимости, долженствования. Заметим, что для таких предложений характерен единый временной план частей — план будущего: *Эгер сени булан гетежек болса да, юрегиндеги шо тююн чечилип битмежек* (А. Къурбанов) 'Если он и решит поехать с тобой, всё равно камень с души не спадет'; *Барар болсам, мен сагъа билдирермен* 'Если решу поехать, я тебе сообщу'.

Дистинктивным признаком двух форм перспективной плоскости является тот факт, что гипотетичность действия, выражаемая формой

⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 125.

-ажакъ буса, является более категорической, нежели — формой -ар буса. Поскольку условие, обозначаемое рассматриваемыми формами, является потенциальным, оно может предполагать альтернативу. А. А. Юлдашев считает форму -ар болса сходной с формой условного наклонения настоящего времени на -са⁹. В современном кумыкском языке эти две формы нельзя отождествлять. В семантическом потенциале формы -са не представлен оттенок решимости, тогда как семантема решимости является узуальной для морфосемы -ар буса.

Современному кумыкскому языку свойственны еще сверхсложные формы кондиционалиса, образованные при помощи вспомогательного глагола тур-. Всех их объединяет в одну семантическую группу видовой оттенок континуативно-итеративного условия. Носителем видового значения является вспомогательный глагол тур-. Так, например, сложная форма -ып турса выражает то же самое значение, что и синтетическая форма -са, только осложненное семантикой континуативности и итеративности: *Колхозчуланы шагъаргъа йиберип турсакъ, юртда ким ишлежек дагъы?* (Ш. Альбериев) 'Если всех колхозников будем отправлять в город, кто же будет работать в селе?'. Ср.: *Колхозчуланы шагъаргъа йиберсек, юртда ким ишлежек дагъы?* 'Если колхозников отправим в город, кто же будет работать в селе?'.
 Н
в
и

Сверхсложная форма условного наклонения -ып тургъан буса выражает континуативно-итеративное гипотетическое действие, ориентированное в ретроспективную плоскость: *Шо гъакъыл ахырда сёнюп къалма да ярай эди, ону токътавсуз къаст этип азыкъландырып турмагъан буса* (И. Ибрагимов) 'Та идея в конце концов могла бы погаснуть, если бы постоянно не напоминали о ней'. Конститутивным признаком форм -ып тургъан буса и -гъан буса является обозначение континуативно-итеративного и точечного условий соответственно.
к
о
п
и
д
р
п
с
(
с
е
ф
ч

Таким образом, узуальное значение в семантической сущности категории условного наклонения в современном кумыкском языке окружено рядом дополнительных оппозиций, создающих потенциальные семы. Среди них важнейшими для семантического содержания данной грамматической категории являются:

бинарная темпоральная оппозиция «настоящее-будущее — прошедшее»;

бинарная видовая оппозиция «точечность — континуативно-итеративность»;

тернарная модальная оппозиция «реальность—потенциальность—ирреальность».

⁹ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 243.

А. МАХАМАТОВ

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ТЮРКСКОГО УДАРЕНИЯ

Суперсегментные элементы в тюркских языках, в том числе ударение, одна из не до конца решенных проблем тюркологии¹. Среди лингвистов все еще нет единого мнения относительно фонетической природы и функций тюркского ударения.

Е. Д. Поливанов в свое время считал, что «ударение служит признаком единства слова, ибо в виде общей нормы на одно слово приходится одно ударение. Но кроме этого ударение выполняет еще другие функции, которые, однако, оказываются совершенно различными в русском и узбекском языках. Именно в русском языке ударение способствует дифференциации слов и грамматических форм... В узбекском же ударение не может иметь этой функции, т. е. участвовать в дифференциации слов, ибо узбекский язык, как и другие турецкие (то есть тюркские. — А. М.) языки, принадлежит к языкам с постоянным ударением (а именно, — в виде нормы, на последнем слоге слов). Зато в узбекском ударение выполняет другую функцию: оно не только определяет единство слова (т. е. позволяет сосчитать число слов в воспринимаемой фразе), но и позволяет провести границы между словами, так как отмечает собою последний слог каждого данного слова»².

Важное значение имеет замечание Е. Д. Поливанова о депласации ударения в эмфатических целях на первый слог. Это явление он возводит к бывшей двухполюсности акцентуации в проалтайском языке³.

Основываясь на том факте, что в тюркских языках ударение фиксированное, Е. Д. Поливанов отрицает его дифференциальную функцию, ибо в этом случае логически невозможно приписывать ударению функцию лексической или морфологической дифференциации. Это теоретическое положение, высказанное Е. Д. Поливановым, замалчивалось некоторыми исследователями, предложившими вопреки ему признать дифференцирующую функцию ударения.

Так, А. Г. Гулямов утверждал, что ударение в узбекском языке может служить средством семантико-грамматической дифференциации слов и в качестве примера ссылался на множество случаев такой дифференциации⁴, представленных в обобщенной и систематизированной форме в статье М. И. Трофимова⁵. В принципе эта точка зрения нашла

¹ История вопроса подробно изложена А. М. Щербаком. См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 110—117.

² Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933, стр. 47.

³ Там же, стр. 47.

⁴ А. Г. Гулямов. Узбек тилида ургу. Тошкент, 1947, стр. 9—21.

⁵ М. И. Трофимов. О смыслообразительной функции ударения в узбекском языке в сопоставлении с русским. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 64—68.

сторонников среди ряда тюркологов, утверждавших, что ударение в тюркских языках выполняет слово- и форморазличительную функцию⁶.

Противоположное мнение, основанное на теории Е. Д. Поливанова, высказал А. Рустамов в своей докторской диссертации⁷ и в докладе на Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате⁸. Согласно его точке зрения, показатели сказуемости, сравнения и т. п. элементы тюркских языков, обычно квалифицируемые в литературе как безударные аффиксы, по своей сути являются служебными словами и поэтому не могут служить показателем дифференцирующей функции ударения. Что же касается смещения ударения на первый слог, то это явление обусловлено присущей ему эмфатической функцией, а не наличием безударных аффиксов или проявлением дифференцирующей функции. Подобное смещение ударения характерно не только для тюркских, но и для других языков⁹.

Отсутствие дифференциальной функции у тюркского ударения подтверждается и работами А. Орусбаева, указывающего, что позиционная обусловленность киргизского ударения сильно ограничивает его различительную роль. Поэтому оно «не может выступать в качестве просодического дифференциального признака. Основное значение киргизского словесного ударения заключается в том, чтобы вместе с сингармонизмом сцеплять дискретные единицы и тем самым организовывать звуковые элементы слов в законченные единства, ему присуща словоорганизующая функция»¹⁰.

В этой связи интересна статья Ж. Аралбаева и А. Джунисбекова, посвященная ударению в казахском языке. Авторы отрицают наличие словесного ударения в тюркских языках, а, следовательно, и его дифференцирующую функцию¹¹. По мнению этих ученых, представление о дифференцирующей функции ударения возникло в результате неправомерного сопоставления изолированного слова с его фонетической позицией во фразе.

Э. Ф. Ишбердин считает, что ударение в башкирском языке не фиксировано строго и «используется в основном для выражения экспрессии эмоциональности или модальности»¹².

В вопросе о дифференцирующей функции ударения в узбекском языке несколько компромиссной позиции придерживается М. И. Трофимов. После детального рассмотрения случаев, отмеченных А. Г. Гулямовым как проявление дифференцирующей функции ударения, а также сопоставления с ударением в русском языке с точки зрения его смысловозначительной функции, М. И. Трофимов приходит к выводу о том, что узбекское ударение основано на принципе грамматической, а

⁶ См.: «Грамматика туркменского языка. Часть 1. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1970, стр. 70—71; А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 58—63.

⁷ А. Рустамов. Фонетико-морфологические особенности языка Навои. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1966, стр. 4.

⁸ А. Рустамов. Фонетические признаки грамматикализации и аффигирования слов в тюркских языках. — «Всесоюзная тюркологическая конференция, 27—29 сентября 1976 г. Тезисы докладов и сообщений», Алма-Ата, 1976, стр. 330—331.

⁹ А. Р. Рустамов. Фонетические признаки грамматикализации и аффигирования слов в языках с фиксированным ударением. — «Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава Республиканского педагогического института русского языка и литературы», Ташкент, 1969, стр. 43—44.

¹⁰ А. Орусбаев. Киргизская акцентуация. Фрунзе, 1974, стр. 111.

¹¹ Ж. Аралбаев, А. Джунисбеков. Об ударении в казахском языке. — «Известия АН КазССР. Серия общественная», Алма-Ата, 1968, № 6, стр. 63, 67—68.

¹² Э. Ф. Ишбердин. Ударение и система гласных башкирского языка. — «Советская тюркология», 1980. № 5.

русское — лексической дифференциации¹³. Это справедливо, если признать языковой реальностью наличие в тюркских языках безударных аффиксов, что, как уже отмечалось, отвергается А. Рустамовым. Понятие так называемых безударных аффиксов возникло на почве смешения графико-орфографических признаков с фонетическими особенностями современных тюркских языков. В последних имеются служебные слова, являющиеся омографами соответствующих аффиксов. Так, например, в узбекском языке имеется и связка *миз* (считающаяся аффиксом сказуемости только потому, что она пишется слитно), и посессивный аффикс *-миз*. Согласно узбекской орфографии, *ўқитувчи-миз* 'мы преподаватели' и *ўқитувчимиз* 'наш преподаватель' пишутся одинаково — *ўқитувчимиз*, хотя это различные по существу языковые элементы (аффикс и служебное слово). Подобная недифференцированность написания фонетически и грамматически различных элементов (в случае служебного слова — без ударения, а в случае аффикса — с ударением) послужила основой для утверждения, что тюркское ударение помогает их различению, выполняя дифференцирующую функцию.

В действительности же *миз* и *-миз*, а также подобные им элементы не полностью омонимичны, поскольку их отличает наличие или отсутствие ударения. Исторически единый источник их происхождения и омографичность не дают еще права считать эти элементы омоформами и утверждать, что ударение выполняет различительную функцию на уровне словоформы.

Итак, в *ўқитувчимиз* 'мы преподаватели' ударение падает на последний слог слова *ўқитувчи*, а это вовсе не означает, что в узбекском языке ему присуща дифференцирующая функция по отношению к *ўқитувчимиз* 'наш преподаватель', так как в первом случае элемент *миз* является служебным словом.

Таким образом, если отказаться от ложного представления о безударных аффиксах, то примеры подобного типа не будут рассматриваться как доказательства дифференцирующей функции ударения. Однако в тюркских языках возможны случаи, свидетельствующие о смысловозначительной функции ударения: *олма* 'яблоко' и *олма* 'не бери', *янги* 'новый' и *янги* 'только что'.

В примерах типа *олма*—*олма* необходимо иметь в виду, что аффикс отрицания *-ма*, будучи ударным, в форме повелительного наклонения под ударение не подпадает, что связано с эмфатической функцией ударения¹⁴. Тон повеления в узбекском языке характеризуется перемещением ударения на первый слог слова во всех случаях, даже при положительном аспекте глагола: *бошла!* 'начинай!', *тиктиртир!* 'дай на пошив!', *оливол!* 'возьми с собой!' и т. д.

Что касается слов *янги*—*янги*, то на первый взгляд может показаться, что это и есть проявление смысловозначительной функции ударения в узбекском языке: лингвисты, отстаивающие эту точку зрения, идентифицируют по семантике *янги* с ударением на последнем слоге с русским словом «новый», а *янги* с ударением на первом слоге — с русским «только что»¹⁵. В действительности же здесь происходит эмфатическое перемещение ударения, ибо слово *янги* и со значением «только что» в контексте фразы может иметь ударение как на первом, так и на последнем слоге. Для сообщения о приходе в данный момент (сейчас) можно

¹³ М. И. Трофимов. Указ. раб., стр. 69—70.

¹⁴ А. Рустамов. Фонетические признаки грамматикализации и аффигования слов в тюркских языках. — «Проблемы современной тюркологии», Алма-Ата, 1980, стр. 175.

¹⁵ А. Махмудов. Указ. раб., стр. 59, 62.

использовать оба варианта *янги*: *мен янги келдим* и *мен я́нги келдим*. В первом случае *янги* будет означать «только что» («я только что пришел»), а во втором случае «вот только что» («я вот только что пришел»). Следовательно, в данном случае ударение перемещается на первый слог слова в качестве логического ударения фразы.

Суммируя изложенное, можно сформулировать следующие выводы о функции ударения в тюркских языках: 1. Фиксированный характер ударения исключает его дифференцирующие функции, которые оно выполняет в языках со свободным ударением. 2. В тюркских языках нет безударных аффиксов, поэтому примеры, приводимые некоторыми тюркологами с целью доказательства форморазличительной функции ударения, лишены лингвистических оснований. 3. Эмфатическая функция депласации тюркского ударения принимается за его словоразличительную функцию в результате неправомерного смещения ударения в отдельном слове с логическим ударением слова во фразе. 4. Дифференцирующая функция ударения отмечается лишь в русских заимствованиях типа *фйзик* 'физик' — *физі́к* 'физический' в речи двуязычного населения.

Ж. М. ГУЗЕЕВ

О СИНОНИМИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Синонимические определения значений слов отличаются краткостью и демонстрируют возможности варьированного употребления слов. В большинстве случаев информация, необходимая для разграничения слов, выражается здесь одним, реже — двумя, тремя словами. Поэтому данный тип определения широко применяется в толковых словарях.

При синонимическом определении значение слова раскрывается посредством синонима, слова тождественного или близкого по смыслу к заголовочному слову. Например: кбалк. *ахшы—иги* 'хороший, хорошо'; татар. *гыйлем* 1 — *белем* 'знание, познание'; туркм. *гам* — *гайгы* 'горе, огорчение; грусть, печаль' и т. п. «Поясняющий синоним обозначает тот же круг предметов, что и поясняемое слово, и поэтому он точно передает объем определяемого класса»¹.

При применении данного способа определения значений слова необходимо учитывать, что в любом языке имеются абсолютные и идеографические синонимы.

Абсолютные синонимы — это слова, значения которых полностью совпадают, например: кбалк. *тёз* — *чыда* 'терпеть', *кёол жаулыкъ* — *палаток* 'носовой платок'; казах. *дау* 1 — *үлкен* 'большой, огромный', *кәшкүр* — *таяк* 'палка'; кирг. *врач* — *доктор*, *карышкыр* — *бөрү* 'волк' и т. д. Такие слова в литературном языке употребляются параллельно и в любом контексте могут заменить друг друга. Поэтому они вполне могут быть использованы при определении значений синонимичных слов. В толковых словарях такому определению обычно подвергается слово, занимающее по алфавиту первое место. С нашей точки зрения, это полностью оправдано. Однако данная установка не всегда соблюдается. Например, в «Толковом словаре киргизского языка» (далее — ТСКЯ I) из синонимических пар *жерик* — *талгак* 'идиосинкразия, вкусовые капризы (у беременной женщины)', *бөрү* — *карышкыр* 'волк' раскрываются значения вторых слов.

Тождественных синонимов в языках очень мало. «Язык не герпит лишнего параллельного слова с абсолютно тем же значением, ничего нового не дающего для уточнения мысли — такое слово или исчезает, или принимает другой какой-нибудь смысловой или стилистический оттенок значения»². Поэтому для достижения необходимой точности и пол-

¹ Д. И. Арбатский. Важнейшие приемы толкования значений слов. — «Вопросы теории и методики русского и удмуртского языков», Ижевск, 1972, стр. 29.

² А. А. Либери́с. Синонимическое толкование значений слов в словаре литовского языка. — В сб.: «Проблема толкования слов в филологических словарях», Рига, 1963, стр. 116.

ноты в этом случае используется синонимический ряд из двух или более синонимов, которые, уточняя друг друга, достигают необходимой цели. Например: кбалк. *азыкъ* — *аш*, *ашарыкъ* 'еда, пища', *аман* — *осал*, *болмачы*, *тапсыз* 'плохой'; кирг. *жолук* — *кезик*, *кездеш*, *учура* 'встречаться, встретиться', *убакыт* — *убакты*, *мегзил*, *учур*, *маал* 'время' и т. д. Определения, состоящие из аналогичных синонимических рядов, при этом и более содержательны, ибо каждый синоним указывает на новый, дополнительный оттенок значения.

В большинстве случаев синонимы, имея общие элементы значения, обладают и некоторыми различиями и оттенками в значении (идеографические синонимы). Например, синонимы могут различаться:

1) постоянным возвышением, усилением какого-либо признака; так, если в карачаево-балкарском языке *ахшы* и *иги* 'хороший, хорошо' могут совершенно заменять друг друга, то слово *аламат* 'прекрасный, прекрасно' отличается от них усилением признака. Ср. еще кирг. *ачуулан* 'злиться, сердиться', *каардан* 'сердиться, гневаться, приходить в ярость';

2) какими-либо стилистическими или экспрессивными особенностями, например, кбалк. слово *быдыр* 'живот' отличается от синонима *къарын* тем, что оно характерно для разговорной речи и носит оттенок пренебрежительности, а слово *гыбыт* употребляется в грубой речи;

3) широтой значения, например, кбалк. слово *тиширыу* употребляется в значении «женщина (вообще), лицо женского пола», а *къатын* — в значении «женщина» (характерно для разговорной речи) и «жена» и т. д.;

4) принадлежностью к языку части населения или к общенациональному языку, например, слово *чуукал* 'чуб' употребляется лишь в покающем диалекте карачаево-балкарского языка, его синонимическим эквивалентом в литературном языке является слово *кекел*. Слова *шекер* и *бал туз* 'сахар' по значению эквивалентны, однако первое из них характерно для языка и карачаевцев, и балкарцев, а второе — только для языка балкарцев. Слова в языке балкарцев и карачаевцев также могут отличаться фонетически или морфологически.

Учет таких смысловых и стилистических оттенков слов-синонимов показывает, что синонимическое определение в отдельных случаях «не позволяет с необходимой четкостью выделить стилистические оттенки, т. е. раскрыть содержание слова во всей полноте его значений»³. Сглаживанию указанного недостатка способствует применение в словарях системы стилистических помет, а также объяснение заголовочного слова посредством двух-трех синонимов или слов, близких по смыслу, а также приводимый иллюстративный материал. В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» (далее — ТСКБЯ) этому способствует и перевод слов на русский язык. Учитывая все это, составители толковых словарей тюркских языков используют лексические синонимы либо как вспомогательное средство при описательном определении, либо как самостоятельное средство определения значений слов.

Лексические синонимы как самостоятельное средство определения значений слов в толковых словарях тюркских языков применяются в основном в следующих случаях:

а) при раскрытии значений диалектных слов. Когда диалектное слово соответствует нескольким словам-синонимам литературного языка, толкование состоит из этих слов. Толкуемое слово снабжается стилистической пометой, например: кирг. **багана** диал. — *тирөөч*, *түркүк*

³ И. Коньт, А. Пикамяз. Смысловая характеристика слов в макете толкового словаря эстонского языка. — В сб.: «Проблема толкования слов в филологических словарях», стр. 139.

‘подпорка, стойка; шест’, **тукум** 5 диал. — **жумуртка** ‘яйцо’; кбалк. ди-
билдирик чокающий диалект — **биттир**, **биттиркоч** ‘летучая мышь’, **гак-**
кы чокающий диалект — **жумуртха** ‘яйцо’; татар. **авызсын** диал. —
заңгелә ‘цинга’, **кигерү** диал. — **кидерү** ‘одевать, надевать’; туркм. **галам**
диал. — **чемче** ‘ложка’, **аба** диал. — **кака** ‘отец’ и др.; узб. **сарғилт**
диал. — **сарғиш** ‘желтоватый’, **этмоқ** II диал. — **айтмоқ** ‘говорить, ска-
зать’ и т. п.;

б) при разъяснении значений устаревших слов или архаизмов, на-
пример: кбалк. **шалбар** арх. — **кёнчек** ‘брюки’, **май** арх. — **жау** ‘масло’;
татар. **инсаниятлек** уст. — **кешелеклелек** ‘человечность, гуманность’,
кофеханә уст. — **кафе**; кирг. **күөөнама** уст. — **күбөлүк** ‘удостоверение
(документ)’, **катчы** 2 уст. — **секретарь**; туркм. **багзы** уст. — **кабир** ‘не-
который, отдельный, иной’, **гоюн** II уст. — **гуужак** ‘объятие’ и т. п.;

в) при объяснении значений просторечных и разговорных слов,
например: кбалк. **гудучу** прост. — **уручу** ‘вор’, **сыпырт** прост. — **урла**
‘украсть’; кирг. **баштык** II разг. — **башкаруучу**, **башчы**, **жетекчи** ‘руко-
водитель’, **жазгыч** 3 разг. — **жазуучу** ‘писатель’; татар. **асат** разг. —
ансат, **жиңел** ‘легкий, нетрудный, простой’, **дежур** разг. — **дежурный**;

г) при определении таких, чаще переносных, значений слов, которые
эквивалентны значениям синонимов; например, одно из переносных зна-
чений кбалк. слова **ариу** ‘красивый’ объясняется синонимами **таза** и
кирсиз ‘чистый’. То же относится к словам: казах. **ақ** I. 7 и **жазықсыз**,
кінәсыз ‘невинный, невиновный’; кирг. **бер** 2 и **чап**, **ур** ‘ударить’;

д) при объяснении слов, употребляемых лишь в речи детей; напри-
мер, в ТСКБЯ слово **кока** объясняется синонимом **кэол** ‘рука’, слово
паппу — синонимом **гыржын** ‘хлеб’, слово **уммо** — синонимом **ийнек**
‘корова’ и т. д.

Таким образом, синонимический способ определения применяется
при раскрытии значений слов, редко употребляемых в литературном
языке. Важнейшим условием того, чтобы данный способ определения
значений слов был оптимальным, является хорошее знание читателем
поясняющего синонима, поэтому в синонимических определениях исполь-
зуются обычно общеупотребительные слова.

Учитывая это, карачаево-балкарские лексикографы считают воз-
можным применять синонимы как самостоятельное средство определе-
ния значения слов и при объяснении слов-архаизмов — исконно кара-
чаево-балкарских, или же ранних заимствований из других языков,
вытесненных впоследствии русскими заимствованиями. Иначе говоря,
определения типа **бадражан** арх. — **помидор**, **харфлыкъ** арх. — **букварь**,
тазир арх. — **штраф**, **тарих** арх. — **история**, **шымал** арх. — **север** пред-
ставляются допустимыми, хотя обычно принято считать, что слова ино-
стрального происхождения включать в определения не следует⁴; если из
двух равнозначных слов одно заимствованное, то оно обычно объясняет-
ся посредством слова родного языка⁵. Слова **помидор**, **букварь**, **история**,
штраф, **север** и другие, заимствованные из русского и через русский
язык, прочно утвердились в карачаево-балкарском литературном языке
и могут быть использованы как самостоятельное или вспомогательное
средство определения значений слова.

При синонимических определениях необходимо избегать перекрест-
ной отсылки одного синонима к другому. Раз слово используется при
определении значения другого слова, то оно должно быть охарактеризо-
вано на своем алфавитном месте. Например, не следует определять зна-

⁴ «Инструкция для составления „Словаря современного русского литературного
языка“ (в пятнадцати томах)». М.—Л., 1958, стр. 28.

⁵ И. Коньт, А. Пикамая. Указ. раб., стр. 140.

чение кбалк. слова *ахишы* 'хороший, хорошо' словом *иги* 'хороший, хорошо', а значение слова *иги* — словом *ахишы*. Значение одного из таких синонимичных слов должно быть раскрыто путем описательного определения. Однако материал исследуемых словарей не всегда удовлетворяет этому требованию:

ТСКЯ I: **убакыт I** 'время' — *мезгил, учур, маал*.

мезгил — *белгилүү бир убакыт; учур, маал*.

маал — *мезгил, убакыт, учур*.

учур I. 1. — *убакыт, кырдаал, кез*.

кез II — *учур, мезгил, убак*.

убак I — то же, что *убакыт*.

кырдаал — положение, состояние, условие, определенный момент, благоприятные условия (обстоятельства).

Таким образом, лексические синонимы *убакыт, мезгил, учур, маал* 'время, момент' при перекрестной отсылке потеряли свое исконное значение и приобрели совсем другое: «положение, состояние, условие».

ТСКЯ II («Толковый словарь казахского языка»):

ешбір 'никакой; ни один' — *ешқандай, бірде-бір*.

ешқандай — *ешбір, бірде-бір*.

бірде-бір — *ешқандай, ешбір*.

СТЯ («Словарь туркменского языка»):

бар II 'весь, вся, все, целиком' — *эхли, хемме, бүтин*.

эхли — *хемме, бүтин, бары*.

бүтин — *хемме, эхли*.

бары — *эхлиси, хеммеси, жеми*.

жеми — *хеммеси, эхлиси, бары*.

Имеются случаи, когда определение дается каждому члену синонимического ряда, например:

СТЯ: **габыр** 'могила' — *яма для захоронения; мазар, гөр*.

гөр — *яма для захоронения; габыр, мазар*.

мазар — *место для захоронения; габыр*.

врач — человек с высшим медицинским образованием, лечащий больных.

доктор разг. — специалист с высшим медицинским образованием; врач.

врачлык — профессия, занятие врача.

докторлык I разг. — профессия, занятие врача.

ТСКЯ II: **гвардеец** — военный, служащий в гвардии.

гвардиячы — военный, служащий в гвардии.

даугер 'истец; претендент' — тот, кто предъявляет иск, претензии.

даулаушы — тот, кто предъявляет иск, претензии.

Известно, что при определении значений не могут быть использованы слова, не включенные в словник словаря. Однако это требование в толковых словарях тюркских языков соблюдается не всегда. Так, например, в ТСКЯ II не включены в качестве заголовочных такие слова, как *айгайлай-айгайлай, агындатып, аңгаруынша*. Однако этими синонимами определены значения слов *бақыра-бақыра* 'громко крича', *анқытып* 'стремительно (нестись, идти, бежать)', *байқауынша, білуінше* 'как (я, ты, он) заметил'. В словник ТСКЯ I не вошли слова *билдирүүчүлүк, кыйратуучулук* 'вредительство, подрывная работа', *дарбазаланган* 'имеющий ворота', хотя они раскрывают значения слов *бузуучулук I* 'нарушение; извращение', *дарбазалуу* 'имеющий ворота'. В ТСТЯ («Толковый словарь татарского языка») значения слов *асфальтлы, кабәм, кыегаю* объ-

яснены словами, не включенными в его словник: *асфальтланган* 'асфальтированный', *бэбкэм* 'светик мой, дитя мое, дитяtko, голубчик мой (обращение)', *авышлану* 'коситься, скашиваться, делаться косым, наклонным'.

Определение, как известно, должно быть дано с помощью общеупотребительных слов. Например, при раскрытии значений слов нельзя использовать просторечные, диалектные, устаревшие, жаргонные и другие ненормативные синонимы. Большею частью тюркские толковые словари удовлетворяют этому требованию, но, к сожалению, не всегда. Так, в ТСТЯ при раскрытии значений литературных слов *картачы* 'картежник', *крепость*, *аристократ* употреблены их устаревшие синонимы *картежник*, *кальга*, *аксаяк*; в ТСУЯ («Толковый словарь узбекского языка») при *ундай* 'такой, так', *қандай* 1, 2 'какой, как' — приведены их разговорные синонимы *унақа*, *қанақа*, при *тухум* 'яйцо', *солинчак* 'мочка (уха)' — их диалектные синонимы *юмуртқа*, *сирғалик*; в СТЯ при *масгара* 1 'опозоренный', *максат* 'цель, намерение, желание', *гама* 'кинжал' — их устаревшие синонимы *бетнам*, *матлап*, *ханжар*; здесь же нейтральные слова *кака* 'отец', *чемче* 'ложка' определены диалектными синонимами *ата*, *галам/кашык*. Аналогичных примеров в ТСТЯ, ТСУЯ и особенно в СТЯ довольно много. Составители этих словарей при толковании значений слов, нейтральных по своему стилистическому характеру, нередко использовали синонимы, относящиеся к ненормативной лексике.

Анализ синонимических определений, приведенных в толковых словарях тюркских языков, позволяет сделать следующие выводы:

1) в ряде случаев допущена перекрестная отсылка одного синонима к другому, в результате чего они остались без определения (ТСКЯ I, ТСКЯ II и СТЯ);

2) одно и то же определение дается каждому члену синонимического ряда (СТЯ и ТСКЯ II);

3) при определении значений литературных слов довольно часто используются их нелитературные синонимы (ТСТЯ, ТСУЯ и СТЯ);

4) во многих случаях при определении значений приводятся слова, не включенные в словник словаря (ТСКЯ I, ТСКЯ II и ТСТЯ).

Н. Ш. ХИСАМОВ

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ «КЫССА-И ЙУСУФ» КУЛ 'АЛИ

Празднование 800-летия со дня рождения Кул 'Али и 750-летия создания им поэмы «Кысса-и Йусуф» позволило одновременно подвести итоги изучения этого классического произведения. «Кысса-и Йусуф» положила начало болгаро-татарским литературным традициям и явилась первой тюркской поэмой о Йусуфе.

Прошло более чем полтора века со времени включения поэмы Кул 'Али в каталог немецкого библиографа Г. Флейшера¹. Внимание европейских ориенталистов к этому памятнику совпало с появлением его первого печатного издания в 1839 году в Казани. Ранее поэма распространялась лишь в рукописях. В 1889 году в Лейпциге было опубликовано первое лингвистическое исследование поэмы², а четырьмя годами раньше в Казани был издан труд Шигабутдина Марджани³, в котором значительное место было отведено поэме «Кысса-и Йусуф».

Поэма Кул 'Али в зарубежной и отечественной ориенталистике изучалась в трех аспектах: библиографическом, лингво-текстологическом и историко-литературном. Одним из спорных долгое время оставался вопрос о родине памятника. Высказывались мнения о том, что поэма была создана в Средней Азии, Малой Азии, в Поволжье. Но объективное и углубленное изучение этой проблемы показало, что наиболее вероятной родиной памятника является все же Поволжье.

В работах ученых, посвященных «Кысса-и Йусуф», в первое время преобладал лингвистический аспект. К таким работам относятся публикации М. Хоутсмы, К. Брокельмана, А. Н. Самойловича, М. Ф. Кёпрюлюзаде, Э. Н. Наджила и А. К. Боровкова⁴. В «Турецкой энциклопедии» отмечалось, что «памятник интересен лишь с языковой точки зрения, а литературной ценности не имеет»⁵. Ввиду того, что «Кысса-и Йусуф»

¹ H. Fleischer. Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae regiae Dresdensis script. Lipsiae, 1831, стр. 72.

² M. Houtsma. Ein alttürkisches Gedicht. — ZDMG. Leipzig, 1889, Bd. 43.

³ ش. مرجانی. القسم الاول من كتاب مستفاد الاخبار في احوال تزان و بلغار. قزان. ۱۸۸۵.

⁴ C. Brockelmann. 'Ali's Qissa'i Jūsuf. Der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur. — ZDMG. Berlin, 1917, № 5; А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В кн.: «Мир-Али-Шир», Л., 1928; его же. Вариант сказания о Едиге и Тохтамыше. — «Тюркологический сборник», М., 1972; محمد فوادتورك ادبياتنده ايلك متصوفلر. استانبول، ۱۹۱۸.

Э. Н. Наджип. О диалектном составе языка Кутба. — В кн.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1966; его же. Уртақ хазина. — Журн. «Казан утлары», 1971, № 2; его же. О языке памятника XIII века «Кысса-и Юсуф» Али. — «Советская тюркология», 1976, № 2; А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского турсира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 9—10.

⁵ «Türk ansiklopidisi», cilt II. Istanbul, 1966, стр. 76.

не вполне соответствует традиционным представлениям о классической восточной поэзии, основанной на метрике *аруз* и сплошной метафоричности поэтического языка, в работах, касающихся литературных особенностей памятника, иногда скептически оцениваются его художественные достоинства. М. Хоутсма, Э. Хильшер⁶, З. Б. Мухамедова⁷, Ф. Сулайманова⁸, указывают на «вялость и многословность» поэмы, «излишнюю простоту формы», «религиозный источник сюжета». Такая оценка в одних случаях (Э. Хильшер) объяснялась поверхностным знакомством с текстом поэмы, в других — абсолютизацией определенных литературных традиций (М. Хоутсма, З. Б. Мухамедова). Из зарубежных ученых лишь В. М. Коджатурк правильно отметил самобытность поэмы и высоко оценил простоту и народность ее формы⁹.

Работы Е. Э. Бертельса¹⁰ и А. Н. Самойловича¹¹ содержат описание формальных особенностей поэмы: ее размера, строфики и некоторых сюжетных и языковых данных.

Постоянный интерес к «Кысса-и Йусуф» проявляли татарские филологи. Социально-гуманистическое содержание, поэтические особенности, историко-культурное значение произведения были впервые исследованы в первом томе капитального труда Г. Газиза и Г. Рахима «История татарской литературы»¹². В 50-е годы Б. А. Яфаров в работе о памятнике булгаро-татарской литературы «Нахдж ал-Фарадис»¹³, опираясь на народные предания и сведения из письменных источников, высказал предположение о личности и судьбе автора «Кысса-и Йусуф» — Кул'Али. Он обратил внимание на народность поэтики поэмы и на исполнение ее в народе в музыкальном сопровождении. В работах Х. У. Усманова, М. Х. Гайнуллиной, Г. М. Халитова и Н. Г. Юзеева говорится о роли и месте памятника в истории татарской поэзии.

Статья Х. У. Усманова «Место Тукая в истории татарской поэзии»¹⁴ сыграла определенную роль в деле разработки концептуальных основ исследования древнетатарской литературы. Поэма «Кысса-и Йусуф», по мнению этого автора, занимает в истории татарской поэзии свое законное место.

В книге Н. Г. Юзеева «Современная татарская поэтика»¹⁵ выявлены отдельные аспекты связи литературно-философского содержания поэмы Кул'Али, как памятника татарской литературы, с восточными литературами и с современной поэтикой.

Большим вкладом в изучение «Кысса-и Йусуф» стали труды Дж. Алмаза¹⁶, проследившего связь поэмы с художественным мышлени-

⁶ Eberhard Hilscher. Der biblische Joseph in orientalischen Literaturwerken. — In: «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung». Bd. IV, Heft 1, Berlin, 1959, стр. 106.

⁷ З. Б. Мухамедова. Опыт создания очерков по истории туркменского языка. — В кн.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961, стр. 66.

⁸ Фозила Сулаймонова. «Юсуф ва Зулайхо» достонининг Алишер Навоийга нисбат берилган Париж кулёзмасы хақида. — «Адабий мерос», Тошкент, 1973, № 3, стр. 153.

⁹ Vasfi Mahir Kocatürk. Türk edebiyatı tarihi. Ankara, 1964, стр. 83.

¹⁰ Е. Э. Бертельс. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV в. — «Новый мир», 1939, № 9, стр. 275.

¹¹ А. Н. Самойлович. Указ. работы.

¹² ع. عزیز، علی رحیم، تاتار ادبیاتی تاریخی، برینجی جلد، ئیکینجی بولک، ۱۹۲۲.

(قران).

¹³ Б. А. Яфаров. X—XIV йөзләрдә Кама-Волга болгарлары әдәбияты һәм «Нәһж-әл-фәрадис» кулязмасы. Канд. дисс., Казань, 1969, стр. 35—52.

¹⁴ Хатип Госман. Татар поэзиясе тарихында Тукайның урыны. — Журн. «Казан утлары», 1966, № 10.

¹⁵ Нил Юзиев. Хәзерге татар поэтикасы. Казан, 1973.

¹⁶ Дж. Алмаз. «Кысса-и Йусуф» Али — булгаро-татарский памятник. — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», М., 1960; его же. Кол Галинец «Кысса-и Йосыф» дастаны. — Журн. «Совет-әдәбияты», 1960, № 2.

ем татарского народа. Он составил библиографию работ, посвященных памятнику, выдвинул задачу комплексного исследования поэмы. Им были подготовлены также критический и реконструированный тексты поэмы, хранящиеся ныне в литературном отделе исторического музея ТАССР.

Второй этап, имеющий принципиальное значение для истории исследования поэмы, связан с деятельностью А. Т. Тагирджанова¹⁷. Он сопоставил «Кысса-и Йусуф» с поэмой Фирдоуси «Йусуф и Зулайха» и проследил связи между ними. Им же были систематизированы сведения, относящиеся к истории трактовки сюжета о Йусуфе.

Труды А. Т. Тагирджанова показали необходимость поисков источников поэмы в средневековой персидской литературе.

Обширный материал о продолжении традиций поэмы в последующей татарской литературе собрал Ш. Ш. Абилов¹⁸.

Многое говорит за то, что поэма «Кысса-и Йусуф» своим появлением в равной степени обязана письменным источникам и фольклору. Поэтому не случайно к монографическому исследованию ее приступили именно в секторе фольклора ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

В результате проведенного исследования был установлен основной источник поэмы — прозаическое сочинение XI века на фарси. Было раскрыто идейное содержание поэмы, в которой трактуются проблемы взаимоотношений правителя и народа, выявлена ее художественная структура, несколько размытая нагромождением сюжетных событий. Факт появления «Кысса-и Йусуф» перед самым монгольским нашествием объясняет выбор темы и характер выраженных в ней идей. Основная идея поэмы заключалась в необходимости сплочения народа для защиты родины от врагов. На социально-философское содержание поэмы определяющее влияние оказало гуманистическое творчество Низами.

В процессе изучения поэмы были раскрыты также связь ее идейного замысла с характером центральных образов произведения, своеобразие решения проблемы положительного героя, наличие народно-эпических традиций в поэтике памятника, эпический характер стиля, роль поэмы в истории развития тюркоязычных литератур.

Важнейшим результатом исследования было выявление органического продолжения идейно-художественных традиций «Кысса-и Йусуф» в средневековой тюркоязычной поэзии Поволжья и позднее — в новейшей татарской поэзии. Так, мотив «птицы—души», восходящий к народным поверьям, перекликающийся с аналогичным персидским поэтическим мотивом, впервые в тюркоязычную поэзию был введен Кул 'Али и впоследствии утвердился в поэмах Кутба, Кятиба, Навои, Мухамедьяра, перешел в поэзию Тукая и татарских советских поэтов.

Главным итогом монографического исследования поэмы¹⁹ можно считать установление того нового, что внес Кул 'Али в международный сюжет при его обработке. Это позволяет говорить о своеобразии и оригинальности поэмы «Кысса-и Йусуф», вопреки мнениям отдельных зарубежных и отечественных ученых (Э. Хильшер, З. Б. Мухамедова).

¹⁷ А. Т. Тагирджанов. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха» на «Кысса-и Йусуф» Али и «Йусуф и Зулайха» Шайяда Хамзы. — «Палестинский сборник. 1970», вып. I; его же. Тарихтан — эдэбиятка. Казан, 1979.

¹⁸ Ш. Ш. Абилов. «Кысса-и Юсуф» Али и булгаро-татарская литература. — «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 год», Казань, 1973; его же. К истокам древней поэмы. — Газ. «Советская Татария» от 6 апреля 1980 г.

¹⁹ См.: Н. Ш. Хисамов. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. М., 1979.

Одним из важных аспектов изучения поэмы является работа над ее критическим текстом. Первая весьма ценная попытка создания критического текста принадлежит известному деятелю татарской культуры, поэту и ученому Г. Утыз-Имяни-Булгари. Подготовленный им в 1824 году критический текст был составлен на основе древних рукописей, ныне, возможно, навсегда утраченных. В основу всех дореволюционных казанских изданий «Кысса-и Йусуф» был положен его текст. Ученый тонко уловил своеобразие авторского стиля и отбросил нехарактерные для него фрагменты, главным образом, религиозного содержания. В рукописях действительно встречаются повторяющиеся многословные дидактические отрывки, стоящие в художественном отношении ниже уровня всего произведения и, возможно, случайно попавшие в текст. Однако Г. Утыз-Имяни опустил и некоторые художественно ценные части поэмы, в которых нашла отражение личность поэта.

С крайней осторожностью подходил Г. Утыз-Имяни к языку поэмы, воздерживаясь от «исправления» орфографических вариантов в написании одних и тех же слов, что проливает свет на процесс становления литературного койнэ. Научную достоверность языка этого печатного издания отмечали и европейские ученые²⁰.

Тщательную работу над подготовкой критического текста памятника провел и Дж. Алмаз.

Третья текстологическая работа представлена в научно-хрестоматийном труде «Борынгы татар әдәбияты», изданном в Казани в 60-е годы. Хотя текст поэмы в нем сильно сокращен, и отчасти нарушены общепринятые принципы научной текстологической работы, он все же имеет определенное практическое значение.

В 1983 году в Казани был издан сводный текст поэмы, подготовленный Ф. С. Фасеевым.

Как известно, в изучении произведений, подобных «Кысса-и Йусуф», созданных на основе общих для мировой литературы сюжетов, важно прежде всего выявление философско-эстетического содержания каждой версии и новизны авторской трактовки.

Логическим продолжением изучения поэмы «Кысса-и Йусуф» в литературоведческом аспекте является установление места поэмы Кул'Али в других тюркоязычных литературах, в сопоставлении ее с другими тюркскими версиями данного сюжета. Думается, что углубленное исследование этой проблемы сулит открытие новых интересных фактов истории тюркоязычных литератур.

²⁰ См.: С. Brockelmann. Указ. раб.

Н. Х. МАКСЮТОВА

БАШКИРСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

(ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

Нормализация современного литературного башкирского языка началась в 30-е годы и продолжается по настоящее время, ибо литературные нормы время от времени требуют определенного пересмотра и внесения поправок с учетом дополнительно выявившихся языковых признаков. Развитие и нормализация лексики непосредственно связаны с использованием внутренних ресурсов языка: диалектных богатств во всем их разнообразии, вовлечением в литературный язык слов и терминов, получивших широкое распространение в устной разговорной речи. Процесс взаимодействия диалектов и литературного языка заключается в дифференциации и обогащении последнего не только лексическими единицами, но и грамматическими формами, в унификации синонимичных и дублетных образований, синтаксических конструкций и т. д.

На первых этапах изучения диалектов башкирского языка перед исследователями стояла задача выявления словарного состава, выяснения значений слов, их систематизации и определения ареала.

Основы научного изучения диалектов башкирского языка заложил Н. К. Дмитриев, хотя и до него были созданы отдельные лексикографические работы ориенталистов-энтузиастов начала XX века¹. Н. К. Дмитриев впервые составил цельную анкету, предусматривающую звукопроизношение, звукоупотребление и семантическую дифференциацию слов в ареальном аспекте. Конкретные результаты и выводы его исследования были опубликованы еще в 1928 году в виде отчета, в котором кратко характеризовались фонетика и лексика разговорного языка башкирского населения центральной и юго-восточной части Башкирии. Здесь же он записывал связные тексты, образцы фольклорных жанров, не утратившие своего значения для изучения отдельных диалектных зон.

В период с 1928 по 1936 год было организовано четырнадцать экспедиций по изучению языка, обычаев, фольклора и музыки башкирского народа. На основе данных экспедиций была составлена лингвистическая карта с разграничением диалектных зон. В 1940 году Институтом языка, литературы и истории им. М. Гафури была созвана Вторая лингвистическая конференция, на которой обсуждалась и диалектная структура башкирского языка. В работе конференции участвовал Н. К. Дмитриев. Была одобрена диалектная карта, включающая три диалекта: восточный, южный, западный и семь наречий. В 1953 году на научном семинаре по языкознанию при участии Н. К. Дмитриева вновь рассматривался вопрос о диалектах башкирского языка и была повторно одобрена диалектная карта, составленная в начале 40-х годов.

С начала 50-х годов диалектологи приступили к системному изучению фонетики, морфологии и лексики территориально ограниченных говоров². В этот период предпринимаются попытки классификации диалектов на несколько ином уровне, нежели в предшествующий период, однако для такой классификации диалектологи еще не были готовы: между ними отсутствовало единогласие не только по вопросу определения географических границ говоров, но и в установлении основных принципов и критериев их определения. Несмотря на ограниченность классификационных принципов (в одном случае только фонетических, в другом — географических, в третьем — морфологических), работы по этим вопросам имели основополагающее значение для дальнейшего развития диалектологии.

В капитальной работе Т. Г. Баишева «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» были зафиксированы редкие диалектные явления, систематизированы и осмыслены диалектизмы, имеющие непосредственное отношение к истории башкирского языка и его диалектной основе. Весьма тщательно охарактеризованы ареальные закономерности и особенности фонетического строя башкирского языка — звуки: *h, ɕ, ʒ, c, b, n, d, t*. Диалектологическая карта современного башкирского языка, таблицы названий родства, названий домашних животных на основе возрастных и половых признаков, составленные Т. Г. Баишевым и снабженные комментариями, — результат кропотливых диалектологических изысканий исследователя. Нет сомнений в том, что методы изучения диалектов, предложенные Т. Г. Баишевым еще в начале 50-х годов, сохраняют свое значение и по настоящее время³. В его работах на основе сравнительно-исторического метода воспроизводится ретроспектива рассматриваемых диалектных явлений, устанавливаются территориальные границы и семантические поля различных лексических групп. В своей классификации башкирских говоров ученый выявил основные линии изофонов и сумел доказать наличие трех башкирских диалектов (восточного, южного, западного) с входящими в них наречиями на *h—ɕ, ɕ, h, ʒ—ɕ, c, ʒ, n—t*, что вполне согласуется с диалектологическими наблюдениями последних лет. Он не ставил целью разыскание в каждом диалекте возможно большего количества отличительных черт, а стремился прежде всего проследить реализацию главных фонетических особенностей башкирского языка и установить географию их функционирования.

Дискуссия относительно существования третьего (западного) диалекта, места его в системе говоров башкирского языка, с одной стороны, и в системе говоров татарского языка, с другой, была продолжительной и довольно острой. В настоящее время можно считать ее уже исчерпанной. Не существует каких-либо точных языковых критериев, по которым можно было бы безошибочно установить существование диалекта, лишенного частных и общих признаков близкородственных языков. В силу определенных исторических условий на данной части территории Башкирии образовался своеобразный языковой регион, характеризующийся наличием особенностей как башкирского, так и татарского языков. Безусловно, в одних зонах отмечаются факты преобладания фонетических признаков башкирского языка (регион по рекам Агидель, Караидель и Туй, Сармасан, Кармасан), в других — преобладания фонетических признаков татарского языка (регион по реке Танып). Считать этот диалект частью татарского языка на основании лишь спорадического употребления звука *ç* вместо общепашкирского *c* — и употребления *c* вместо башкирского *h* — неправомерно, ибо материалы, собранные в период с 1970 по 1982 год методом лингвистической геогра-

фии, показали, что западная диалектная зона отличается в своей основе фонетической системой и закономерностями в области субституции и позиционных изменений гласных и согласных звуков, свойственными башкирскому языку. Что же касается словообразовательных и словоизменительных средств, то эта диалектная зона базируется на исконной башкирской лексике. Сказанное подтверждается материалами «Диалектологического словаря татарского языка» (1969), где диалектизмы современного татарского языка, выявленные на северо-западе Башкирии, входят в активный общепашкирский пласт лексики. Таким образом, это своеобразная лингвистическая зона, которой присущи признаки обоих языков, и ее следует рассматривать с объективным учетом всех лингвистических и экстралингвистических факторов.

Многое в области изучения башкирских диалектов сделал Дж. Г. Киекбаев. В работе «Башкирские диалекты и краткое введение в их историю» ученый поставил вопрос о систематизации диалектов и определении территории их функционирования. В отличие от упомянутой классификации, Дж. Г. Киекбаев придерживается точки зрения В. В. Радлова о наличии двух диалектов башкирского языка — северо-западного и южного, в пределах которых он выделяет девять говоров; их ареалы именуются географическими названиями местности⁴. Диалектологические этюды Дж. Г. Киекбаева сыграли определенную роль в изучении башкирского языка. Сравнительные материалы и исторические сведения, использованные им при первичном описании говоров, попытки установления этимологии отдельных языковых фактов, связи диалектных данных с отдельной территорией — все это имело большое значение для башкирской диалектологии.

С 1960 года началось систематическое изучение диалектов с помощью программ-вопросников⁵, в соответствии с которыми собирались диалектные материалы. Результаты коллективных исследований юго-восточного региона были обобщены в сборниках, в которых давалось описание современного состояния группы говоров на уровнях фонетики, морфологии, лексики. Эти работы отличаются широким охватом материала, точным указанием территории и информаторов, магнитофонной записью текстов-образцов региональной речи.

Этапы изучения диалектов башкирского языка соответствуют этапам изучения других тюркских языков. Наряду с монографическим и другими методами исследования был выдвинут вопрос о создании диалектологического словаря башкирского языка. Диалектная лексикография, помимо диалектологического словаря, включает подготовку иных всевозможных словарей (областных, сравнительных, тематико-отраслевых, фонетических, фonomорфемных, аффиксально-вариативных и т. п.), лексических трактатов, описания терминов и слов, связанных с местными представлениями и обычаями, по образцам, разработанным С. Е. Маловым, В. В. Гордлевским, Н. К. Дмитриевым, Э. Р. Тенишевым.

Несмотря на выход в свет в 1967, 1970 годах двухтомного «Словаря башкирских говоров»⁶, создание диалектологических словарей по отдельным регионам по сей день остается актуальной задачей. В процессе изучения диалектных материалов накопилось много фактов не только по ранее необследованным территориям, но и по уже изученным говорам и диалектам.

В настоящее время завершено составление третьего тома «Словаря башкирских говоров», который охватывает диалектизмы Оренбургской, Свердловской, Пермской, Куйбышевской, Саратовской областей и северо-западного региона Башкирии.

Методика составления третьего тома диалектологического словаря

отличается от методики составления первых двух томов. В третьем томе особое внимание обращено на слова-термины, на оппозиционно-литературные варианты их, а также на русский перевод терминов. Толкование значений и описательный перевод применяются лишь в необходимых случаях. Новшеством является еще и то, что синонимы даются без отсылки к форме-этalonу и с единым унифицированным описанием.

В последние годы особое внимание уделялось диалектной текстологии. Подготовлен к печати сборник «Образцы башкирской разговорной речи». Тексты, включенные в сборник, даны с переводом на русский язык и относятся к различным областям лексики, связанной с народными празднествами и ритуалами, общественно-хозяйственной деятельностью, а также наименованиями из области флоры и фауны, с терминами народной медицины и т. д.

В башкирской диалектологии наметились существенные сдвиги в выделении тематико-семантических групп диалектных слов⁷. Дифференцированный подход в изучении этого разряда диалектной лексики позволяет выявить множество фактов и провести сопоставительные наблюдения в широком плане в больших регионах. Установление ареала и связи областных диалектизмов тюркских языков даст много ценных сведений по их истории и генезису адекватных явлений.

Результатом монографического изучения башкирских говоров явились обобщающие труды по двум опорным диалектам со входящими в их систему говорами⁸. Основное внимание в них уделяется особенностям, а также аномальным признакам с точки зрения общенародного языка. Возникает необходимость в проведении ареальных исследований с отражением общей языковой картины, что позволит наиболее точно определить отношения к явлениям как нормативным, так и междиалектным, сугубо региональным. Такие исследования имеют большое значение не только для разработки проблем исторической диалектологии башкирского языка, но и для обогащения и развития литературного языка.

Наличие значительного материала, собранного по единой программе, позволило исследователям сделать теоретические обобщения по диалектной структуре и языковым особенностям башкирских говоров, сопоставив их с диалектами других тюркских языков⁹. Башкирские говоры в их современном состоянии сохранили ряд признаков, относящихся к более ранним этапам развития башкирского языка. Это позволяет реконструировать определенную ретроспективу возникновения отдельных фонетических явлений, форм и слов, проследить пути формирования и развития башкирских диалектов. Развитие башкирского языка и его диалектов, как и других тюркских языков, происходит на основе консолидации различных племенных и родовых объединений. Поэтому при восстановлении отдельных черт древнебашкирского языка необходимо раскрывать связь того или иного специфического явления или признака с этническими группами башкир, определить как территорию последовательного, непрерывного распространения форм, так и территорию их спорадического, нерегулярного проявления и, наконец, территорию их «затухания» и исчезновения или преобразования. Эти вопросы могут быть решены лишь на основе изучения диалектов методом лингвистической географии. Прослеживая, таким образом, пути возникновения языковых фактов, можно установить ту исходную точку, от которой они распространились. Например, фонетические комплексы *рт* (*барты* 'ходил'), *лт* (*алты* 'взял'), *ңк* (*еңкә* 'сноха'), *ңк* (*караңкы* 'сумерки'), *мк* (*арамка* 'усталый') и другие, наблюдаемые в древних тюркских письменных памятниках, выявлены в среднем (регулярно), карандельском (частично) говорах,¹⁰ в виде остаточных реликтовых

явлений в языке определенной группы башкир Челябинской, Курганской областей, то есть там, где имеются вкрапления представителей древнего племени катай, включающего *оло катай* ('большой катай'), *бала катай* ('малый катай'), *ялан катай* ('степной катай'). Подобный факт позволяет предположить, что данная фонетическая закономерность, относящаяся к числу древнейших явлений, была свойственна изначально языку племени катай. Эта редкая особенность разговорного языка постепенно вытесняется звукосочетаниями *лд*, *ңғ*, *мғ* и т. п.

Четко выделяются этническая основа и регион первоначального функционирования фонем *h*, *ç*. В кыпчакском подговоре восточного диалекта *h* имеет инлаутное, ауслаутное употребление (*бах* 'наступи', *эне* 'жарко'), которому в остальных говорах соответствует *ç*. Аналогичная позиция *h* наблюдается в юго-восточном регионе Оренбургской области главным образом в языке древнего племени кыпчак. В основном и анлаутные глухие *t*, *k*, *q* (*турт* 'четыре', *кел* 'всегда') характерны для говора кыпчаков. Стало быть, распространение указанных фонетических явлений непосредственно связано с особенностями племенного языка кыпчаков. На основе языковых данных путем сравнений и сопоставлений плотности, регулярности или спорадичности этих явлений можно проследить древние места обитания и продвижения отдельных этнических групп.

С начала 1972 года продолжался сбор материалов по единой программе¹ для «Диалектологического атласа башкирского языка». К настоящему времени обследовано 400 опорных пунктов. Подготовлены и изданы работы, посвященные трактовке пучков изоглосс и описанию диалектных особенностей маргинальных зон². В отдельных статьях выдвинута проблема изучения основ диалектной фразеологии и принципов ее разработки³.

При разработке проблем истории языка немаловажное значение имеет выяснение взаимовлияния, контактов и взаимоотношения говоров и диалектов с другими языками в различных историко-лингвистических аспектах. Башкирский язык был в связи с отдельными группами родственных и неродственных языков (монгольских, финно-угорских, славянских). В его лексике прочно закрепились арабоязычные и ираноязычные заимствования. Заимствованные пласты слов представляют интерес с точки зрения формирования и развития говоров. Этот вопрос следует в будущем рассмотреть в аспекте интерпретации пространственных закономерностей в диахронном срезе.

Следует отметить, что башкирская диалектология за последние годы достигла значительных успехов в плане монографического и лингво-географического изучения говоров. Однако в дальнейшем необходимо создать углубленную программу изучения диалектов в связи с отдельными проблемами башкирского языкознания. Программы-вопросники следует нацелить на разработку проблем исторической диалектологии, древнебашкирской лексики, фонетической и морфологической моделей древнебашкирского языка. Не менее важно составление «Сравнительного словаря диалектов» и «Сравнительного словаря говоров», которые позволят перейти к разработке проблем исторической грамматики башкирского языка. Имеется реальная возможность систематизации материала и по синтаксической структуре диалектов.

¹ В. В. Катаринский. Краткий русско-башкирский словарь. Оренбург, 1893; «Башкирско-русский словарь». Оренбург, 1899.

² Н. Х. Ишбулатов. Говор дер. Казмашево Абзелиловского района БАССР. Автореф. канд. дисс., М., 1955; Х. Г. Юсупов. Асинский говор башкирского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1955.

- ³ Т. Г. Башшев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955.
- ⁴ Дж. Г. Киекбаев. Башкирские диалекты и краткое введение в их историю. Уфа, 1958.
- ⁵ «Башкорт теле һөйләштәренән һүзлек составын йыйыу өсөн һораулык». Өфө, 1959; «Анкета. Башкорт теле һөйләштәренән материалдар йыйыу өсөн». Өфө, 1961.
- ⁶ «Башкорт һөйләштәренән һүзлегә», т. 1 (Көнсығыш диалект). Өфө, 1967. «Башкорт һөйләштәренән һүзлегә», т. 2 (Көнъяк диалект). Өфө, 1970.
- ⁷ Н. Х. Максютотова. Башкирская космонимия. — В кн.: «Ономастика Поволжья», вып. 3, Уфа, 1973; *ее же*. Свадебные термины в башкирском языке. — В кн.: «Башкирский языковедческий сборник», Уфа, 1975; *ее же*. Термины коневодства в башкирских диалектах. — В кн.: «Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка», Уфа, 1983; Э. Ф. Ишбердин. Названия животных и птиц в башкирских говорах. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1970; С. Г. Гильманова. Термины родства в северо-западном регионе башкирского языка. — В кн.: «Исследования и материалы башкирской диалектологии», Уфа, 1981; *ее же*. Наименования пальцев рук в башкирских говорах. — В кн.: «Новые материалы и исследования по истории, филологии Башкирии», Уфа, 1981; *ее же*. Наименования молочных продуктов в башкирских говорах. — В кн.: «Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка», Уфа, 1983; Г. Г. Гареева. Названия женских украшений в башкирских говорах. — «Тезисы докладов IX Всесоюзной региональной конференции по диалектологии тюркских языков», Уфа, 1982.
- ⁸ Н. Х. Максютотова. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976; С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.
- ⁹ Н. Х. Ишбулатов. Диалектная система башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. Автореф. докт. дисс., Уфа, 1975; Н. Х. Максютотова. Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование). Автореф. докт. дисс., Баку, 1980.
- ¹⁰ Т. Г. Башшев. Указ. раб.; Дж. Г. Киекбаев. Указ. раб.; Х. Г. Юсупов. Указ. раб.; Ф. Г. Хисамитдинова. Консонантное сочетание башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» в историческом освещении. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1980.
- ¹¹ «Башкорт теленән диалектологик атласы өсөн мәғлүмәт йыйыу программаһы». Өфө, 1973.
- ¹² М. И. Дильмухаметов. Язык среднеуральских башкир. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1980; У. Ф. Надергулов. Язык башкир Саратовской и Куйбышевской областей. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1981.
- ¹³ З. Г. Ураксин. Некоторые вопросы сбора и изучения диалектной фразеологии. — В кн.: «Исследования и материалы по башкирской диалектологии», Уфа, 1981.

РЕЦЕНЗИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»

КАЗАНЬ, 1982, 160 стр.

Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР выпустил сборник, посвященный 110-летию со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию образования ТАССР.

Книга открывается статьей И. А. Абдуллина «В. И. Ленин у истоков большевистской печати на татарском языке». На основе архивных материалов и исторических документов в статье освещаются вопросы организации печати на татарском языке в годы революции 1905—1907 гг. Автор справедливо указывает, что прокламации и брошюры того времени представляют большую ценность с точки зрения исследования истории татарского языка.

Статья З. Т. Шарафутдинова «Значение прогрессивных традиций казанской лингвистической школы для современности» посвящена деятельности выдающихся ученых-языковедов И. А. Бодуэна де Куртене, В. А. Богородицкого, а также М. Курбангалеева, Г. Шарафа, М. Фазлуллина, С. Ершова, Е. Бахмутовой, Г. Алпарова, М. З. Закиева, Э. М. Ахунзянова, основателей известной казанской лингвистической школы. В статье прослеживается ее место в истории развития других отечественных и зарубежных лингвистических школ.

В ряде статей сборника рассматриваются проблемы татарской диалектологии: Л. Ш. Арсланов «О характерных особенностях татарских говоров Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края», Ф. С. Баязитова «Об этнических компонентах крещеных татар по данному языка» (где подчеркивается гетерогенный характер говоров крещеных татар). Д. Б. Рамазанова «О взаимовлиянии говоров близкородственных языков на смежной территории», Т. Х. Хайрутдинова «О месте говора златоустовских татар в системе татарских диалектов», Ф. Ю. Юсупов «О фонетических особенностях говора татар Свердловской области». Отрадно отметить, что вопросы диалектологии рассматриваются в этих

статьях в широком географическом, этническом и языковом (фонетическом, морфологическом, лексическом) аспектах, на богатом историческом материале.

Диалектной и общенародной лексике в историко-этнографическом аспекте посвящена статья Н. Б. Бурганова «Лексико-семантические группы в татарском языке, относящиеся к планировке населенных пунктов». Э. Р. Садыков в статье «Некоторые лексические изоглоссы на территории распространения говоров оренбургских татар» использует новый в татарском языкознании метод анализа диалектной лексики.

Л. П. Смолякова в статье «К диалектному членению русских говоров Волго-Камья» на основе многолетних лингвогеографических исследований выделяет основные группы диалектов и справедливо предлагает в «качестве критерия деления русских говоров на принадлежащие к основной и неосновной территории распространения русского языка не время их формирования, а степень их относительной завершенности».

Ф. С. Фасеев в статье «Некоторые проблемы источниковедения и историографии истории татарского языка» говорит о важности работы в области источниковедения и историографии для получения ценного материала по истории татарского языка. Автор отмечает заслугу и роль К. Насыри в «обособлении татарского языкознания от тюркологии», в самостоятельном его развитии.

Х. Р. Курбатов в статье «Стилевые приемы в древней литературе» прослеживает переход тюркоязычных фольклорных приемов в книжно-литературные. Автор на конкретных образцах древнетатарской поэзии и прозы (XII—XVII вв.) аргументированно показывает органическое сочетание автологических и металогических приемов, архитектоники и метрики восточных литератур (особенно арабской и персидской) в древней татарской литературе.

В статье Р. Г. Ахметьянова «Об источ-

ыхах древнекыпчакского компонента чувашского языка» на основе данных барабинского диалекта, чувашского, марийского и караймского языков реконструируются некоторые особенности кыпчакского языка Среднего Поволжья, существовавшего в домонгольскую эпоху.

Статья Г. Ф. Саттарова «Ономастика и этногенез населения деревни Муллаиле Зеленодольского района Татарской АССР» посвящена описанию ономастического этноязыкового материала деревни Муллаиле. Автор справедливо считает, что здесь было древнее булгарское поселение, а название деревни происходит от древнего булгарского имени *Муллагол*.

Новые интересные факты приводятся в статьях Ф. Г. Гариповой «Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар», Р. К. Рахимовой «Неко-

торые наблюдения по бытованию татарской профессиональной лексики», А. Х. Нуриевой «Булгаро-татарско-финно-угорские языковые связи», Р. А. Юналеевой «Из истории русских слов тюркского происхождения», В. М. Романовой «К вопросу о словосочетаниях с причинно-следственными отношениями в татарском и чувашском языках», А. Ш. Скворцовой «Топонимия Татарии как средство активизации процесса познания».

Рецензируемый сборник, включающий научные статьи, написанные на материале татарского, башкирского, чувашского, марийского, русского, ногайского и караймского языков, представляет большой интерес для ученых-лингвистов, историков и этнографов.

М. Б. Хайруллин

Р. А. ЮНАЛЕЕВА. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ (ТЮРКИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СРАВНИТЕЛЬНО С ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАЗАНЬ, 1982, 120 стр.

Рецензируемая книга относится к числу работ, посвященных вопросам взаимодействия славянских и тюркских языков. Необходимость всестороннего изучения в славянских языках тюркизмов, занимающих значительное место в строе этих языков, неоднократно отмечалась языковедами. Так, Н. А. Баскаков пишет: «Если в современной науке имеется уже немало специальных исследований, посвященных анализу русизмов в лексике, грамматике и фонетике тюркских языков, то исследований, посвященных анализу тюркизмов в русском и в других славянских языках, еще недостаточно, хотя для глубокого понимания процессов развития национальной культуры как славянских, так и тюркских народов эти исследования представляются весьма важными»¹.

Монография Р. А. Юналеевой представляет собой первый опыт системного изучения тюркского пласта лексики в русском и других восточнославянских языках на материале названий одежды. Работа включает: «Введение», в котором сформулированы ее цели и задачи и дана характеристика источников, две главы исследований — «Тюркизмы в названиях верхней и нижней

одежды» и «Тюркизмы в названиях деталей одежды»², «Заключение».

Автором изучен огромный фактический материал, почерпнутый из многочисленных словарных картотек, памятников письменности, различного типа словарей русского, других славянских, тюркских и прочих языков, произведений фольклора и художественной литературы. Значение работы определяется прежде всего характером самого подхода к этому богатейшему материалу. Р. А. Юналеевой выдвинут новый принцип анализа тюркских лексических элементов, основанный на комплексном изучении слов с учетом их различных аспектов: хронологии, этимологии, совокупности значений, фонетико-грамматической вариантности, словообразовательной и фразеологической активности, их ареала.

Автором исследования выявлены тюркские по происхождению названия одежды. Первая и вторая главы работы посвящены общей характеристике тюркизмов — названий одежды и ее деталей — и всестороннему анализу отдельных лексем (*азям, армяк, кафтан, халат, штаны, карман, кайма, тесьма* и др.).

Благодаря использованию строго научных

¹ Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979, стр. 5.

² Автор указывает, что анализ названий головных уборов и обуви составит содержание отдельной работы.

принципов анализа, Р. А. Юналеевой удалось в ряде случаев внести определенные уточнения в приведенные в соответствующих словарях характеристики тюркских заимствований, в их этимологию и временную атрибуцию (слова *халат*, *штаны* и др.).

Важнейшим достоинством монографии Р. А. Юналеевой является, на наш взгляд, ее историзм — история слов рассматривается в их причинной обусловленности и с точки зрения многосторонних связей с жизнью общества в соответствующие эпохи.

Сравнительно новым и интересным направлением в научных изысканиях Р. А. Юналеевой является исследование так называемого «сочетательного спектра» тюркских заимствований и частоты их употребления в качестве производящей основы. Исследования подобного плана могут внести существенные поправки в этимологию тех или иных слов не только русского, но и тюркских языков. Кроме того, они способствуют уточнению словарных толкований исследуемых слов.

Новым в работе является также сравнительная характеристика тюркизмов — названий одежды в русском и других восточнославянских языках по структурно-семантическим и функциональным соответствиям. На основании семантико-функционального исследования заимствований автор приходит к интересным выводам о количественном и качественном различии тюркизмов в лексической системе восточнославянских языков.

Р. А. Юналеева впервые исследует тюркизмы русского и других славянских языков в лингвогеографическом плане. Проследивание ареального функционирования тюркизмов (результат большой и напряженной работы автора) позволило установить территориально-диалектное распространение анализируемых тюркских заимствований. Подразделение тюркизмов на общеязыковые, междиалектные и локально-диалектные, с одной стороны, и на историзмы и

экзотизмы, — с другой, дает достаточно полное представление о степени освоенности рассматриваемых тюркских по происхождению названий одежды в русском языке.

Книга Р. А. Юналеевой написана на высоком научном уровне. Все выводы автора тщательно аргументированы. Научный аппарат в плане русистики, можно сказать, исчерпывающий.

Наши замечания и пожелания по монографии сводятся к следующему. В ряде случаев можно было несколько усилить аргументацию тюркской части (таких, например, слов как *азям*, *халат* и особенно *сарафан*). Было бы хорошо дать в конце книги указатель анализируемых тюркизмов, а также привлечь соответствующий материал из марийского и удмуртского языков, в которых бытует огромное количество тюркизмов, в том числе и тех, которые в самих тюркских языках Поволжья уже вышли из употребления. Например, в удмуртском языке имеется слово *зеп* 'карман', а в марийском — *пармы* 'бармы, кисть'. Слово *карман* — явный чувашизм (от чув. *кагтап* 'плетеный кисет, мешочек, носимый женщинами' от *каг* < булг. **kāg* 'плести'), поэтому нет необходимости обращаться к материалам древних тюркских памятников в поисках прототипа данной лексемы.

В целом книга Р. А. Юналеевой, содержащая новые лингвистические данные, исторические, этнографические и общекультурные сведения, является ценным в научном и практическом отношении социолингвистическим исследованием, равно интересным для русистов и тюркологов.

Предлагаемый автором опыт комплексного изучения тюркизмов на материале названий одежды может быть использован для исследования заимствований вообще, независимо от языка-источника и тематического состава лексики.

Р. Г. Ахметьянов

Г. Х. ЭХАТОВ. ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ ФРАЗЕОЛОГИК ӘЙТЕЛМӘЛӘР СҮЗЛЕГЕ

ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1982, 176 стр.

Фразеология в татарском языкознании является одним из сравнительно хорошо разработанных разделов. Еще в конце 50-х годов были опубликованы первые учебные словари фразеологизмов татарского языка¹

¹ Л. Жәләй, Л. Мәхмүтова. Татар теленен фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре. Казан, 1957; Н. Б. Борһанова, Л. Т. Мәхмүтова. Русча-татарча фразеологик сүзлек. Казан, 1959.

Широко представлена фразеология в трехтомном сборнике пословиц и поговорок татарского языка, составленном писателем Наки Исанбетом². Известны работы в этой области Г. Х. Ахунзянова, Г. Х. Ахатова и других.

Рецензируемый словарь фразеологизмов татарского языка, составленный Г. Х. Аха-

² Наки Исәнбәт. Татар халык мәкал-ләре. I—III том. Казан, 1959—1967.

товым, как по объему, так и по структуре относится к серии учебных пособий. В него включено около 2500 фразеологизмов современного татарского языка.

В предисловии составитель определяет основные признаки фразеологических единиц, отличающие их от пословиц и поговорок, характеризует типы фразеологизмов и их выразительные возможности в контексте.

Материал словаря располагается в алфавитном порядке, удобном для практического пользования. Каждая фразеологическая единица толкуется и сопровождается иллюстративными примерами. В словаре отражены и варианты фразеологизмов: если тот или иной вариант совпадает с основной формой, будучи лишь ее структурной парой, то он приводится в одной словарной статье с ней; если же варианты формы имеют какие-либо семантические оттенки, то они выносятся в заглавную часть словаря и толкуются как самостоятельные единицы.

Автором собраны и представлены в словаре оригинальные фразеологизмы современного татарского языка, которые не встречаются в близкородственных языках. Например: *ак канат булып (үсү)* '(расти) нежным, не зная забот и труда'; *алла бозавы 'мямля'; арт маңгае чсыкылы 'врун'; бал аячы 'доходное место'; йон йөрәк 'пугливый' и т. п.*³ Таких примеров немало. В соответствии с семантикой и структурой фразеологизмов применяются различные формулы толкований.

С нашей точки зрения, при отборе фразеологических единиц, составитель допускает некоторые неточности: в словарь включены отдельные словосочетания, не характерные для татарского языка в целом, относящиеся к индивидуальному стилю того или иного писателя. Например: *бер басуда үскән тизәнк* 'единомышленники в дурных делах' (стр. 35). В недавно изданном трехтомном «Толковом словаре татарского языка» подобный фразеологизм отсутствует. Нам представляется, что составитель рецензируемого издания недостаточно использовал опыт и материалы этого словаря, в котором очень богато представлена татарская фразеология, тщательно разработанная в лексикографическом плане.

Вряд ли можно принять за нормативные языковые единицы буквальные переводы русских фразеологизмов, такие как *бер түбә астында йәшәү* 'жить под одной кры-

шей' (стр. 35), *гайкасы йомшак* 'гайка слаба' (стр. 43) и т. п., которые встречаются только в индивидуально-авторском словопотреблении.

Выдвигая в предисловии тезис о категориальных свойствах фразеологизмов, составитель при отборе единиц словаря иногда от него отступает: по-видимому, не вполне соответствуют требованиям, предъявляемым к фразеологизму, включенные в словарные статьи сочетания типа *авыр сүз* (стр. 17), *татлы уйга талу, татлы хыялга чуму* (стр. 125). Последнее в толковом словаре татарского языка дано на слово *уй* в форме *уйга талу*⁴, прилагательное же *татлы* 'сладкий' относится к лексическому окружению фразеологизма и не входит в его состав.

Значения полисемантических фразеологизмов удобнее приводить, пользуясь арабскими цифрами, как это принято во всех словарях. В данном словаре различные значения отделены запятой или точкой с запятой: *кан кою — үтерү; сугышта яралану* (стр. 69), *күңел очу нидер эзләү, хыялланду, уйлану* (стр. 99) и т. п., что создает определенное неудобство для пользования, ибо трудно отличать многозначие от синонимии, тем более что это никак не оговаривается. Сложные глаголы типа *кабарынып киту* 'воспламениться, разгневаться', *кабынып киту* 'разгорячиться', на наш взгляд, тоже не являются объектом фразеологии. Переносное значение данных словосочетаний выражено в основном глаголе, а вспомогательный глагол *киту* вносит лишь оттенок интенсивности.

Составитель не дает также каких-либо стилистических помет к фразеологизмам, хотя это необходимо, особенно после выхода в свет нормативного толкового словаря татарского языка, регламентирующего употребление фразеологических единиц.

Несмотря на имеющиеся недостатки в построении и отборе фразеологических единиц, рецензируемый словарь может стать весьма полезным пособием для учащихся и преподавателей татарского языка, а также журналистов, писателей и исследователей, занимающихся сравнительным изучением фразеологии тюркских языков.

Материалы данного словаря могут быть использованы при подготовке полного толкового словаря фразеологизмов татарского языка.

З. Ураксин

³ Перевод толкований значений фразеологизмов везде наш. — З. У.

⁴ «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге». Т. 3. Казан, 1981, стр. 299.

Г. Ф. ВЛАГОВА. ТЮРКСКОЕ СКЛОНЕНИЕ В АРЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН)

ИЗД-ВО «НАУКА», ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
М., 1982, 304 стр.

В последнее время в тюркологической литературе часто подчеркивается, что актуальной задачей тюркского языкознания в настоящее время является разработка четких методологических принципов интерпретации и последующая на этой основе интерпретация огромного фактического материала, накопленного и систематизированного рядом поколений ученых, изучавших конкретные тюркские языки в синхроническом и диахроническом аспектах. Число подобных работ с каждым годом растет. Достаточно упомянуть субстанционально-диалектическую интерпретацию грамматического строя тюркских языков, разрабатываемую С. Н. Ивановым, своеобразные системные интерпретации, развиваемые в работах Г. П. Мельникова, Э. А. Груниной, Т. М. Гарипова, Д. М. Насилова, В. Г. Гусева, И. В. Кормушина, Г. Н. Зикриллаева, синтаксические разработки Н. З. Гаджиевой, А. Нурманова, К. Абдуллаева и др. В этих работах главным является не сбор, систематизация и введение в научный обиход нового материала (языкового факта), а вскрытие внутренней (языковой) системы и механизма противопоставления, которые определяют и обуславливают конкретные случаи функционирования в речи различных взаимосвязанных языковых единиц. В указанных исследованиях основной упор делается на содержательную сторону языковых единиц. В отличие от них, в рецензируемой работе Г. Ф. Благовой исследуется (с новых системных позиций) формальная сторона грамматики тюркских языков на примере одной из наиболее развитых морфологических категорий — тюркского склонения. В данном исследовании, вышедшем в период подготовки диалектологического атласа тюркских языков СССР, автором разрабатываются основы ареального изучения формальных средств тюркских языков. Г. Ф. Благова четко разграничивает понятия «ареал», «зона», «регион» (которые нередко в лингвистической литературе смешиваются). «Ареал» — это территория распространения изучаемого явления, четко ограниченная изоглоссами (стр. 24); «зона» — территория распространения формы, устанавливаемая приблизительно (там же). Под «регионом» понимаются «определенные географические области языков, характеризующиеся общими структурными признаками» (там же). Автор раскрывает конкретное содержание и таких терминов и понятий, как «изоглосса», «изоглоссные формы» (стр. 22—23), подробно описывает методику ареальных исследований и картографирования.

В первой главе «Принципы описания тюркского склонения» Г. Ф. Благова под-

робно излагает методику, положенную в основу своей работы, разъясняет значение используемых терминов (парадигма, тип склонения, системообразующие и классифицирующие признаки и др.). Рассматривая вопрос об однотипности или разнотипности тюркского склонения на основе взаимоотношения категорий падежа и принадлежности, Г. Ф. Благова выделяет две структурные разновидности тюркского склонения — именную и посессивно-именную парадигмы, на которые накладывается другая структурная разновидность склонения — местоименная парадигма (стр. 36—37). Три структурные разновидности тюркского склонения в языке изучаемого региона проявляются в четырех типах склонения — 1) огузском, 2) кыпчакском, 3) уйгуро-кыпчакском, 4) карлукском. При выделении именной и посессивной структурных разновидностей тюркского склонения автор опирается, в частности, на грамматическую трактовку загадочного *-н-*, который рассматривается ею как инфикс, что достаточно убедительно аргументируется. Правомерен, на наш взгляд, вывод: независимо от характера своего происхождения и возникновения в древних и современных тюркских языках, этот *-н-* является сигнализатором посессивно-именной парадигмы и играет определенную грамматическую роль как один из разграничителей конкретной структурной разновидности склонения (стр. 33—37).

Выявление (классификация) типов и подтипов этих двух структурных разновидностей тюркского склонения в регионе осуществляется Г. Ф. Благовой на основании единых системных классифицирующих признаков, включающих «совокупность признаков форм в контексте их внутрипарадигмных соотношений, парадигмной дистрибуции и парадигмной емкости (разрядка нашла. — Х. Н.) каждой из этих форм» (стр. 43). Очевидно, что предлагаемая классификация типов склонения по данным современных диалектов и исторических памятников основана не на употреблении изолированных форм, отдельно взятого того или иного показателя (варианта) падежа, а на использовании каждой признаковой формы в сочетании с другими (то есть в ее внутрипарадигмной связи), на степени универсальности употребления признаковой формы в данной парадигме.

Г. Ф. Благова дает детальную дистрибуцию вариантов падежных показателей в каждом типе склонения, останавливается на общей характеристике этих типов, особенностях их проявления в тюркских языках (и диалектах) юго-восточного и дру-

гих регионов, выявляет точки соприкосновения и расхождения между ними, иллюстрируя все это подробными таблицами (стр. 43—55). В рецензируемой работе приведена своеобразная классификация современных тюркских языков по типу склонения. К огузскому типу автор относит языки турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский и примыкающим к нему считает чувашский. К кыпчакскому типу наряду с татарским, башкирским, кумыкским, крымско-татарским, караимским, ногайским, каракалпакским, казахским языками относит склонение также киргизского, алтайского, якутского, хакаского, сааларского языков. К уйгурско-кыпчакскому типу автор относит склонение в языках тувинском, чulyмско-татарском, сарыг-югурском, шорском. К четвертому типу — карлукскому, отнесено его склонение в узбекском и ново-уйгурском языках.

Общими свойствами для каждого типа склонения автор считает нижеследующие. Для огузского типа — морфонологический характер выбора консонантического или вокалического начала падежных показателей, ограниченность только 3-м лицом оппозиции «именная и посессивно-именная парадигмы». В кыпчакском типе склонения противопоставление вокалического и консонантического начала падежных показателей предопределено грамматическими условиями (именная парадигма — консонантическое начало, посессивно-именная парадигма — смешанное); в посессивно-именной парадигме противопоставляются формы в зависимости от аффиксов лица/числа. Уйгурско-кыпчакский тип склонения характеризуется максимальной емкостью консонантического начала (то есть отсутствием вокалического начала) в обеих парадигмах, и посессивно-именная парадигма отличается наличием *-н-* в локальных падежах. Карлукскому типу свойственны: однообразие обеих парадигм, консонантическое начало, отсутствие инфикса *-н-*. Эти общие свойства и признаки употребления тех или иных вариантов падежных показателей в различных комбинациях устанавливаются автором на основании синхронических данных современных тюркских языков и диалектов.

Методика и принципы системного анализа, выдвинутые в рецензируемой книге, несомненно, могут быть с успехом применены при системном исследовании формальной стороны и других морфонологических категорий тюркских языков.

Остановимся на употреблении автором термина «вариант падежного показателя», которым обозначаются как морфологически значимый, так и чисто фонетически обусловленные варианты падежных показателей (например, морфологически значимые *-га* и *-а* в кыпчакском типе склонения и морфонологические варианты с консонантическим или вокалическим началом в огузском типе склонения). Представляется, что этот термин целесообразно было бы со-

хранить исключительно за морфонологическими явлениями в ряду форм одной парадигмы. Выбор того или иного фонетического оформления падежного показателя характеризуется дополнительной дистрибуцией (фонетическими условиями, сингармонизмом). Разграничение терминов для морфологически значимых и морфонологических явлений придало бы работе еще большую четкость.

Грамматический характер используемого в книге термина «инфикс» — *-н-* как показателя, сигнализатора посессивной парадигмы, жесткость его синтагматической связи (после аффиксов принадлежности и перед падежным показателем) не вызывают сомнений. Однако можно ли его именовать «инфиксом», если под последним в языкознании, как правило, понимают «аффикс, вставляемый внутри основы» (О. С. Ахманова). Это положение остается спорным.

Вторая глава работы посвящена ареальному исследованию склонения в современных тюркских языках и диалектах юго-восточного региона. Здесь устанавливаются центральные и маргинальные зоны каждого типа склонения, его иррадиации из центральной зоны, а также зоны смешанного употребления разных типов склонения по данным современных языков и диалектов. Благодаря этому выявляются новые подтипы тюркского склонения, возникающие путем контаминации в различных вариантах вышеуказанных четырех типов и двух структурных разновидностей тюркского склонения. Разработав оригинальную систему условных знаков для картографирования каждой формы, типов и структурных разновидностей склонения, Г. Ф. Благова на большой картосхеме 1 показывает современное состояние склонения в тюркских диалектах на территориях современного Узбекистана, юго-западной и центральной части Казахстана, Киргизии, Туркмени и Северного Ирана; на картосхемах 4 и 5 указаны центральные и иррадиационные зоны склонений кыпчакского и огузского типов. Автор ограничивает центральную зону карлукского типа склонения территориями, населенными носителями ферганско-ташкентской и бухарско-самаркандской групп говоров узбекского языка (стр. 64), определяет зоны размытости изоглосс (стр. 65—66), выявляет особенности склонения переходного ареала (зоны варьирования карлукских и кыпчакских изоглосс), его вклинивания в другие зоны (стр. 60), направление иррадиации карлукского типа склонения из его центральной зоны (стр. 73—85). Центральной зоной кыпчакского типа склонения автор считает среднеказахстанские (стр. 86), а огузского типа — центрально-туркменские территории и наглядно показывает иррадиации этих типов склонения, их смешение на картосхемах 4 и 5, где конкретно описаны взаимодействия карлукского и огузского типов склонений на этой территории. Подчеркивая значение ареальных исследований современных тюркских диа-

лектов, Г. Ф. Благова справедливо отмечает: «Ареальное исследование склонения в современных тюркских языках и диалектах юго-восточного региона, с одной стороны, способствует дальнейшему развитию исторической диалектологии и истории отдельных тюркских языков, а с другой — смыкается со сравнительной грамматикой тюркских языков, помогая осмыслению эволюционных тенденций тюркского склонения» (стр. 94).

Третья и четвертая главы работы посвящены изучению склонения по данным сочинений Махмуда Кашгарского, Юсуфа Баласагунского, Ахмада Югнакского, а также поэтических и прозаических произведений Алишера Навои, его старших современников, Бабура и «Шейбани-наме» Салиха (стр. 98—182). Исходя из положения о том, что в языке поэзии архаичные и разноречные формы согласно требованиям рифмовки и метрической системы стихосложения могут стать равнофункциональными, автор анализирует языковой материал на основе жанрово-стилистических критериев. Прделана большая работа по определению частотности каждого варианта падежного показателя, выявлению его статуса, причин употребления, ритмико-мелодических и стилистических функций в каждом конкретном случае, благодаря чему «устанавливается, составляют ли формы безразличного материала структурно-упорядоченную совокупность» (стр. 100). Г. Ф. Благова определяет базисные системы склонения в языке каждого из изучаемых памятников караханидской эпохи (стр. 111, 137, 144): в поэтических произведениях старших современников Навои (стр. 157—161), в прозе и поэзии Навои, Бабура (стр. 165) и «Шейбани-наме» Салиха (стр. 176), их классифицирующие признаки, емкость парадигмы; выявляет варьирующие, а также инодиалектные формы, не укладывающиеся в базисную систему, дает исторические и жанрово-стилистические комментарии, мотивирующие использование каждого варианта падежных показателей в конкретных случаях их функционирования. Путем детального анализа архаизации падежных показателей автор однозначно решает спорный вопрос о хронологии сочинения Ахмада Югнакского (стр. 143).

Базисная система склонения в языке памятников караханидского периода устанавливается как историческая разновидность третьего (уйгурско-кыпчакского), а памятников XV—XVI веков — четвертого (карлукского) типов тюркского склонения (стр. 165). Употребление каждого варианта падежных показателей в языке изучаемых памятников, представленного хотя бы одной словоформой (например, винительный падеж на — (-)г, встречающийся в сочинении Ахмада Югнакского всего два раза), получает в книге конкретное вполне обоснованное объяснение.

Формальный аспект морфологии тюркоязычных памятников впервые исследуется

в таком широком аспекте и с такой системной историко-диалектальной и жанрово-стилистической глубиной. Изыскания автора показывают перспективность методики анализа фактического материала, разработанной ею. Выводы, содержащиеся в работе, обстоятельно аргументируются и интерпретируются автором, что выгодно отличает ее от исследований, в основном констатирующих, классифицирующих и систематизирующих факты.

Вопросы взаимоотношений книжно-письменных языков двух рассматриваемых эпох (XI—XII, XV—XVI вв.) со средневековыми диалектами юго-восточного региона составляют содержание пятой главы. Описав методику и технику ареально-исторического исследования (стр. 183—187), Г. Ф. Благова с помощью связанных хроноизоглосс — графических изображений склонения языков изучаемых памятников (а также языка «Алтур ярук»), где специальными условными обозначениями выделены базисные формы, варьирующие и инодиалектные показатели, типы склонения и т. д., — наглядно показывает соотношение форм книжно-письменного языка с местными диалектами и приходит к выводу, что уже в XI веке книжно-письменный язык характеризовался осознанно проводимой стандартизованностью (стр. 192). Наряду с этим на материале языка памятников, современных и древних тюркских языков в работе определены историческая центральная зона уйгурско-кыпчакского типа склонений (Южная Сибирь, Монголия), его маргинальные зоны и иррадиации, взаимоотношения чагатайского языка XV—XVI веков, характеризующегося карлукским типом склонения, с другими некарлукскими диалектами, особенности юго-западной зоны склонения огузского типа. Составлена картосхема 7, где указана локализация чагатайских текстов по особенностям склонения. На основании этих материалов делаются выводы о характере наддиалектного и надтерриториального чагатайского литературного языка (стр. 223—226), опорный диалект которого, по мнению автора, отличается от такового в литературном языке караханидской эпохи.

Опираясь на экстралингвистические факторы (что само по себе вполне обосновано в подобных случаях), Г. Ф. Благова под термином «чагатайский язык» понимает книжно-письменный язык XV—начала XVI века и раскрывает содержание данного термина (стр. 155—156, 224 и др.). Однако, на наш взгляд, представляется несколько преждевременным и спорным априорное выделение особого чагатайского языка XV—XVI веков, отличающегося от языка староузбекских памятников последующих эпох, ибо наддиалектный, надтерриториальный и нормоопределяющий характер произведений Алишера Навои как литературного эталона сохраняется неизменным вплоть до XVIII века, а в лирике — до XIX века. С учетом этой особенности

пришлось бы либо расширить временные рамки чагатайского языка до указанных периодов и допустить ту же «неосновательность», которая критикуется автором работы (стр. 156, 224), либо же имплицитно предположить наличие особого литературного языка для староузбекских памятников XVI—XVIII и последующих веков, что, видимо, далеко от истины. Кроме того, поскольку почти каждый автор (правда, часто со многими оговорками) вкладывает в термин «чагатайский язык» свое понимание, было бы желательным вообще не прибегать к нему.

Заключительная шестая глава «К истории развития тюркского склонения» по своему характеру напоминает первую, но выполнена на совершенно ином научно-теоретическом уровне. Если первая глава является, образно выражаясь, преддверием ареально-исторического исследования, то последняя показывает, какие теоретические выводы можно сделать на основании такого исследования. В главе рассматриваются вопросы эволюции тюркского склонения и реконструкции общетюркского склонения. В частности, автор отмечает следующие тенденции в развитии тюркского склонения: 1) количественное сокращение древних (синтетических) падежных форм; 2) противоположная тенденция к увеличению количества падежей за счет аналитических форм (падежная форма + послелог); 3) аналогическое выравнивание падежных парадигм (увеличение емкости парадигм); 4) противоположная тенденция к обособлению падежных парадигм (особенно при

склонении местоимений и в ряде языков — глагольно-именных форм).

Г. Ф. Благова на основании системного анализа формальной стороны категории падежа делает убедительные выводы о невозможности усматривания генетической общности между показателем винительного падежа *-ин* и инструменталисом *-ин*, об историческом составе падежных форматов *-на/-нга* (<инфикс *-н+га*), *-нан* (<инфикс *-н+дан*), о распространении и причинах возникновения усложненного местоименного склонения, об исторически позднем характере унифицированного типа карлукского склонения и др.

В книге Г. Ф. Благовой формальный аспект тюркского склонения нашел свою строго системную и историческую интерпретацию и был в ареально-дистрибутивном плане охарактеризован по языкам и территориям. Все это, а также рассмотрение тюркского склонения как строгой системы с собственными внутренними закономерностями сосуществования составляющих ее элементов, тенденциями развития обеспечили новаторский характер работы. Книга убедительно доказывает, что формальная сторона тюркской морфологии изучена еще неполностью, а лишь в части регистрации и систематизации отдельных форм. Что же касается ее системной, исторической и ареальной интерпретаций, то эти проблемы в будущем могут и должны привлечь внимание исследователей тюркских языков, и в решении этих задач значение рецензируемой книги, несомненно, будет ощутимым.

Х. Г. Нигматов

ӘБСАТТАР ДЕРБИСӘЛИЕВ. ШЫНЫРАУ БҰЛАҚТАР. ЗЕРТТЕУЛЕР, МАҚАЛАЛАР

«ЖАЗУШЫ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1982, 256 стр.

Одной из основных проблем современного казахского литературоведения является изучение взаимосвязей, взаимодействия и взаимообогащения казахской литературы и других литератур. Истории связей арабско-иранской и тюркоязычной, в частности, казахской, литератур и посвящена рецензируемая монография А. Б. Дербисалиева.

А. Б. Дербисалиев известен как специалист по арабской филологии. В своей новой книге он исследует этапы развития взаимосвязей литератур тюркских и арабских народов.

Книга состоит из трех частей: «Глубокие корни», «Шкатулка древностей» и «Дружественные нити».

В первой части автор приводит интересные сведения об арабских странах, почерп-

нутые в трудах путешественников и ученых прошлого. По мнению А. Б. Дербисалиева, относительная стабильность художественных образов и приемов фольклора бедуинов объясняется обособленностью их образа жизни. Основная тема песен бедуинов — это восхваление своего племени и осуждение чужих племен. Поэзия бедуинов разделяется на следующие жанры: *хиджа* (сатира), *газаль* (любовная лирика), *ваф* (описание природы), *фахр* (восхваление самого себя), *риса* (элегия). Автором анализируются и другие жанры с привлечением широкого иллюстративного материала, приводятся сведения о жизни и творчестве выдающихся поэтов-бедуинов, о народных легендах, нашедших отражение в их творчестве.

Известно, что культура тюркских народов развивалась в самобытном русле до завоевания их стран арабами. Древние тюркские города, и среди них Отрар (Фараб), где жил и работал ученый-энциклопедист Абу Наср аль-Фараби, уже давно привлекают внимание историков и филологов разных стран. А. Б. Дербисалиев, анализируя приводимые ими данные, знакомит казахского читателя с новыми интересными фактами.

Автор использовал источники, содержащие сведения о биографии аль-Фараби, и различные сведения из трудов арабских историков XII—XIII веков.

Подробно останавливается автор на характеристике произведений современных аль-Фараби поэтов и философов, в том числе и классика арабской литературы Ахмада аль-Мутанабби. Автор приводит интересные данные о последователях аль-Фараби — Юсуфе Баласагуни и Махмуде Кашгари, пытается установить связь произведения Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» с трактатами аль-Фараби.

Анализируя кыпчакские памятники «Кодекс Куманикус», «Мухаббат наме» аль-Хорезми, «Латафат наме» Ходжанди, «Тагашшук наме» Сиди Ахмада, А. Б. Дербисалиев показывает, как характерные черты социальной и культурной жизни того времени отражались в художественном творчестве народа. Автор отмечает, что кыпчаки населяли не только территорию Казахстана, но в XII—XIV веках они жили и жили в Египте. Часть кыпчаков получила известность в истории под названием мамлюков. В период правления мамлюков Египет достиг высокого развития во всех сферах жизни.

А. Б. Дербисалиев подробно описывает архитектурные памятники, созданные после татаро-монгольского нашествия, во времена правления Тимура, в частности мавзо-

леи, предлагает свои толкования сохранившихся на них настенных надписей.

Во второй части книги А. Б. Дербисалиев исследует взаимосвязи литератур в наше время, останавливается на влиянии советской литературы на современную арабскую. В третьей части работы подчеркивается, что многие восточные поэты XX века в своих произведениях не раз обращались и обращаются ныне к образу В. И. Ленина. Ленинская тема нашла отражение в творчестве индийского поэта Мухаммада Икбала, поэтов Ирана Вахида Дастгари, Арефа Казвини, Абукасыма Лахути. Автор убедительно показывает, что образ Ленина в сознании восточных народов неразрывно связан с идеалами свободы и справедливости.

В книге показана популярность в арабских странах произведений Абая.

Автор анализирует пути развития, особенности проблематики, жанровую специфику современной марокканской, тунисской, ливийской, алжирской арабоязычных литератур, знакомит с творчеством писателей Сирии и Египта.

В рецензируемой работе прослеживается благотворное влияние творчества М. Горького на литературу Арабского Востока. Это подтверждает творчество сирийского писателя Ханна Мины, по праву считающегося последователем М. Горького.

А. Б. Дербисалиев останавливается на творчестве египетского писателя, лауреата Международной Ленинской премии мира Абд ар-Рахмана аль-Хамси, его связях с казахской советской литературой.

Рецензируемая книга А. Б. Дербисалиева является ценным пособием для студентов, изучающих литературы народов Востока, содержит богатый фактический материал.

Х. Ж. Суюншалиев

Н. Х. ОЛЬМЕСОВ. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА КУМЫКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

МАХАЧКАЛА, 1982, 85 стр.

Необходимость сопоставительного изучения грамматики отдельных тюркских языков с грамматикой русского языка диктуется прежде всего практическими задачами школьного и вузовского преподавания (двухпрофильность тюркоязычных отделений в вузах, изучение русского языка в средней школе и др.). К тому же уровень разработанности фонетической системы и грамматического строя русского языка оказывает благотворное воздействие на разра-

ботку вопросов фонетики и грамматики родного языка.

Н. Х. Ольмесовым исследуются звуковая система, основные фонетические закономерности, а также морфология именных частей речи кумыкского языка в сопоставлении с русским языком. Задачи сопоставительно-типологического исследования осложнены тем обстоятельством, что кумыкский язык до сих пор фактически остается недостаточным изученным: совершенно не изучен, на-

пример, его звуковой строй, отсутствуют систематические исследования по грамматике и т. д. Именно поэтому приводимые в книге наблюдения и выводы автора по фонетике и морфологии кумыкского языка, несмотря на предельную сжатость изложения, могут быть расценены как определенный шаг в изучении структуры современного кумыкского языка.

Книга включает введение, две главы, библиографию.

В первой главе — «Фонетика» — методом субъективно-слухового анализа дается подробная артикуляционная характеристика звуков кумыкского языка и на основе их сопоставления с аналогичными звуками русского языка выявляются имеющаяся типологическая общность и различия между ними. Весьма тщательно в этом аспекте исследована автором система вокализма: описаны артикуляторные особенности всех восьми кумыкских гласных звуков (*а, о, у, ы, и, э, ов, уб*) и на богатом фактическом материале охарактеризованы их позиционные варианты. Особого внимания заслуживают, на наш взгляд, приведенные автором данные кумыкских диалектов: специфика употребления звука *аь* (варианта фонемы *а*) в различных диалектах, специфика употребления звука *уб* в буйнакском диалекте и др. Исследуя согласные, автор останавливается в основном на тех звуках, которые по своей артикуляции или акустическим характеристикам отличаются от соответствующих звуков русского языка (*й, х, ч, г, к*) или являются специфическими для кумыкского языка (*ж1, гз, кз, нз*). В этой же главе кратко охарактеризованы присущие кумыкскому языку основные типы изменения звуков в потоке речи (сингармонизм, ассимиляция согласных, позиционные закономерности в начале и в конце слова). Одновременно автором прослеживается влияние этих особенностей на произношение русских слов кумыками.

Во второй главе — «Морфология» — проводится сопоставительный анализ именных частей речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение). Автор изложены интересные наблюдения в области специфики корня и аффиксов в кумыкском языке, подробно описаны языковые средства, адекватные по значению русским приставкам и суффиксам.

В рецензируемой книге на богатом фак-

тическом материале и на основе хорошо продуманной методики проводится сопоставление грамматических категорий имени существительного в обоих языках. Подробно описаны значения падежей в каждом из сопоставляемых языков. Автор указывает на пять значений родительного падежа в кумыкском языке: 1) родительный принадлежности (*Ильични васиятлары*), 2) родительный отношения (*партияни члени*), 3) родительный субъекта (*артистни йырлаву*), 4) родительный признака (*адамни иш сююю*), 5) родительный объекта (*школаны кзрулушу*) и на одиннадцать значений исходного падежа (место, сравнение, косвенный объект, причина действия, орудие действия и др.). Перечислены также основные значения именительного падежа. Следует однако отметить, что Н. Х. Ольмесов недостаточно последователен в освещении данного вопроса: утверждая, что именительный падеж может выступать в функции определения (*юрт актив, денгиз язга*), эту же падежную форму в функции прямого объекта он называет неоформленным винительным падежом (*охувчы масгала чече*).

Сопоставляя значения косвенных падежей с предлогами в русском языке и падежными формами, не имеющими прямых аналогов в кумыкском языке, автор подробно описывает значения послелогов, послеложных слов и вспомогательных имен существительных кумыкского языка. При сравнительно небольшом объеме изложения автору удалось выявить по существу все специфические особенности, присущие именным частям речи обоих языков.

Книга снабжена схемами и таблицами, отражающими различные модели образования грамматических форм и парадигм склонения в сопоставляемых языках. Ценными в работе следует признать также методические указания, способствующие усвоению сопоставляемых языков на научной основе и устранению типичных речевых ошибок кумыков при произношении русских слов и оборотов.

Рецензируемая работа Н. Х. Ольмессова выполнена на высоком научном уровне и может быть использована при дальнейших научных изысканиях по кумыкскому и другим тюркским языкам.

Ф. М. Хисамова,
Ф. Ю. Юсупов

С. С. СУРАЗАКОВ. ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ. СТАТЬИ О ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АЛТАЙЦЕВ.

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА,
ГОРНО-АЛТАЙСК, 1982, 143 стр.

С. С. Суразаков был видным исследователем, собирателем и публикатором алтайского фольклора, педагогом, переводчиком, поэтом. Как фольклорист С. С. Суразаков справедливо полагал, что одним из основных аспектов изучения эпоса является исследование его воздействия на формирование общественного сознания.

Разносторонность научных интересов С. С. Суразакова нашла наглядное отражение в тематике статей и докладов, помещенных в рецензируемом сборнике.

Много внимания С. С. Суразаков уделял сравнительно-историческому изучению эпоса не только тюркоязычных, но и монголоязычных народов. Это сказалось на тематике его работ: «К проблеме сравнительно-исторического изучения эпоса народов Сибири» (1959), «Калмыцкий „Джангар“ и героический эпос алтайцев» (1972), «Об алтайском сказании „Алып Манаш“ и о распространении сюжета об Алпамыше у ряда народов» (1959).

Особое место в рецензируемом сборнике занимает проблема общности эпоса и древних письменных памятников, которой посвящена статья «Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов (на примере алтайского эпоса)» (1975). Тесно связан с этим и более общий вопрос о причинах появления сходных черт в эпосе тюркоязычных народов. С. С. Суразаков выступает против голого типологизирования эпических произведений: «В последнее время, — пишет он, — эпосоведы стали увлекаться изучением типологических сходств и совпадений в эпосе разных народов... Но когда мы говорим об эпосе тюрко-монгольских народов, то мы имеем здесь дело... и с глубокими генетическими связями» (стр. 22). И выше: «Эпос западных монголов и алтайцев, несомненно, также говорит о тесных связях этих народов, являющихся соседями в течение многих столетий» (стр. 17).

В первой статье автор высказывает сожаление по поводу того, что современные фольклористы исследуют эпическое творчество народов Сибири «чаще всего обособлено друг от друга (чего не было у прежних исследователей, например, у Потанина, Владимирцова, Малова). Именно из-за отсутствия подобных исследований... остается нерешенным и спорным ряд вопросов генезиса мифологии, сюжетов и мотивов эпоса народов Сибири, находившихся в исторических, культурных и даже эпических связях между собой» (стр. 10—11). Однако в трудах этих исследователей не все удовлетворяет автора. Так, Г. Н. Потаниным, пишет он, «игнорировались национальные черты, самобытность, своеобразие эпоса каж-

дого из этих народов», которые лежали в основе «своеобразия многих сюжетов, образов, идей и поэтических особенностей» в этих произведениях (стр. 10—12).

Предлагая новый термин «генетико-типологическая общность», С. С. Суразаков пишет: «Сравнительно-историческое изучение эпоса народов Сибири выводит фольклористов за рамки национальной обособленности и дает широкую возможность глубже изучить проблемы генезиса, истории и национального своеобразия эпоса этих народов» (стр. 21). Автор настаивает на выявлении не только сходств, но и различий между эпосом разных народов. Обособленное изучение эпоса отдельных народов составляет, по его мнению, недостаток не только многих исследований, но и вузовских курсов (стр. 22).

На сравнительно-исторический метод изучения «национальных версий» автор возлагает большие надежды. Этот метод, по его мнению, должен помочь определить «эпоху возникновения эпоса, пути распространения вариантов, древнейшие первоначальные пласты, национальный вклад каждого народа в дальнейшую разработку этого эпоса и т. д.» (стр. 17). В другой работе он дополняет задачи сравнительно-исторического метода, утверждая, что таким путем можно «выяснить непонятное при изучении эпоса того или иного народа в отдельности, ...выявить не только... общие черты, но и специфику каждого эпоса» (стр. 57). Одновременно С. С. Суразаков указывает на необходимость «сопоставления вариантов эпоса одного и того же народа — это дает возможность глубже вникнуть и в идейно-образный смысл произведения и его историю. Суждение об эпосе по одному варианту нередко бывает неполным и даже неверным» (там же).

Причинами, приведшими к общности эпоса тюркских и монгольских народов, С. С. Суразаков считает: общее происхождение, близкий уровень культуры и общение народов между собой. Например, отмечая, что сюжет «Алпамыша» зафиксирован у ряда тюркоязычных народов: алтайцев, башкир, татар, узбеков, казахов, каракалпаков (сюда можно было бы добавить и «Бамси-Бейрека» древних огузов), исследователь считает, что этот сюжет «мог быть создан и мог первоначально бытовать у какого-то одного крупного племени. Затем это племя распалось, перекочевало, смешалось с другими тюркоязычными племенами. Остатки этого племени унесли с собой созданный эпос к тем племенам, в состав которых они вошли; вместе с формированием новых племен шел процесс дальнейшего развития эпоса» (стр. 6).

В свою очередь, близость трактовки одного сюжета у разных, отдаленных друг от друга, народов может служить доказательством былой не только этнической, но и территориальной их близости, когда они составляли «одно крупное племя» (стр. 58). «Народы Сибири, — пишет автор, — особенно те, которые жили в смежных районах, с древнейших времен постоянно... общались, находились почти на одинаковом уровне общественного развития, вели кочевой и полукочевой скотоводческий и охотничий образ жизни, имели во многом общую сходную культуру и устную поэзию. Многие явления материальной и духовной культуры ими создавались сообща, совместно, многими из них они обменивались между собою» (стр. 11).

Особое место в научных интересах С. С. Суразакова занимала проблема взаимосвязи эпоса и других жанров фольклора, а также «происхождения эпоса как жанра» (стр. 62) и невозможности его изолированного изучения (см. доклад «Связь алтайского эпоса с другими жанрами фольклора»).

С. С. Суразаков, не отделяя героический эпос от других жанров фольклора, считал, что эпос синтезирует их элементы на новой, самостоятельной основе. Несмотря на долгую жизнь эпоса, его трансформацию можно определить как «специфические жанровые особенности эпоса периода его зарождения» (стр. 56). Однако автор, на наш взгляд, неправомочно считал, что героический эпос сложился в эпоху родоплеменного строя и лишь достиг расцвета в период становления раннеклассового общества. Возражая сторонникам «неомифологической теории» происхождения эпоса, С. С. Суразаков утверждал, что, хотя влияние мифов на героический эпос было значительным, «эпос не развивается из мифов». «Эпос с самого начала выдвинул новый тип героя», и его подвиги носят иной характер, чем подвиги великанов мифа. Герой мифов — «богатырь-охотник (мерген)», а герой эпосов — «богатырь-воин (батыр)», обязательно конный (стр. 28—29). Он считает более поздним и трехчастное деление мира в эпосе, так же, как и образ Эрлика и элементы шаманства; поэтому магические действия в эпосе совершают сами богатыри, а «в роли предсказателей, провидцев выступают кони — чудесные помощники героя» (стр. 120). Не разделяет он и взглядов тех исследователей, которые выводят эпос из «богатырской сказки». «Жанр не порождает жанр, но взаимосвязь между ними существует... Мифы, сказочные мотивы проникают в героический эпос, но как его составная часть. Эпос есть эпос. Это самостоятельный крупнейший жанр в фольклоре алтайцев и других народов Сибири и сводить его к жанру „богатырской сказки“ или другим жанрам нельзя» (стр. 62). Сами мифологические образы снижаются: Мать-Земля становится «простой бабушкой» героя (стр. 142), злые стихийные силы природы — ханами-захват-

чиками (стр. 95), семиголовое чудовище Дьелбеген — неуклюжим помощником на пиру (стр. 71) и т. д. Тем не менее герой и другие персонажи, даже кони, способны превращаться в звезды, сам герой нередко небесного происхождения и обладает магическими свойствами. Новое же и организующее жанр эпоса — воинская героиня на условных «реально-исторических основах» (стр. 55).

Исследователь приводит длинный перечень включенных в эпос жанров, это «пословицы и поговорки, лирические песни, алкыши, плачи, обрядовая поэзия, связанная с рождением ребенка, свадебная обрядовая поэзия, культовая поэзия, связанная с поклонением горам, рекам, огню, магия *jada*» (стр. 56). Упоминаются и другие жанры: дидактический жанр наставлений, содержащих «целый кодекс моральных качеств древнего воина» (стр. 108), афористические речи, благопожелания и многое другое.

Автор считает, что у тюркоязычных народов древнейшим был алтайский эпос, наименее подвергшийся поздним литературным воздействиям. Поэтому он всесторонне исследует его связи с письменными орхон-енисейскими памятниками, признавая самостоятельность последних (стр. 43). Он пишет об использовании в надписях стихотворной формы, так как видит в них сочетание стихов с прозой (что характерно и для большинства живых эпосов). Стих вольный или смешанный подобен стиху в эпосе, плачах и пожеланиях, на что обратил внимание еще М. О. Ауэзов (стр. 37). Указывая на соответствие ряда мотивов и образов, стиля описаний в эпосе и письменных памятниках, а также в композиции (во вступлении описание сотворения неба, земли и людей и пр.), автор однако утверждает, что в них «мало прямых совпадений» (стр. 43). И объясняет это тем, что: «скорее всего... единым стилевым источником для памятников и эпоса стала высокая, торжественно-приподнятая, патетическая речь, которая сложилась в народе еще в глубокой древности и которая существовала до последнего времени. Такую речь произносили, как это явствует из эпоса и других жанров фольклора, при торжественных встречах и приветствиях почетных гостей, героев и полководцев, при повествовании о боях и сражениях, при благоговении отъезжающих в поход, при выражении благопожеланий и, наконец, во время похорон высокопоставленных лиц... Между прочим, этот высокий стиль лишний раз свидетельствует, что алтайские сказания не богатырские сказки, ...а эпос в собственном смысле слова», как и у «других тюрко-монгольских народов Сибири» (стр. 43—44).

С. С. Суразаков касается в своих работах и более узких тем, таких, например, как трактовка образа женщины в эпосе или описание боевого коня батыра. Еще в 1965 году С. С. Суразаков выступил против

придания чрезмерного значения мотиву «героического сватовства» к мистически «предназначенной невесте». Он считал, что речь здесь идет либо о соблюдении обычных норм экзогамии, либо о девушке фигурирующей «просто как военная добыча» (стр. 74—75), либо же о дипломатических браках, когда «важна не невеста, а ее отец — каан», союзник (стр. 126, 141). Семейные же коллизии вообще находятся на периферии героического эпоса. В последнее время эту концепцию разделяет все большее число фольклористов.

Как и каждый исследователь эпоса кочевых народов — тюркского и монгольского, С. С. Суразаков уделил много внимания образу богатырского коня и основным мотивам, связанным с ним.

Автор придавал чрезвычайно важное значение эпическим эпизодам обездки коня, ибо коневодство явилось «поворотным пунктом в исторической жизни древнего тюрко-монгольского населения Центральной Азии и Сибири», причем даже исконная охота стала иной у коневодов (стр. 29—31). Отмечает он также, что в эпосе персонально отразился и древний культ коня — священного «покровителя» рода, подчеркивая, что конь как бы руководит своим хозяином. Эпический конь не только обладает вещными свойствами, это — существо высшего порядка по сравнению с всадником: «Конь выступает силой, способной проникнуть в тайны мира и людей. Богатырь лишь олицетворяет действительную, активную, в основном физическую силу» (стр. 90); часто кони «даже дальновиднее и мудрее своего хозяина» (стр. 79).

Большое внимание С. С. Суразаков уделит народным певцам, хранителям алтайского эпоса. Он характеризует творческую манеру отдельных сказителей. Для современных сказителей С. С. Суразаков считает характерным «психологизацию» персонажей, введение новых эпизодов и склонность к импровизации «в пределах тех традиционных поэтических формул, которыми сказитель овладел» (стр. 96, 98). Но, думается, то, что исследователь считает «совершенно оригинальными... сценами и эпизодами» (стр. 91), выходит за рамки эпоса и скорее должно быть отнесено к индивидуальному творчеству. Важно отметить внимание С. С. Суразакова к творческим родословным сказителей.

Забываясь о том, чтобы ввести эпическое богатство алтайцев в русло большой литературы и ознакомить с ним возможно более широкие круги советских читателей, С. С. Суразаков увлеченно занимался переводом. Наиболее значительной его работой в этой области явился перевод эпоса «Маадай-Кара» в записи автора (1964), содержащий около восьми тысяч стихов и снаб-

женный им научным аппаратом (издание 1973 г.). Этому труду посвящены две статьи сборника, касающиеся принципов перевода и методики двуязычных изданий эпоса: «От переводчика» (1973) и «Об опыте работы над научным переводом алтайского героического эпоса „Маадай-Кара“» (1977).

С. С. Суразаков принадлежал к новой советской категории переводчиков, квалифицированных специалистов-фольклористов, владеющих одинаково хорошо языком оригинала и русским, что сделало особо ценным его переводы. С. С. Суразаков различал пять видов перевода: 1) лингвистический; 2) изложение содержания; 3) стихотворный перевод; 4) прозаический перевод; 5) научный перевод, служащий «цели образно-смысловой адекватности текстов перевода и оригинала» (стр. 46—47). О своих переводах он писал, что, хотя «старался сохранить в русском тексте параллелизм, но ритмический строй, рифму и особенно богатейшую аллитерацию и ассонанс в полной мере сохранить, конечно, не удалось» (стр. 52). Между тем, по отзывам специалистов, С. С. Суразаков сумел соединить академическую точность перевода с его художественной глубиной.

С. С. Суразакова в последние годы занимала важная проблема периодизации тюркского эпоса. В настоящее время готовится к изданию монография, посвященная этой теме (докторская диссертация автора). Краткое содержание монографии изложено в ранее не публиковавшемся докладе «Алтайский героический эпос и этапы его развития», включенном в сборник. В монографии же выводы основаны на анализе 212 текстов сказаний; из них 153 новых текста записаны под руководством С. С. Суразакова. Им самим было записано 19 сказаний (всего 35 тысяч стихов). Половина всех этих текстов еще хранится в архивах (стр. 3, 26). Некоторые положения доклада дискуссионны, но следует подождать выхода в свет книги, где будет дана полная аргументация.

Во вступительной статье к рецензируемому сборнику А. А. Петросян справедливо подчеркивает, что С. С. Суразаков «увлеченно и самозабвенно... работал над разрешением сложных и трудоемких проблем фольклористики и литературоведения». Эта оценка как нельзя лучше характеризует С. С. Суразакова как ученого и человека.

Работы С. С. Суразакова, написанные в разное время, но объединенные общей научной концепцией и последовательным развитием авторской мысли, собранные воедино в рецензируемом сборнике, несомненно, представляют большой научный интерес прежде всего для фольклористов, исследующих тюркоязычный эпос.

Р. Липец

НОВОЕ ИЗДАНИЕ КИРГИЗСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «МАНАС»

Широко известный эпический памятник киргизского народа «Манас», впервые записанный в середине XIX века¹ и неоднократно фиксировавшийся собирателями в советское время², издавался несколько раз.

Первая публикация, осуществленная на киргизском языке арабской графикой — отрывок из сказа о сыне Манаса Семетее (вторая часть трилогии эпоса «Манас»), относится к 1925 году³. В 40-е годы в Киргизии было предпринято издание серии «Манас» в виде небольших брошюр. В нее вошли наиболее популярные в народе эпизоды эпоса. Изданы также сокращенные варианты, записанные от известных сказителей⁴.

С конца 50-х годов по решению Всесоюзной научной конференции, посвященной проблемам изучения и публикации эпоса «Манас», которая состоялась во Фрунзе в

1952 г., осуществлена публикация всех трех частей эпоса в четырех томах. Первые три тома представляют собой сводный вариант (охватывает сюжеты о Манасе и его внуке Сейтеке), составленный на основе записей, произведенных от двух самых крупных сказителей-манасчи Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева. Последняя, четвертая книга, включает сказ о Сейтеке. Она составлена по сокращенному варианту только одного сказителя Саякбая Каралаева⁵.

Издания 40-х и 50-х годов по существу явились первым этапом печатной популяризации эпоса, центральные эпизоды которого хорошо знает почти каждый киргиз. Основная цель сводного издания — ознакомление читателя с главными событиями и героями эпоса.

Понадобилось значительное время для перехода к другому типу публикации памятника, которая отражала бы, наряду с общей сюжетной канвой произведения, также творческую индивидуальность каждого сказителя, его трактовку традиционных для всех манасчи сюжетов и эпизодов, характерную для него художественную манеру — поэтические приемы, ритм, рифму и т. п. Это стало возможным лишь в 60-е и 70-е годы, когда в советской фольклористике был решен ряд проблем как теоретического, так и текстологического характера, определены принципы издания и перевода эпического наследия народов СССР.

Киргизские ученые для публикации первой части эпоса «Манас» выбрали наиболее полный и художественно совершенный вариант крупнейшего манасчи советского времени Сагымбая Орозбакова, по общему признанию, — классический, записанный в 20-е годы Ибрагимом Абдырахмановым. Недавно завершена публикация последней книги данного четырехтомного издания. Текст подготовлен к изданию большой группой киргизских фольклористов.

Первая книга охватывает эпизоды о рождении Манаса до избрания его предводителем киргизских родов и племен. По своему характеру это традиционные для многих тюркоязычных народов сюжеты о детстве и юности, воспитании и возмужании богатыря, о его первых схватках с предводителями враждебных родов и племен. Текст подготовлен к печати С. М. Мусаевым — руководителем сектора «Манас» Института языка и литературы

¹ См.: Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. (Запись казахского ученого Чокана Валиханова 1856 года с частичным переводом на русский язык одного из эпизодов); В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. СПб., 1885. (В. В. Радловым записаны отдельные сюжеты из всех трех частей эпоса «Манас»).

² Особая роль принадлежит в этом собирателю Ибраиму Абдырахманову, записавшему в 20-е годы первую часть трилогии — сказ о Манасе — от известного сказителя-манасчи Сагымбая Орозбакова.

³ «Семетейден бир бөлүм». М., 1925.

⁴ «Манастын балалык чагы. Сагымбай Орозбак уулунун айтуусу боюнча». Басмага даярдаган Ы. Абдырахманов. Фрунзе, 1940; «Алооке хан С. Орозбаковдун айтуусу боюнча». Басмага даярдаган Ы. Абдырахманов. Фрунзе, 1941; «Каныкейдин Тайторуну чапканы. С. Каралаевдин айтуусу боюнча». Редактор О. Жакишев. Фрунзе, 1941; «Макел-Дөө». С. Орозбаковдун айтуусу боюнча. Басмага даярдаган Ы. Абдырахманов. Фрунзе, 1941; «Манастын өлүмү». С. Каралаевдин айтуусу боюнча. Басмага даярдаган Ы. Абдырахманов. Фрунзе, 1941; «Семетейдин Букардан Таласка келиши». Байымбет Абдырахмановдун (Тоголок Молдо) айтуусу боюнча. Басмага даярдаган Ы. Абдырахманов. Фрунзе, 1941; «Ургенч». Акмат Ырысмендеевдин айтуусу боюнча. Басмага даярдаган Ы. Абдырахманов. Фрунзе, 1941; «Алгачкы айкаш» — «Чоң казаттан» үзүндү. Айтуучи Орозбаков Сагымбай. Басмага даярдаган Ж. Бейшекеев. Фрунзе, 1942; «Майдан» («Семетейден»). Айтуучу Б. Абдырахманов (Тоголок Молдо). Басмага даярдаган Ж. Бейшекеев. Фрунзе, 1942; С. Орозбаков. Биринчи казат. Басмага даярдаган К. Рахматуллин. Фрунзе, 1944.

⁵ «Манас», биринчи бөлүк, 1-китеп. Кыскастрылып бириктирген вариант. Фрунзе, 1958; «Манас», биринчи бөлүк, 2-китеп. Фрунзе, 1958; «Семетей». «Манас» эпосунун экинчи бөлүгү, 3-китеп. Фрунзе, 1959; «Сейтек». «Манас» эпосунун үчүнчү бөлүгү, 4-китеп. Фрунзе, 1960.

Академии наук Киргизской ССР, где и осуществлялась работа по подготовке всего издания⁶.

Вторая книга, повествующая о героических деяниях Манаса, включает в себя обширный круг сюжетов. Это — эпизоды, описывающие богатырские подвиги героя, совершаемые им во имя объединения киргизских племен и освобождения родной земли. Повествуется также о великодушии и храбрости богатыря, о его любви к прекрасной, преданной ему Каныкей. Текст подготовили к изданию фольклористы К. Кырбашев, Ж. Мусаева, Р. Сарыпбеков, О. Сооронов⁷.

Не менее богата традиционными сюжетами, издавна популярными в народе, и третья книга. Она содержит большой эпизод «Поминки по Кокетею», который по объему, композиционной завершенности, художественным достоинствам можно приравнять к вполне самостоятельному и цельному произведению. Это широкое эпическое полотно, рисующее жизнь кочевых киргизских племен, их обычаи, нравы и т. д. В него органично вплетены элементы героики, как бы подготавливающие слушателя к трагическим событиям, о которых повествуется в последней, четвертой книге⁸.

Одному из центральных эпизодов первой части трилогии «Манас» — «Большому походу» — посвящена четвертая книга. Здесь в полной мере раскрыта главная идея эпоса — борьба с внешними врагами, длительное время теснившими киргизов. В этом

эпизоде ярко проявляются героические характеры и самого богатыря, и его ближайших сподвижников — сорока дружинников (*чоро*). Книга завершается трагической гибелью Манаса и его дружины⁹.

Издание предваряет опубликованная в первой книге вступительная статья академика АН Киргизской ССР Чингиза Айтматова. Завершает книгу статья С. М. Мусаева, содержащая подробные сведения о манасчи Сагымбае Орозбакове и его варианте эпоса «Манас». В каждой из книг приводится толковый словарь терминов и слов-архаизмов, вышедших к настоящему времени из употребления или имеющих в эпическом контексте иную семантику, нежели в современном языке.

Огромный по объему вариант С. Орозбакова (сказ о Манасе содержит около ста девяноста тысяч стихотворных строк) невозможно было полностью поместить в четырехтомном издании. Составители пошли по пути отбора наиболее популярных в народе традиционных эпизодов, составляющих основную сюжетную линию эпоса. Исключение тех или иных эпизодов из общего контекста восполнялось кратким прозаическим пересказом их содержания.

Четырехтомник, подготовленный по варианту только одного манасчи, позволяет судить об особенностях, отличающих его от сорока других вариантов эпоса, хранящихся в рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР. Издание представляет большой интерес для широкого круга читателей в республике и за ее пределами.

А. С. Мирбадалева,

Н. В. Кидайш-Покровская

⁶ «Манас». Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. I-китеп. Басмага даярдаган С. Мусаев. Фрунзе, 1978.

⁷ «Манас». Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. II-китеп. Басмага даярдагандар: К. Кырбашев, Ж. Мусаева, Р. Сарыпбеков, О. Сооронов. Фрунзе, 1980.

⁸ «Манас». Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. III-китеп. Басмага даярдаган С. Мусаев. Фрунзе, 1981.

⁹ «Манас». Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. IV-китеп. Басмага даярдаган Э. Абдылдаев. Фрунзе, 1982. Концовка эпизода представлена в записи от Саякбая Каралаева (в связи с болезнью и последовавшей смертью С. Орозбакова).

СОЛТАНМУРАТ АКЪБИЕВ. КЪОЛЪЯЗЫВ КИТАПДАН БАСМАГЪА ЕРЛИ (КЪУМУКЪ АДАБИЯТНЫ ЯРАТЫЛЫВУНУ ВА ОБСЮВЮНЮ МАСЪАЛАЛАРЫ)

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, МАХАЧКАЛА, 1982, 72 стр.

Дагестанское книговедение имеет свои специфические особенности и проблемы. В небольшой автономной республике издаются книги на многих национальных языках. Еще в начале XX века Дагестан стал одним из центров арабиграфического книгопечатания на Северном Кавказе. Здесь

печатались книги более чем на десяти языках (не считая диалектов) — аварском, даргинском, кумыкском, лакском, чеченском, кабардинском, карачаевском, а также на языке *тюрки*, арабском, азербайджанском.

Автор рецензируемого издания «От руко-

писной книги к печатной» С. Акбиев посвятил его освещению книжной культуры одной из народностей Дагестана — кумыков. С. Акбиев, привлекая обширный материал, рассказывает об арабиграфических рукописях, созданных в XVII—начале XX века («Дербент-наме», «История Кавказа и Карабудахкента», «История Какашур», сборники стихов Аманхора, Абдурахмана Какашуринского и Иырчи Казака, первый дагестанский роман «Аманхор и Дильбар» А.-Г. Ибрагимова, «Тахир и Зухра», «Лайла и Маджнун», «Тоту-наме», Алходжа-кентский свиток и др.), сопоставляет сюжеты произведений кумыкского фольклора и таких известных древних памятников общественной культуры, как «Книга моего деда Коркута» и «Codex Cumanicus» (XIV в.).

С. Акбиев выделяет определенные этапы развития дагестанской книги. Одной из первых кумыкских печатных книг он считает «Татарскую грамматику кавказского наречия» (1848), написанную талантливым русским языковедом Т. Макаровым (стр. 27, 29). К этому же времени относится начало деятельности первого кумыкского писателя Девлет-Мирзы Шихалиева (1811—1880) — его «Рассказ кумыка о кумыках» был напечатан в газете «Кавказ» в 1848 году.

С. Акбиев пишет о большой роли, которую сыграли в основании и развитии книгопечатания на кумыкском языке такие видные деятели дагестанской культуры, как Магомед-Эфенди Османов (создатель первой ногайской и кумыкской антологии, изданной в С.-Петербурге в 1883 году), Абу-суфьян Акаев (издал более тридцати книг), Нухай Батырмурзаев и Магомед Казанбиев. Благодаря их неутомимой подвижнической деятельности в разных городах — Петербурге, Казани, Симферополе, Бахчисарае, а затем и в самом Дагестане — в Темирханшуре (ныне Буйнакск), Петровске (ныне Махачкала), Хасавюрте — было выпущено немало печатных (наборных) и литографированных изданий на кумыкском языке. Это — поэтические сборники, исторические произведения, повести, переводы восточной классики, различного рода справочники, методические пособия по обучению грамоте, календари, многоязычные словари (охватывающие от двух до семи различных языков), учебники грамматики, арифметики, географии.

Известно, что дореволюционные старопечатные издания и рукописные книги были в основном религиозного содержания. Автор справедливо подчеркивает в этой связи особую роль и актуальность в дореволюционный период художественной, научной и публицистической литературы светского содержания. Именно ей уделено в книге главное внимание.

В начале XX века в Дагестан стали проникать революционно-демократические и марксистские идеи, и это, естественно, в первую очередь отразилось на идейно-поли-

тического направленности дагестанской печати и всей литературы. Представители прогрессивно настроенной интеллигенции во главе с большевистскими руководителями стремились максимально использовать возможности печати для пропаганды в народе революционных идей.

С. Акбиев подчеркивает роль листовок, первых большевистских газет в крае («Трудовой народ», «Беднота», «Красный Дагестан», «Заря Дагестана» и др.), журнала «Тангчолпан» («Утренняя звезда»), основанных и выходивших под редакцией и при активном участии Нухая и Зайнулабида Батырмурзаевых, Саида Габиева, Темирболат Бийболатова и других деятелей дагестанской журналистики. Революционно-демократическая периодическая печать Дагестана 10-х и начала 20-х годов нашего века стала рупором большевиков, способствовала распространению ленинских идей среди горцев, явилась трибуной для полемики в печати с меньшевиками и контрреволюционерами. В газете «Красный Дагестан» (1920) был опубликован текст «Интернационала» в переводе А. Акаева на кумыкский язык.

Важное место в национальной периодике занимали публикации видных деятелей революционного движения в Дагестане Улубия Буйнакского, Махача Дахадаева, Зайнулабида Батырмурзаева, Солтансаида Казбекова, «красного поэта» Дадау Магомедова, А. Акаева, А. Шамсутдинова и др.

В журнале «Тангчолпан» печатались как публицистические, так и художественные произведения местных авторов, фольклорные материалы, переводы на кумыкский язык некоторых стихотворений М. Ю. Лермонтова, повестей Л. Н. Толстого, басен И. А. Крылова, статьи, посвященные театру (З. Батырмурзаев), вопросам развития культуры, проблемам языка и многоязычной литературы народов Дагестана. Печать сыграла в те годы важную роль в деле подъема культурного и идейно-политического уровня народных масс.

Вопросы истории кумыкской рукописной и печатной книги рассматриваются С. Акбиевым в тесной связи с развитием книгоиздательского дела в России, Азербайджане, Грузии. Одной из первых книг, изданных в Дагестане (1856), был сборник произведений великого азербайджанского поэта Вагифа (стр. 36, 72). А произведения дагестанских авторов нередко печатались в Петербурге и Тифлисе, в Крыму и Поволжье (стр. 53—54). Развитие типографского дела в России способствовало становлению книгопечатания на языках народов Дагестана.

В первые же месяцы после образования Дагестанской АССР 30 мая 1921 года Президиум Дагобкома партии принял решение о создании новых типографий в Буйнакске, Махачкале и Дербенте.

Книговедение как область филологии ста-

ло успешно развиваться в последние годы, появилось немало работ, посвященных истории, современному состоянию русской и национальной книги ряда народов нашей страны. А дагестанская книга, если не считать историю журналистики (М. Д. Бутаев, Дж. Ахмедов и др.), оставалась до последнего времени почти совершенно не изученной областью. Таким образом, начало дагестанскому книговедению положено рецензируемой работой С. Акбиева.

К сожалению, книга не лишена некоторых недостатков. Автор включил в работу лишь тот материал, которым располагал, не использовав многие материалы фольклора, архивов, музеев, рукописных фондов, личных коллекций. В книге нет фотоиллюстраций, имеется ряд неточностей в написании имен, фамилий, названий книг, в датах и т. д. Вряд ли справедливо утверждение автора, будто распространение арабской культуры в Дагестане явилось причиной появления письменных памятников на языках народов Дагестана (стр. 14). Автор, к сожалению, не называет хотя бы приблизительное число изданных до революции

старопечатных кумыкских книг, не приводит их перечня.

Книга опубликована на кумыкском языке. На наш взгляд, было бы полезно, устранив имеющиеся неточности и добавив необходимые иллюстрации, издать ее также на русском языке, чтобы работа С. Акбиева стала достоянием всех исследователей истории национальной книги. Дагестанское книговедение призвано научно опровергнуть еще встречающееся, к сожалению, иногда в литературоведении несправедливое суждение о том, что народы Дагестана до XX века имели якобы средневековые представления о литературном творчестве.

Книга С. Акбиева, содержащая обзор литературы лишь одной из дагестанских народностей в книговедческом аспекте, дает сведения о богатом письменном наследии края, которое еще предстоит исследовать.

Работа С. Акбиева написана живо, содержит интересный материал и как первое исследование, посвященное истории книги в Дагестане, представляет определенную ценность.

Г. М.-Р. Оразеев

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ СОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА. 1920—1980 гг.». БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ. СЕРИЯ: АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1982, 467 стр.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд выдвинул в качестве первоочередной задачи создание библиографий тюркологических изданий. За истекшие с того времени почти 60 лет вышли в свет библиографические указатели по отдельным тюркским языкам — чувашскому¹, башкирскому², казахскому³, татарскому⁴, якутскому⁵, азербайджанскому⁶, киргизскому⁷, уйгурскому⁸, туркменскому⁹. Однако все они не могут считаться исчерпывающими. Так, например, в «Библиографии литературы по азербайджанскому языкознанию», вышедшую в 1960 году, многие работы не вошли.

Следует признать также, что библиографическая работа по тюркологии, к сожалению, значительно отстает от современного уровня развития этой науки¹⁰. Ликвидировать это отставание можно лишь путем создания возможно более полных библиографических указателей по отдельным тюркским языкам. Необходимость в этом неоднократно подчеркивалась на всех тюркологических конференциях¹¹.

Составителем рецензируемого библиографического указателя является доктор филологических наук Ш. М. Саадиев, приступивший к этой работе еще в 50-е годы. В

1960 году вышел в свет первый составленный им библиографический указатель¹².

Рецензируемая библиография издана Сектором научной информации по общественным наукам Академии наук Азербайджанской ССР. Ею охвачена почти вся литература по азербайджанскому языкознанию (всего 4284 названия).

Изданная в республике языковедческая литература отмечена тематическим разнообразием. Она включает работы как по азербайджанскому языку, так и по языкам малых народов, проживающих в Азербайджане (татскому, талышскому, аварскому, лезгинскому, кызскому, цахурскому, удинскому), а также по диалектам всех этих языков.

Объектом изучения местных русистов наряду с русским языком стали также отличающиеся заметным своеобразием говоры русских поселений Азербайджана.

Языковедами высших учебных заведений Азербайджана были опубликованы работы по восточным (персидскому, арабскому, турецкому) и западноевропейским (английскому, немецкому, французскому) языкам, а также по общему языкознанию и тюркологии.

Издание языковедческих работ осуществлялось в основном в Баку, частично в Кировабаде на азербайджанском и русском языках. Среди опубликованных работ имеются и переведенные с русского языка на азербайджанский, главным образом по общему языкознанию. К изданным на азербайджанском языке лингвистическим работам относятся сравнительно-сопоставительные исследования азербайджанского языка с русским, персидским, арабским, английским, немецким и французским языками. Ряд работ посвящен взаимоотношениям и взаимовлиянию азербайджанского языка и ряда соседствующих и контактирующих с ним иносистемных языков (русского, армянского, грузинского, персидского, татского, талышского, аварского, лакского, лезгинского, табасаранского, крызского, цахурского, удинского).

Составителем учтена также литература по азербайджанскому языкознанию, издававшаяся за пределами республики: в Москве, Ленинграде, Ашхабаде, Ташкенте, Самарканде, Алма-Ате, Фрунзе, Казани, Уфе, Тбилиси, Ереване, Киеве, Черновцах, Минске, Кишиневе, Риге, Томске, Владимире, Абакане, Махачкале, Грозном, Орджоникидзе, Нальчике, Берлине¹³.

Указатель содержит также перечень тюркологических работ, представляющих интерес для азербайджанского языкознания, и неязыковедческих публикаций, затрагивающих те или иные вопросы азербайджанского языкознания. В нем учтены тезисы докладов, авторефераты докторских и кандидатских диссертаций (при повторной публикации последних приводится их окончательный печатный вариант, на основе которого состоялась защита).

В библиографический указатель вошли также журнальные и газетные рецензии, следующие в нем за работами, которым они посвящены, в алфавитном порядке фамилий авторов, без указания названий.

В указатель не включены: учебные пособия по азербайджанскому языку и его грамматике для общеобразовательных и специальных школ; методическая литература по азербайджанскому языку, за исключением некоторых источников, представляю-

щих лингвистический интерес; учебные программы по азербайджанскому языку, его грамматике и т. д. для общеобразовательных и специальных школ и высших учебных заведений; словари (кроме орфографических, диалектологических, исторических и словарей синонимов и лингвистических терминов), поскольку они приводятся в отдельной библиографии; газетные статьи (за исключением рецензий); обзоры сессий, симпозиумов и конференций (за исключением специально посвященных азербайджанскому языкознанию); тюркологические работы, непосредственно не связанные с азербайджанским языкознанием.

Все приведенные в указателе источники систематизированы по тематическим разделам: современный азербайджанский язык, история азербайджанского языка, диалектология, лексикография, терминология, переводоведение, культура речи, стилистика, язык и стиль художественных произведений, азербайджанские писатели о языке, язык и стиль печати, ономастика, азербайджанский язык в сопоставлении с другими тюркскими языками, язык древнетюркских письменных памятников, сопоставительная типология азербайджанского и других языков, языковые связи, языки и письмо Кавказской Албании. Внутри разделов за названиями работ приводится литература на азербайджанском, а вслед за ней и на русском языках. Названия источников располагаются в алфавитном порядке фамилий авторов, а при отсутствии фамилий соблюдается алфавитный порядок названий и поддерживается строгая хронология. Сперва указываются книги и брошюры, затем — авторефераты докторских и кандидатских диссертаций, далее — статьи и тезисы. Если доклад был опубликован в форме статьи, тезисы помещаются за ней. Фамилии авторов работ, опубликованных на азербайджанском языке, передаются также в русской транскрипции, а названия работ переводятся на русский язык.

Думается, что данный указатель явится ценным пособием для всех интересующихся азербайджанским языкознанием.

Г. К. Кулиев

¹ В. Г. Егоров. Библиографический указатель по чувашскому языку. Чебоксары, 1931, 76 стр.

² Н. К. Дмитриев. Библиография по башкирскому языку. Уфа, 1936, 12 стр.; Т. М. Гарипов. Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967). Уфа, 1969, 142 стр.

³ Ш. Ш. Сарыбаев. Библиографический указатель литературы по казахскому языкознанию. Алма-Ата, 1956, 97 стр.; *его же*. Библиографический указатель литературы по казахскому языкознанию. Издание второе, исправленное и дополненное. Часть первая. Алма-Ата, 1965, 270 стр., часть вторая. Алма-Ата, 1971, 240 стр.

⁴ А. Г. Каримуллин. Библиография литературы по татарскому языкознанию (литература на русском языке). Казань, 1957, 40 стр.; *его же*. Библиография литературы по татарскому языкознанию (литература на татарском языке). Казань, 1958, 116 стр.

⁵ Н. Е. Петров. Якутский язык. (Указатель литературы). Якутск, 1958, 96 стр.

⁶ Ш. М. Саадиев. Библиография литературы по азербайджанскому языкознанию (советский период). Баку, 1960, 144 стр.

⁷ Н. Бейшекеев. Киргизский язык. (Библиографический указатель литературы). 1929—1959 гг. Фрунзе, 1961, 152 стр.

⁸ А. Т. Кайдаров. Уйгурский язык и лите-

ратура. Аннотированный библиографический указатель. Т. I. Алма-Ата, 1962, 140 стр.

⁹ «Библиографический указатель литературы по туркменскому языкознанию (1924—1964)». Составители: Н. А. Воронина, Г. Ч. Гельдыева и Г. Г. Махова. Ашхабад, 1966, 180 стр.

¹⁰ Наиболее широко распространенными библиографическими указателями, в которые вошли тюркологические работы советского периода, являются: 1) «Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 год. Выпуск 1». Составители: Н. П. Дебев, В. Ф. Дубровина и М. Г. Ижевская. Москва, 1958, 368 стр.; 2) «Sovietiko-Turcica. Beiträge zur Bibliographie der türkischen Sprachwissenschaft in russischer Sprache in der Sowjetunion 1917—1957». Budapest, 1960. Во втором указателе, составленном Г. Хазан и Ю. Неметом, имеются многочислен-

ные пропуски, отмеченные в рецензиях Ф. Д. Ашнина («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 20, 1961, вып. 6, стр. 530—541) и Ш. М. Саадиева («Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук», 1961, № 6, стр. 193—195).

¹¹ Подробнее об этом см.: Ф. Д. Ашнин. Современное состояние и нерешенные задачи советской тюркологической лингвистической библиографии. — В кн.: «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Всесоюзная тюркологическая конференция, 27—29 сентября 1976 г. Тезисы докладов и сообщений», Алма-Ата, 1976, стр. 11—14.

¹² Ш. М. Саадиев. Указ. библиография.

¹³ Как исключение в рецензируемое издание включены некоторые работы, опубликованные в Грузинской ССР и на грузинском языке, посвященные азербайджанскому языку.

ҚАРАҚАЛПАҚ ФӨЛКЛӨРҮ. КӨПТӨМЛҮК, ХІ ТӨМ. АЙТЫС. БИРИНШІ КІТАП.

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКІС, 1982, 345 стр.

Вышла в свет первая книга одиннадцатого тома «Қарақалпақское фольклора», посвященная жанру *айтыс* — поэтического словесного состязания, — подготовленная к печати М. Нызаматдиновым. В предисловии говорится о том, что *айтыс* занимает важное место в каракалпацком фольклоре и в письменной литературе. В нем находят отражение характерные черты жизненного уклада, традиции и обычаи народа.

Основываясь на имеющихся исследованиях, М. Нызаматдинов дает определение каракалпацким *айтысам* и отмечает, что этот жанр вообрал в себя многие особенности дастана, лирики, драмы. В свою очередь, *айтыс* оказал сильное влияние на формирование и развитие различных литературных жанров и устного народного творчества. Особо подчеркивается важная воспитательная роль *айтыса* в утверждении высоких морально-этических принципов и идеалов.

М. Нызаматдинов прослеживает развитие жанра *айтыса*, обогащение его традиций в советское время. Он отмечает, что *айтыс*, приобретая качественно новое идейное содержание, совершенствуя художественную форму в соответствии с современными требованиями, не утрачивает при этом своей жанровой специфики, продолжает существовать и развиваться как са-

мобытное проявление духовной культуры народа.

Составитель подразделяет *айтысы* на обрядовые и сатирические, дает их обоснованную классификацию.

Рецензируемая книга состоит из двух частей: «Обрядовые *айтысы*» и «*Айтысы* — словесные состязания остроословов». Обрядовые *айтысы* подразделяются по своей тематике на три категории: заговор, *хәйжар* «обрядовая песня», *айтысы* в форме вопросов и ответов. Эти последние включают в себя: ответ-разрешение, ответ-загадку, ответ-пожелание, сатирико-юмористический ответ, дидактический ответ.

Айтысы — словесные состязания остроословов, в свою очередь, подразделяются на: *айтысы-загадки*, *айтысы-тяжбы*, *айтысы-пожелания*, *айтысы-иносказания*, шуточные *айтысы*, сатирико-юмористические *айтысы*, дидактические *айтысы*, *айтысы-славословия*, *айтысы-посвящения*, критические *айтысы*.

М. Нызаматдинов пишет, что *айтыс-заговор* является древнейшей формой этого жанра, с течением времени его содержание видоизменялось. В наши дни *айтыс-заговор* почти не встречается.

Анализируя содержание *айтысов*, автор справедливо указывает, что произведения этого жанра верно отражали социальную

жизнь народа. Лишь форма *бадик* ('заговор') имела религиозное содержание. Все же обрядовые айтысы были тесно связаны с исконными народными обычаями.

Автор сумел собрать, систематизировать, обобщить богатый материал, сделать интересные выводы.

В книге, в целом отличающейся научной добросовестностью, большим объемом фактического материала, к сожалению, имеются орфографические ошибки. Например, *аныгында* неправильно написано как *ныгында*; *сайалады* как *сайлады* (стр. 21), *жабыс* как *жабыл* (стр. 25), *айлаққа*, как *айлыққа* (стр. 35), *атым* как *атын* (стр. 46), *хәйжар* как *хәжар* (стр. 39) и т. д.

Неправомерно, на наш взгляд, также произвольно сокращать тексты айтысов.

По нашему мнению, в дальнейшем следует сделать объектом самостоятельного исследования художественные особенности айтысов и посвятить отдельную работу поэтическим айтысам.

Все еще ждут исследования и перевода на русский язык материалы, записанные у мастеров айтысов — состязаний в остро-словии. Часть их хранится в научной библиотеке Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, но собирание их необходимо продолжить в целях сбережения лучших образцов этого популярного жанра каракалпакского фольклора.

У. Д. Доспанов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ НА XXXI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПО АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В работе Международного конгресса по Азии и Северной Африке, который проходил в Кното (Япония) с 31 августа по 9 сентября 1983 года приняли участие востоковеды из более чем восьмидесяти стран. На заседаниях его были заслушаны сотни докладов и рефератов, посвященных различным проблемам востоковедения.

I Международный конгресс востоковедов состоялся более 110 лет назад в Париже и, естественно, диапазон востоковедческих исследований с того времени значительно расширился и изменился. Происшедшие за этот период глубокие исторические, социально-экономические, культурные и другие изменения и преобразования в странах Востока, многие из которых прочно встали на путь самостоятельного национального развития, добились независимости, определили и новый характер научных изысканий. История, культура, языки народов Востока стали изучаться самими представителями этих народов, выдвинувших целую плеяду крупных исследователей.

Изменилось и название конгресса. Научные форумы, проходившие в Москве (1960) и Париже (1973), по предложению делегатов восточных стран назывались «Международными конгрессами гуманитарных наук в Азии и Африке». В Японии же было принято новое название — «Международный конгресс по Азии и Северной Африке».

Председателем Организационного комитета этого конгресса являлся японский ученый профессор Т. Ямамото, генеральным секретарем — профессор Д. Такасаки. Почетным председателем конгресса был избран принц Микаса Такахито, выступивший на открытии и закрытии форума и руководивший работой секции «Монархии и социо-религиозные традиции на Древнем Ближнем Востоке». В пленарном заседании принял участие премьер-министр Японии Я. Накасоно.

Конгресс собрал почти 2000 участников, его работа проходила в 19 секциях, многочисленных подсекциях, 2 семинарах (с 6 те-

матических подгруппами) и 2 коллоквиумах (с 2 тематическими группами).

Настоящая публикация включает информацию лишь о работе секции № 6 «Алтайские народы — история, культура и языки», которой руководил известный японский тюрколог профессор А. Ханеда. На заседаниях рассматривались проблемы истории и развития тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также венгерского и японского.

Японские ученые создали немало интересных работ в области истории Центральной Азии (проф. М. Мори), древнеуйгурского языка (проф. Н. Ямада). Последним исследованы и изданы древнеуйгурские тексты, собранные экспедицией Отани.

В области уйгуристики заслуженный интерес вызвали сообщения Х. Умэмура «Деревянный фрагмент с уйгурской надписью из Народного музея в Токио» и Д. Ода «Об уйгурском колофоне в сорокатомной Буддхаватамсака». Дж. Р. Гамильтон (Франция) выступил с докладом «s/š'ly в уйгурском языке».

В последнее время японские тюркологи стали активно заниматься изучением истории Османской империи, диалектами турецкого языка того времени. Участники секции с интересом встретили сообщение молодого японского ученого Т. Хаяси, представившего результаты своих полевых исследований турецких диалектов юго-восточного побережья Черного моря. Автор этих строк выступил с докладом «Анализ кыпчакских глагольных форм в рукописи из фонда Матенадарана».

Историческая проблематика нашла отражение в выступлениях японских ученых: Х. Морикава — «Случай султана Барака — Казахстан в середине XVIII века» и М. Хамада — «Два туркестанских шейха в Стамбуле». К этой тематике примыкает сообщение западногерманского профессора Г. Р. Рэмера «Кызылбаши-туркмены — основатели и жертвы сефевидской теократии».

Известно, что японские ученые имеют значительные достижения в области монголо-

ведения. Вопросам монгольской лингвистики были посвящены доклады Х. Курибаяси «О развитии *uga (*ige) в монгольском языке» и М. Хасимото «Об отрицательном обороте в „Тайной истории монголов“».

Проблемам истории, социального развития монгольских народов посвящали доклады К. Сираива «Образование привилегированного класса в Монголии в XII веке», И. Икэучи «Вступление на престол Хубилай-хана и его китайское войско», а также Х. Окада «Ордосы Жинонг — „Эрдени-йин Тобчи“». В этой же тематической группе выступила А. И. Кампи (США) с глубоко документированным сообщением «Консульство США в Калгане в Китае и его отношение к Монгольской Народной Республике (1921—1923)».

Тунгусо-маньчжурская тематика освещалась в докладах Д. Икэгами «Категория лица в тунгусском языке», Дзагчиг Сечин «Смешанные монгольско-маньчжурские браки в период Чынг» и др.

Проблемам алтаистики были посвящены сообщения И. И. Коларуссо «„Дисгармония“ гласных: языковые связи между север-восточными народами — алтайскими, палеосибирскими и индейцами Северной Америки», Раджапатирана Тисса «Многотомные буддийские словари, включающие монгольские и санскритские эквиваленты», В. Вайт «Трехязычный биографический учебник „Мэн-ку куй-пу банг пиао чуан“ (1795 г.) как источник для истории монголов». Следует указать еще два интересных сообщения: В. Гайссиг «К типологии повествовательных мотивов в алтайской эпи-

ке» и Л. Базен «Тюркско-монгольские эквиваленты французского „cheptel de fer“».

В некоторых сообщениях нашла отражение проблема генезиса японского языка в аспекте его возможных связей с алтайскими языками. Сторонником этой точки зрения выступил известный японский алтаист Ш. Мураяма в сообщении «Отражение алтайской долготы гласных в японском языке». С иных позиций выступил Л. Коззар в своем сообщении «Роль уральских исследований в обнаружении зачатков японского языка».

Об истории, развитии алтайских языков, культуре народов Центральной Азии говорилось также в докладах, заслушанных в других секциях конгресса, например в секции № 7 «Сухопутные и морские пути, связывающие Восток с Западом», в семинаре А-2, посвященном новым археологическим открытиям и исследованиям. Здесь вызвало интерес сообщение советского ученого С. М. Бонгара-Лавина «Новые археологические открытия в советской Средней Азии и их связи с индийской культурой». Культуре центральноазиатских народов по данным рукописных источников была посвящена работа семинара А-4 «Исследования по культуре Дун-хуана и Турфана».

XXXI Международный конгресс по Азии и Северной Африке явился представительным форумом, способствовавшим обмену научными мнениями, информацией, внес определенную лепту в дальнейшее развитие востоковедения.

Э. Трыяски

125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РИЗЫ ФАХРЕТДИНОВА

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР 20 января сего года провел научную конференцию, посвященную 125-летию со дня рождения видного башкирского ученого-востоковеда и писателя Ризы Фахретдинова.

Директор института Х. Ф. Усманов, открывший конференцию, в своей вступительной речи охарактеризовал его многогранную творческую деятельность, составившую яркую страницу в истории культуры башкир, татар и других тюркоязычных народов.

Риза Фахретдинов родился в 1859 году в деревне Кичучат Бугульминского уезда Самарской губернии. Образование получил в медресе, работал учителем, а затем стал муллой.

В 1898—1906 годах Р. Фахретдинов являлся советником муфтия в Духовном уп-

равлении мусульман в Уфе, где привел в порядок архив, систематизировал рукописи, написал научный труд «Асар». Последний включает богатый и разнообразный материал о жизни и деятельности многих восточных писателей и ученых. Он впервые опубликовал биографические материалы о башкирских писателях Абдульманихе Каргалы, Шамсетдине Заки, Ибатулле Салихове и др. Одним из первых Риза Фахретдинов опубликовал статью о жизни и творчестве поэта Акмуллы и о татарских ученых-просветителях Каюме Насыри и Шигабе Марджани.

Риза Фахретдинов занимался и литературным творчеством: его повести «Салима», «Асма» внесли заметный вклад в развитие башкирской и татарской литератур. В своих произведениях писатель выступал сторонником распространения просвещения и изучения русского языка.

В 1906 году Р. Фахретдинов переехал в Оренбург, где занял должность второго редактора либеральной газеты «Вакыт».

С 1908 по 1918 годы Р. Фахретдинов — бессменный редактор влиятельного на востоке России общественно-просветительского журнала либерального направления «Шуро» («Совет»), на страницах которого публиковались различные статьи по педагогике, публицистические и литературно-критические статьи. Возглавляя постоянную рубрику журнала «Замечательные люди и великие события», Р. Фахретдинов способствовал публикации статей о восточных мыслителях Фараби, Маари, Авиценне, Навои, Физули, русских и западноевропейских писателях и философах — М. Ю. Лермонтове, Л. Н. Толстом, М. Горьком, Ф. Бэконе, Б. Спинозе и др.

После закрытия журнала «Шуро» и даже после избрания его в 1922 году муфтием, Р. Фахретдинов продолжал литературную работу и дополнил свой многотомный труд «Асар» новыми разделами.

В 1925 году Р. Фахретдинов принял участие в праздновании 200-летия Академии наук СССР в Москве, где познакомился и сблизился с такими крупными востоковедами, как А. Н. Самойлович, И. Ю. Крачковский.

Своей многогранной деятельностью Риза Фахретдинов внес значительный вклад в башкирскую и татарскую литературы, в формирование общественно-политической мысли, в изучение истории башкирского народа, а также оказал заметное влияние на развитие культуры многих тюркоязычных народов России. Его богатое научное и литературное наследие хранится в научном архиве Башкирского филиала Академии наук СССР, в архивах Ленинграда и других городов.

С докладом «Научная и журналистская деятельность Ризы Фахретдинова и ее значение в развитии общественной мысли в Башкирии» выступил Р. А. Утябаев, охарактеризовавший Р. Фахретдинова как ученого-энциклопедиста, ориенталиста широкого профиля и высокой культуры. Литературная деятельность Р. Фахретдинова, подчеркнул докладчик, отразила «сложнейшие нравственно-этические проблемы, радость и боль людей конца XIX—начала XX вв.»

Г. С. Кунафин в докладе «Творчество Р. Фахретдинова в истории башкирской литературы» остановился на роли произведений писателя в становлении и развитии башкирской литературы. Автор убедительно показал, что повести Р. Фахретдинова «Салима» (1899) и «Асма» (1903) способствовали формированию башкирской прозы и утверждению в ней реалистического направления. Докладчик остановился на идейно-тематических и жанровых особенностях повестей Р. Фахретдинова и их воздействии на творчество последующих поколений писателей, в частности, на творчество основоположника башкирской литературы М. Гафури, а также таких писате-

лей, как А. Тагиров, З. Хади, А. Исанбердин.

В докладе Г. Б. Хусаинова «Рукописная коллекция ученого-писателя в 40 томах, хранящаяся в научном архиве БФАН СССР» было подробно охарактеризовано уникальное рукописное наследие ученого, включающее его рукописи по истории и истории культуры Урало-Поволжья. Особый интерес представляют собранные им рукописи башкирских поэтов XVIII—XIX веков: Т. Ялысула, Ш. Заки, И. Салихова, Г. Сокрой, Акмуллы. Рукописи III и IV томов «Асар» включают сведения о жизни и деятельности более трехсот авторов, сыгравших определенную роль в развитии народного просвещения, культуры и литературы Урало-Поволжья в период XVIII—XIX веков. Он оставил богатый материал по истории Волжской Булгарии, по эпифаике, народному просвещению, издательскому и библиотечному делу у башкир и татар. В его рукописях можно найти самые различные сведения о крупных медресе, мектебах, библиотеках Уфы, Казани, Петербурга, Оренбурга, а также других городов России.

Риза Фахретдинов известен как ученый-востоковед широкого профиля. Сорок томов его рукописей включают материалы и исследования по философии, социологии религии, культуре народов Востока, в том числе татар, башкир, арабов, персов, таджиков, азербайджанцев и узбеков. Докладчик отметил, что без тщательного изучения рукописного наследия Р. Фахретдинова невозможно проследить историю развития общественной мысли и культуры Башкирии XVIII—начала XX вв. В заключение Г. Б. Хусаинов указал на ряд художественных произведений самого Р. Фахретдинова, которые остались в рукописях и нигде не публиковались. Эти произведения раскрывают новые грани художественного дарования писателя.

Доклад У. И. Гимадиева «Риза Фахретдинов — редактор журнала „Шуро“» был посвящен работе Р. Фахретдинова в первом башкирском литературно-художественном и научно-публицистическом журнале (1908—1911). По инициативе Р. Фахретдинова в этом журнале впервые были опубликованы многие произведения башкирских и татарских писателей. В журнале печатались также материалы, носившие научно-просветительный характер, написанные самим Р. Фахретдиновым. Работа Р. Фахретдинова в качестве редактора журнала «Шуро» составляет одну из ярких страниц его многогранной деятельности.

З. Я. Шарипова в докладе «Источниковедческое значение научного наследия ученого» отметила, что Р. Фахретдинов был крупным археографом, текстологом, историком-востоковедом. Его археографическая деятельность включала разыскание и сбор материала, его описание и издание, создание на этой основе научных работ.

В докладе «Новые биографические дан-

ные о Ризе Фахретдинове» *Р. Р. Кутушев* отметил недостаточную изученность жизни и творчества ученого и писателя. Материалы, выявленные в Государственном архиве Оренбургской области, позволяют установить точную дату (4/16 января 1859 г.) и место его рождения (Кучучатово Варваринской волости Бугульминского уезда Самарской губернии). В этих материалах имеются сведения о том, что он подвергался полицейскому преследованию, ряд его рукописей был конфискован. Последние, к сожалению, до сих пор не обнаружены.

М. Ф. Рахимкулова в докладе «Из опыта работы над архивными материалами ученого-писателя» сообщила, что Риза Фахретдинов только для журнала «Шуро» написал 314 статей, посвященных археологии, археографии, анализу народных башкирских и татарских песен, истории основания различных городов и т. д. Докладчик подчеркнула, что Риза Фахретдинов поддерживал связь с учеными многих зарубежных стран, в том числе Канады, Японии, Испании, Китая, Франции, Америки, Германии.

С. М. Шангареева в своем выступлении «Формирование личного фонда Ризаэтина

Фахретдинова в научном архиве БФАН СССР» рассказала об истории создания фонда ученого и писателя, в комплектовании которого большую помощь оказали *А. И. Харисов* и *Г. Б. Хусанов*. В заключение *С. М. Шангареева* отметила, что, хотя архив ученого до конца и не описан, однако даже беглый просмотр «листов использования» сорока томов его работ свидетельствует об огромном интересе, проявляемом к нему научной общественностью.

В обсуждении докладов и выступлений приняли участие дочь Ризы Фахретдинова — *Асма-ханым Фахретдинова*, писатель *Юсуф Гарей*, ученик *Р. Фахретдинова* *Магдан Магадеев* и др.

Итоги конференции подвел *Г. Б. Хусанов*, подчеркнувший, что просветительская деятельность Ризы Фахретдинова представляет собой важное звено в общей цепи развития истории культуры и литературы башкирского народа. Ближайшая задача ученых — приступить к научному описанию богатого рукописного наследия *Р. Фахретдинова* и изданию его научных работ и художественных произведений.

Р. Х. Халикова

PERSONALIA

АЛИШБЕК СУЛЕЙМАНОВИЧ АЛИЕВ

(К столетию со дня рождения)

В 1983 году исполнилось сто лет со дня рождения видного просветителя и языковеда, одного из организаторов народного образования в Туркменистане, Алишбека Сулеймановича Алиева и семьдесят лет со дня выхода в свет составленного им первого туркменского букваря.

А. С. Алиев родился в 1883 году в Махачкале в семье учителя-историка. В 1903 году он едет в Баку, где сдает экстерном экзамены за курс гимназии и становится учителем одной из пригородных школ Баку. С 1906 по 1918 г. А. С. Алиев работает учителем «русско-туземных» школ в Закаспии — Теджене, Безменне, Каахке. После установления Советской власти (1919) А. С. Алиев назначается заведующим Гинзбургским (Каахкинским) волостным отделом народного образования. Одновременно он является директором и учителем первой трудовой школы. В 1926 году А. С. Алиев

назначается директором Туркменского института (учительского института) в Ташкенте, где работает до конца своей жизни (1933).

В 1913 году А. С. Алиевым в Баку был издан первый букварь на туркменском языке под названием «Новометодная туркменская школа. Туркменский язык». В 1914 году в Ашхабаде выходит его второе издание, переработанное и дополненное автором. В предисловии к этому букварю инспектор народных училищ, автор первого «Русско-туркменского словаря» и «Грамматики туркменского языка» на русском языке И. А. Беляев одобрительно отзывался о нем и подчеркивал его достоинства и большое практическое значение.

Творчески используя опыт составления учебников для русских и нерусских школ, А. С. Алиев предложил новый буквенно-звуковой метод обучения туркменскому языку. Учебник А. С. Алиева стал основным пособием по преподаванию туркменского языка в дореволюционных школах.

Первый послеоктябрьский букварь туркменского языка также был составлен А. С. Алиевым. В 1920 году в Ташкенте вышел его учебник «Новый туркменский алфавит для первого года обучения». Для отражения на письме фонетических особенностей туркменского языка автор использовал дополнительные знаки к арабским буквам. Благодаря этому все гласные звуки туркменского языка впервые получили отражение в арабской графике.

В 1922 году Туркестанское государственное издательство выпустило в Ташкенте еще два учебника А. С. Алиева: «Туркменский язык. Книга для чтения после букваря» и «Второй год обучения туркменскому языку. Книга для классного чтения с рисунками в тексте».

А. С. Алиев вел большую работу по обеспечению учителей учебно-методическими пособиями. В 1922 году в Ташкенте выходит его «Методика арифметики» («Спутник учителя»). Эта небольшая книжка была одним из первых методических указате-

лей на туркменском языке. А. С. Алиевым была также составлена методика преподавания туркменского языка в школе¹.

В 1929 году А. С. Алиев вместе с Қ. Бориевым издает «Русско-туркменский словарь», включающий двадцать тысяч слов. Издание словаря явилось крупным событием в культурной жизни туркмен². Несмотря на отдельные недостатки, этот словарь сыграл большую роль в выявлении и фиксации огромных лексических богатств туркменского языка и в его нормировании, а также в развитии туркменско-русского двуязычия.

А. С. Алиев — один из первых собирателей и издателей туркменского фольклора. Им были собраны и изданы «Анекдоты Насреддина Эпенди» (Ашхабад, 1913) и «Туркменские сказки» (Ашхабад, 1926). Он является автором и переводчиком на туркменский язык книг «Краткая история России» (Ашхабад — Баку, 1913), «Сокращенные сказания о пророках» (Ашхабад, 1914) и ряда других изданий.

А. С. Алиев был замечательным педагогом, воспитавшим не одно поколение национальной интеллигенции. Благодаря его усилиям туркменский язык стал преподаваться в школах еще до революции. Весьма

¹ О педагогической деятельности А. С. Алиева см. в кн.: А. А. Курбанов, О. Д. Кузьмин. Очерки по истории развития педагогической мысли в Туркменистане (1886—1941 гг.). Часть I. Ашхабад, 1972, стр. 52—71.

² Т. Тачмурадов, М. Чарыев. Словарю — 50 лет. — Вестник «Памятники Туркменистана», 1980, № 1 (29), стр. 18—19.

примечательно, что А. С. Алиев, вместо обязательного по программе богословия, преподавал своим ученикам-туркменам русский язык и, вопреки запретам местных царских чиновников, родной туркменский, не предусмотренный программой «русско-туземных» школ³.

А. С. Алиев отличался простотой и скромностью в обращении с коллегами и учениками. Он постоянно выезжал в аулы, оказывая методическую помощь учителям сельских школ, не имеющим необходимой педагогической подготовки. Работая директором Туркменского инпроса в Ташкенте А. С. Алиев не жалел сил и энергии для подготовки учительских кадров, необходимых туркменским школам.

За долголетнюю и плодотворную работу в системе просвещения, заслуги в организации народного образования и создании учебников для школ Центральный Исполнительный Комитет Советов ТССР одним из первых наградил А. С. Алиева орденом Трудового Красного Знамени Туркменской ССР (1929). Он неоднократно награждался Почетными грамотами ЦИК республики.

А. С. Алиев принадлежит к первому поколению филологов и педагогов Туркмении, в чьих работах были заложены основы современных знаний о туркменском языке и литературе, о методике их преподавания. Начатое А. С. Алиевым дело в наши дни успешно продолжают его ученики и многочисленные последователи.

М. Соегов

³ См.: «Байры мугаллымларың ятламалары». Ашгабат, 1965, стр. 21.

ХРОНИКА

«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»

С 13 апреля 1984 года Отделением литературы, языка и искусства Академии наук Азербайджанской ССР совместно с Институтом языкознания им. Насими было проведено продолжавшееся три дня научно-теоретическое совещание, посвященное «Проблемам истории азербайджанского языка». В работе совещания приняли участие языковеды, литературоведы, историки, археологи, этнографы и другие специалисты как академических учреждений, так и высших учебных заведений Баку. Предметом обсуждения были вопросы возникновения и формирования азербайджанского языка, периодизации его истории, дописменной истории азербайджанского языка.

В своем вступительном слове академик-секретарь Отделения М. З. Джафаров, отметив недостаточную разработанность узловых вопросов ранней истории азербайджанского языка, особо подчеркнул актуальность данной проблемы и то большое значение, которое придается ей ЦК КП Азербайджана.

В заслушанных на совещании пяти докладах: В. И. Асланова «Роль метода внутренней реконструкции в изучении истории азербайджанского языка», Т. Н. Гаджиева «Этапы развития азербайджанского языка», В. Л. Гукасяна «История формирования азербайджанского языка», Ф. Р. Зейналова «Место азербайджанского языка среди тюркских языков», А. М. Мамедова «История азербайджанского языка: результаты и перспективы» — в центре внимания стояли вопросы периодизации истории азербайджанского языка, шумерско-тюркских языковых параллелей, историко-этимологических, топонимических, археологических, этнографических и других данных, проливающих свет на дописменный период истории языка азербайджанского народа. Была вы-

сказана мысль о том, что формирование азербайджанского языка происходило на базе диалектов тех тюркских племен и племенных союзов, которые входили в государственные образования на территории древнего Азербайджана, и что уже к VII—VIII векам, по-видимому, сложился азербайджанский народно-разговорный язык. Эта мысль подтверждалась косвенными данными различных источников (армянских, арабских, грузинских, персидских, сирийских, греческих).

После докладов развернулись оживленные прения, в которых выступили четырнадцать человек. Выступающие отмечали важность и своевременность широкого обсуждения проблемы происхождения, формирования и развития азербайджанского языка, которая должна разрабатываться в тесной связи с историей азербайджанского народа и его культуры. Была подчеркнута необходимость подготовки молодых специалистов по древним языкам (семитологов, синологов и др.), кооперации усилий филологов, историков, этнографов в целях тщательного изучения памятников старины, историографических материалов, мифологических представлений, языковых союзов и культурно-исторических общностей, систем алфавитов и письменности и т. д. Было решено создать специальную комиссию по проблеме истории азербайджанского языка при Отделении литературы, языка и искусства Академии наук Азербайджанской ССР, ежегодно издавать сборники статей, посвященных результатам историко-филологических разработок по данной проблеме, проводить один раз в три года научное совещание по вопросам истории азербайджанского языка.

А. К. Алекперов

«РАЗВИТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

26 марта 1982 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху», представленной старшим научным сотрудником этого института **Демесиновой Назипой Хабиевной**.

Основываясь на научных достижениях традиционного языкознания и современной социолингвистики, Н. Х. Демесинова в своей диссертации впервые исследует процесс развития синтаксиса казахского языка, рассматривая его как стройную и целостную систему, включающую в качестве трех основных компонентов словосочетание, простое и сложное предложения.

В диссертации дается научное объяснение причин интенсивного развития синтаксиса казахского языка в советский период, раскрываются главные факторы и пути его обогащения, определяются тенденции и направление этого процесса.

Основные теоретические положения и выводы диссертанта подкреплены данными, полученными путем сравнения обширного языкового материала предреволюционной эпохи с многочисленными фактами современного казахского языка, что логически связывает труд Н. Х. Демесиновой с реше-

нием задач комплексной проблемы «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», а также с социолингвистическими проблемами советской тюркологии.

Диссертация состоит из введения, пяти разделов, тематически объединенных в две главы, выводов и заключения.

Анализ богатого фактического материала, рассмотренного диссертантом в системном порядке, правомерно привел ее к выводу о том, что главные источники обогащения синтаксиса казахского языка — это развитие его внутренних потенциальных ресурсов и постоянное взаимодействие с языками других народов СССР, прежде всего с русским языком.

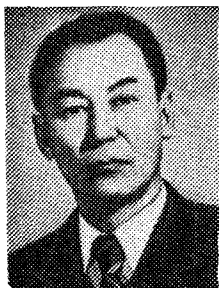
Выступившие на защите официальные оппоненты — член-корреспондент АН Казахской ССР Р. Г. Сыздыкова, д-р филол. наук, профессора К. М. Мусаев, А. Д. Джарпаров, а также академик АН Казахской ССР С. К. Кенесбаев, члены-корреспонденты АН Казахской ССР М. Б. Балакаев, А. И. Искаков, д-р филол. наук А. К. Калыбаева и другие отметили, что диссертационная работа Н. Х. Демесиновой является значительным шагом в деле изучения процесса развития и обогащения синтаксического строя тюркских языков народов СССР.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Н. Х. Демесиновой искомой ученой степени.

Решением ВАК от 29 апреля 1983 года (протокол № 16) Н. Х. Демесиновой присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Ф. Ф. Алиев

«КОНСОНАНТИЗМ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА»

28 декабря 1982 года на заседании специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита докторской диссертации «Консонантизм якутского языка (Экспериментальное, сравнительно-сопоставительное исследование)», представленной заведующим кафедрой якутского языка и литературы Якутского госуниверситета **Дьячковским Николаем Демьяновичем**.

Диссертант для исследования важных вопросов консонантного строя якутского языка и уточнения состава согласных фонем и их артикуляторно-акустических качеств впервые использовал новейшие экспериментально-лабораторные средства: палатографию, статическую рентгенографию, кинорентгенографию, а также кимографическую, осциллографическую, пневмоосциллографическую записи речи. В диссертации проведен детальный фонетико-морфологический и сравнительно-типологический анализ удвоенных согласных на стыках морфем и внутри основы и дана их фонологическая трактовка; проанализированы нормы употребления согласных в разных позициях, установлены причины и характер модификаций и выпадений согласных. В работе широко использованы для сравне-

ния материалы других тюркских (прежде всего древнетюркского и восточнотюркских), а также монгольских, тунгусо-маньчжурских и отчасти русского языков.

Диссертация включает введение и шесть глав: «Состав согласных фонем и их описание», «Нормы позиционного употребления согласных», «Чередования согласных (альтернации)», «Вариации (свободные чередования) согласных», «Модификация согласных», «Случаи исторического и живого выпадения согласных».

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке целостной нормативной грамматики современного литературного языка, норм орфоэпии, правил орфографии и методики преподавания фонетики якутского языка, а также для сравнительно-сопоставительного препода-

вания фонетики русского и иностранных языков в якутских школах и на соответствующих факультетах университета.

Официальные оппоненты: профессора Е. И. Убрятова, Т. К. Ахматов, М. Т. Томанов отметили высокий научный уровень и практическую значимость диссертации. Это мнение было поддержано членом-корр. АН Казахской ССР А. Т. Кайдаровым и другими выступавшими.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении диссертанту искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 6 января 1984 г. (протокол № 1 д/6) Н. Д. Дьячковскому присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Н. Антонов

«КИРГИЗСКАЯ ПРОЗА И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА»

3 июня 1983 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Киргизском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. 50-летия СССР состоялась защита докторской диссертации «Киргизская проза и проблемы художественного перевода», представленной

Джолдошевой Чолпон Токчоровной.

Диссертация Ч. Т. Джолдошевой является первым монографическим исследованием художественных переводов киргизской прозы на русский язык. В диссертации выявляется специфика прозаического перевода как особого вида художественного творчества, раскрывается роль творческой индивидуальности переводчиков, которые справедливо рассматриваются диссертантом как интерпретаторы художественных произведений национальной прозы.

Анализ произведений киргизской прозы в сопоставлении с их русскими переводами позволил диссертанту высказать ряд собственных суждений по важнейшим проблемам художественного перевода прозы.

Особый интерес представляет изучение диссертантом творческого опыта Ч. Айтматова по его авторским переводам собственных произведений с русского на киргизский и с киргизского на русский язык.

Переводы Ч. Айтматова являются продолжением творческой работы писателя над произведением, его дальнейшим художественным совершенствованием. Автор-переводчик при переводе своего произведения на русский язык допускает значительные отступления от киргизского оригинала в связи с переносом этого произведения в иную читательскую среду. Присущие киргизской литературе жанровая стилистика и особый строй образов автором-переводчиком сознательно нарушаются. Повести Ч. Айтматова в его авторских переводах приобретают новые особенности, способствующие адекватности восприятия произведения в иной языковой среде. Диссертант приходит к выводу о возрастающей роли авторского перевода во взаимообогащении национальных литератур.

Официальные оппоненты д-ра филол. наук, профессора Е. К. Озмитель, Л. П. Каюмов и Г. Б. Бабаев и выступившие на защите академик АН Казахской ССР З. А. Ахметов, д-р филол. наук, проф. М. Б. Борбугулов оценили диссертацию Ч. Т. Джолдошевой как серьезное научное исследование, посвященное проблемам художественного перевода киргизской прозы на русский язык.

Специализированный совет единогласно принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Ч. Т. Джолдошевой ученой степени доктора филологических наук.

Решением ВАК СССР от 3 февраля 1984 года (протокол 4 Д/5) Джолдошевой Ч. Т. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

К. И. Иманалиев

СОДЕРЖАНИЕ

Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза	3
Константин Устинович Черненко	7

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. А. Серебренников (Москва). К проблеме истории гласных чувашского языка	9
---	---

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. А. Юналеева (Казань). О семантических моделях тюркизмов в лексической системе русского языка	15
---	----

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. Урманчеев (Уфа). Героико-архаическое сказание «Алтайн Санн Суме»	25
---	----

ОНОМАСТИКА

У. Ф. Надергулов (Уфа). О гидрониме «Соран», правом притоке Самары	33
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. З. Абдуллаев (Баку). К вопросу г~з в тюркских языках	36
---	----

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Б. В. Лунин (Ташкент). Александр Константинович Боровков	43
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. М. Махмудов (Ташкент). Семантико-синтаксическая асимметрия в автокаузативном простом предложении	49
Н. Э. Гаджихамедов (Махачкала). Условное наклонение глагола в кумыкском языке	57
А. Махаматов (Ташкент). К вопросу о функциях тюркского ударения	63
Ж. М. Гузев (Нальчик). О синонимических определениях в толковых словарях тюркских языков	67
Н. Ш. Хисамов (Казань). Итоги и задачи изучения «Кысса-и Йусуф» Кул'Али	72
Н. Х. Максютлова (Уфа). Башкирская диалектология	76

РЕЦЕНЗИИ

М. Б. Хайруллин (Казань). «Исследования по диалектологии и истории татарского языка»	82
Р. Г. Ахметьянов (Казань). Р. А. Юналеева. Опыт исследования заимствований	83
З. Ураксин (Уфа). Г. Х. Эхатов. Татар теленең фразеологик әйтелмәләре сүзлегенә	84
Х. Г. Нигматов (Бухара). Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении	86
Х. Ж. Суюншалиев (Алма-Ата). Әбсәттар Дәрбісәлиев. Шыңырау бұлактар	89
Ф. М. Хисамова, Ф. Ю. Юсупов (Казань). Н. Х. Ольмесов. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков	90
Р. Липец (Москва). С. С. Суразаков. Из глубины веков	92
А. С. Мирбадалева, Н. В. Кидайш-Покровская (Москва). Новое издание киргизского героического эпоса «Манас»	95
Г. М.-Р. Оразиев (Махачкала). Солтанмурат Акъбиев. Къольязыв китапдан басмагъа ерли	96
Г. К. Кулиев (Баку). «Общественные науки Советского Азербайджана. 1920—1980 гг.»	98
У. Д. Доспанов (Нукус). Қарақалпақ фольклоры	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Э. Трыарски (Варшава). Проблемы алтаистики на XXXI Международном конгрессе по Азии и Северной Африке	102
Р. Х. Халикова (Уфа). 125 лет со дня рождения Ризы Фахретдинова	103

PERSONALIA

М. Соггов (Ашхабад). Алишбек Сулейманович Алиев	106
---	-----

ХРОНИКА

А. К. Алекперов (Баку). «Проблемы истории азербайджанского языка»	108
«Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху»	109
«Консонантизм якутского языка»	109
«Киргизская проза и проблемы художественного перевода»	110

CONTENTS

- Information on a Plenary Meeting of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union
Konstantin Ustinovich Chernenko

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- B. A. Serebrennikov (Moscow). On the problem of history of vowels in Chuvash

LANGUAGES IN CONTACT

- P. A. Yunaleyeva (Kazan). On semantic models of turkisms in the lexical system of Russian

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- F. Urmancheyev (Ufa). Heroical archaic legend «Altain Sain Sume»

ONOMASTICS

- U. F. Nadergulov (Ufa). On hydronim «Soran», of the right tributary of Samara

DISCUSSIONS

- A. Z. Abdullayev (Baku). On $r \sim z$ in Turkic

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- B. V. Lunin (Tashkent). Alexandr Konstantinovich Borovkov

REPORTS, SURVEYS

- N. M. Makhmudov (Tashkent). Semantic-syntactic asymmetry in autocausive simple sentences
A. E. Gadzhiakhmedov (Makhach-Kala). The conditional mood of verb in Comyk
A. Makhmatov (Tashkent). On functions of Turkic stress
Zh. M. Guzeyeu (Nalchik). Synonymous attributes in the explanatory dictionaries of the Turkic languages
N. Sh. Khisamov (Kazan). The results and tasks of learning «Kyssa-i Yusuf» by Kul 'Ali
A. Kh. Maksjutova (Ufa). The Bashkirian dialectology

REVIEWS

- M. B. Khairullin (Kazan). «Исследования по диалектологии и истории татарского языка»
R. G. Akhmetjanov (Kazan). P. A. Юналеева. Опыт исследования заимствований
Z. Uraksin (Ufa). Г. Х. Эхатов. Татар теленен фразеологик әйтелмәләр сүзлегенә
Kh. G. Nigmatov (Bukhara). Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении
Kh. Zh. Sujunshaliyev (Alma-Ata). Әбсәттар Дәрбисәлиев. Шыңырау бұлактар
F. M. Khisamova, F. Yu. Yusupov (Kazan). Н. Х. Ольмесов. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков
R. Lipets (Moscow). С. С. Суразаков. Из глубины веков
A. S. Mirbadaleva, N. V. Kidaish-Pokrovskaya (Moscow). Новое издание киргизского героического эпоса «Манас»
G. M.-R. Orazayev (Makhach-Kala). Солтанмурат Акъбиев. Къольязыв китапдан басмагъа ерли
G. K. Kuliyeu (Baku). «Общественные науки Советского Азербайджана. 1920—1980 гг.»
U. D. Dospanov (Nukus). Қарақалпақ фольклоры

SCIENTIFIC LIFE

- E. Tryjarski (Warszawa). The problems of Altaistics on the XXXI International congress on Asia and Northern Africa
R. Kh. Khalikova (Ufa). 125 old years of Riza Fakhretdinov

PERSONALIA

- M. Soyegov (Ashkhabad). Alishbek Sulejmanovich Aliyev

CHRONICLE

- A. K. Alekperov (Baku). «The problems of history of Azerbaijan language»
«Development of syntactic system of Kazakh language in the soviet age»
«The consonantisms of Yakut language»
«Kirgizian prose and the problems of artistic translation»